

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

36
2024
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 36 (535) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Симон Львович Соловейчик* (1930–1996), советский и российский публицист, преподаватель, теоретик педагогики, журналист, теле- и радиоведущий.

Симон Львович родился в Симферополе 1 октября 1930 года. На детские годы выдающегося педагога и писателя советского времени пришлась война и жизнь в эвакуации. В юности он работал пионервожатым, а потом преподавал русский язык и литературу в библиотечном техникуме в небольшом городе Зубцове. В Москве он закончил филологический факультет МГУ и работал корреспондентом таких изданий, как газета «Строитель стадиона», журнал «Пионер», «Комсомольская правда». В то же время он стал автором большого количества публикаций на общественные, семейные, школьные, музыкально-ведческие темы. Уже тогда он задумывался о принципах, на которых построена система образования и воспитания в Советском Союзе.

На радиостанции «Маяк» Соловейчик вёл передачу под названием «Я купил пластинку», а на центральном телевидении был ведущим ежедневных передач «Час ученичества» и «Педагогика для всех».

В жизни Симона Львовича был период, когда он отказался от работы во всех периодических изданиях, чтобы посвятить время написанию собственных книг. В это время была написана «Педагогика для всех» и ряд других книг.

Он стал соучредителем «Учительской газеты», из которой в 1990-е годы выросла газета «Первое сентября», сценаристом программы «Час ученичества». Отец троих детей, Соловейчик щедро делился в своих книгах наблюдениями за собственными сыновьями и дочерью.

Его идеи легли в основу так называемой педагогики сотрудничества. Соловейчик как будто жил в реальности, параллельной традиционной советской педагогике, в которой генеральной линией было «искоренение дурной природы ребёнка» (лени, слабоволия, трусости) и жёсткое внушение норм общества: коллективизма, товарищества, стойкости и пренебрежения к своим чувствам.

Свобода — ключевое понятие в трудах Соловейчика. Внутренняя свобода — это основа развития: и нравственного, и интеллектуального. Научить ей нельзя, можно только воспитать своим примером и правильными отношениями с ребёнком. Свобода не равна попустительству или, как выражается Соловейчик, освобождению от дисциплины. Свобода в школе — это не хаос, а право мыслить вне рамок, задавать вопросы, ощущать себя личностью, даже если находишься в положении младшего, ученика. И эту свободу учитель может и должен воспитывать, быть её примером.

Принижение ребёнка, снисходительное отношение, одёрживание — это путь к тому, что его развитие остановится, пропадёт любопытство и интерес к учёбе и вообще к чему-то новому. Зубрёжка и скучный материал «для середнячков» — одна из причин, почему дети не любят учиться, считал Соловейчик. Это не значит, что учиться в школе должны только талантливые дети. Наоборот, Соловейчик разделял советские идеалы обучения, доступного для всех. Но задачи, которые даёт ребёнку школа, должны быть для него трудными и вдохновляющими, он должен чувствовать, что по-настоящему развивается. И плотная загруженность — ещё не показатель этого.

Симон Соловейчик фактически воспроизвел в своих работах идеи теории объектных отношений, которые в начале XX века сформулировали западные психоаналитики Мелани Кляйн, Дональд Винникот, Майкл Балинт и другие. Воспитание, писал он, зависит от трёх переменных: взрослые, дети и отношения между ними.

Совсем маленький ребёнок, объяснял Соловейчик, нуждается в безоговорочном признании его чувств и желаний, а ещё — в стойкой вере в то, что мир в основном справедлив и добр. Такой идеализм служит детям защитой, без которой им будет страшно и невыносимо жить. Но постепенно ребёнок растёт, и ему становится важно узнавать и другие стороны жизни, учиться справляться с неприятностями.

Гонять во дворе собак, шутил Соловейчик, — это тоже развитие. Ребёнок должен развиваться и психически, и физически. И порой проявления этого развития — шум, беготня, громкие крики — нарушают комфорт взрослых и их представления о приличиях. Но подавление природы непременно «отомстит», нельзя подавлять ребёнка только потому, что он неудобен. И наоборот — кружки и секции, которые вроде бы предназначены для развития, не всегда на самом деле отвечают этому. Любознательность, интерес к миру — показатели внутренней живости ребёнка, и сохранить её важнее, чем сохранить дисциплину или хорошие оценки.

Симон Львович умер в 1996 году в Москве. Он похоронен на Востряковском кладбище.

Его сын, Артем Симонович Соловейчик, продолжает дело отца в качестве главного редактора издательского дома «Первое сентября».

По повести Соловейчика «Печальный однолюб» была поставлена пьеса, а по повести «Ватага «Семь ветров» снят 8-серийный телефильм.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Белова Е. В.**
Ошибки в судебных решениях в гражданском процессе.....79
- Биктеева А. Ш.**
Правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации как субъекта единой системы публичной власти82
- Богачкина Е. Е.**
Анализ эффективности системы внутреннего финансового контроля84
- Борганова О. С.**
Некоторые аспекты правового регулирования права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в контексте свободы движения рабочей силы в рамках ЕАЭС87
- Деркачев К. А.**
Уголовно-процессуальная и криминалистическая природа признаков неотложных следственных действий.....90
- Дубова Е. М.**
Крымские сокровища: история правового противостояния91
- Ефимов М. А.**
Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности за неисполнение обязательств, предусмотренных государственными и муниципальными контрактами95
- Жидков М. В.**
Основные направления деятельности конституционных (уставных) советов в субъектах Российской Федерации98
- Жукова В. О.**
Процессуальный и материальный подходы к правовой природе мирового соглашения 104
- Зезегова К. Ю.**
Влияние искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве на реализацию принципа непосредственности 106
- Зейналова Р. А.**
К вопросу о понятии нетерпимости к коррупционному поведению 108
- Зыбин А. В.**
Последствия признания завещания недействительным 110
- Истомина Е. Н.**
Место конституционного права человека и гражданина на свободу мнения, совести и вероисповедания в системе конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации на современном этапе 111
- Канчурина С. Р.**
Понятие общественной безопасности и общественного порядка 114
- Каркошко Г. И.**
Односторонний отказ от договора купли-продажи: проблемные аспекты и пути решения..... 116
- Каркошко Г. И.**
Основные правовые положения договора купли-продажи 117
- Киселева Е. И.**
Гектар для жизни и предпринимательских инициатив..... 119
- Лаврухина В. Н.**
Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел о причинении вреда здоровью личности: проблемы квалификации и поддержания государственного обвинения..... 121
- Лазарева Т. С.**
Понятие и статус должностного лица в административном праве Российской Федерации 124
- Максимова А. В.**
Достоинство личности как нематериальное благо в гражданском праве (статья 21 Конституции России)..... 126
- Максимова А. В.**
Особенности дел о защите чести, достоинства и деловой репутации 128
- Морозова Н. М.**
К вопросу о понятии и признаках судебного усмотрения в гражданском процессе 129

Панкратов Е. П.

Криминалистическая характеристика половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних..... 133

Руцак М. В.

Регулирование оборота драгоценных металлов и камней: гражданско-правовой аспект 135

Суриков В. Д.

Международное регулирование искусственного интеллекта 137

Суриков В. Д.

Уголовно-правовое регулирование искусственного интеллекта в России 138

Филиппова М. П.

Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормы уголовно-процессуального законодательства, судебная и следственная практика..... 140

Шереметьева Т. Д.

Проблемы осуществления органами прокуратуры криминологического прогнозирования 143

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR**Карлов Л. А.**

Интеграция традиционных и инновационных методов рекламы в стратегию вывода на рынок коммуникационного агентства 145

Постовая Е. С.

Сущность и содержание понятия «персональный бренд»..... 148

Сучкова А. Ю.

Разработка компетентностного профиля маркетолога, востребованного работодателем..... 150

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ошибки в судебных решениях в гражданском процессе

Белова Елена Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье автор рассматривает ошибки в решении суда в гражданском процессе. Исправление опечаток и явных арифметических ошибок в решении суда в гражданском процессе является важным аспектом, который обеспечивает точность и законность судебных актов. Суд может самостоятельно выявить и исправить ошибку в процессе исполнения решения. Сторона, заметившая ошибку, может подать ходатайство о ее исправлении. В таком случае суд рассматривает ходатайство и принимает решение. Существует определенный срок, в течение которого стороны могут обратиться с просьбой об исправлении. Обычно это происходит в рамках установленного процессуального срока, но точные сроки могут варьироваться в зависимости от законодательства. Исправление опечаток и явных арифметических ошибок в судебных решениях играет важную роль в обеспечении правосудия и законности. Это позволяет минимизировать негативные последствия для сторон и поддерживать доверие к судебной системе.

Ключевые слова: судебное решение, опечатки, явные арифметические ошибки, гражданский процесс, эффективность применения.

Ошибки в судебных решениях могут существенно влиять на права и законные интересы сторон. Понимание причин и последствий таких ошибок помогает улучшить защиту прав граждан.

Изучение ошибок позволяет выявить системные недостатки в работе судов, что способствует повышению качества правосудия и укреплению доверия к судебной системе.

Решение, вынесенное судом, является официальным постановлением, которое отражает вердикт государственной власти по рассматриваемому вопросу. Оно затрагивает ключевые аспекты разногласий между сторонами в рамках судебного разбирательства, а также касается предмета судопроизводства в особых случаях или в ситуациях, возникающих на почве гражданско-правовых взаимоотношений.

Существенной частью такого решения является окончательное постановление по вопросу защиты и сохранения прав, а также интересов как физических лиц, так и организаций. Суд определяет, какая правовая норма подлежит применению к данным обстоятельствам, придавая этому решению максимальную юридическую силу.

Обладая обязательным для исполнения статусом, решения суда обретают непререкаемый авторитет и вес, что обязывает не только непосредственных участников процесса, но и все правовые субъекты к его безусловному следованию. Невыполнение судебного решения влечет за собой правовые санкции, которые могут выразиться

в принудительном исполнении, введении административных взысканий или даже уголовной ответственности, что подчеркивает важность соблюдения установленных судом директив [8].

Как правило, суд первой инстанции не может сам отменить или изменить свое решение после его объявления. Это следует из принципа окончательности судебного решения, который гарантирует его устойчивость и конечность. Изменение содержания судебного акта невозможно, за исключением особых случаев, предусмотренных законом.

Однако существуют исключения. Согласно статье 200 части 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) [1], суд вправе исправить некоторые ошибки в решении, такие как опечатки или явные арифметические неточности.

Данная статья устанавливает процедуру, направленную на устранение формальных недочетов, чтобы обеспечить правильное и точное отражение решения суда, и в то же время поддерживает принцип его неизменности после оглашения.

Опечатки — это ошибки, возникающие в результате неправильного написания или записи информации, которые не влияют на суть решения.

Явные арифметические ошибки — это ошибки в расчетах, которые могут быть легко обнаружены и исправлены без необходимости глубокого анализа дела [10].

Согласно гражданскому процессуальному законодательству, суд имеет право исправлять описки и явные арифметические ошибки в своих решениях. Это может быть сделано как по инициативе суда, так и по просьбе сторон.

Подобные корректировки также применимы в арбитражном процессе в соответствии с частью 3 статьи 179 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ), позволяющей арбитражному суду, по инициативе заинтересованных сторон или самостоятельно, исправлять технические ошибки документа.

Эти положения в законодательстве призваны устранить технические дефекты, не связанные с ошибочной интерпретацией правовых норм.

Приведем примеры ошибок.

Описки и опечатки:

- неправильное написание фамилии одной из сторон;
- ошибка в указании адреса или наименования компании;
- неверно указанные даты или номера документов.

Арифметические ошибки:

- неправильный расчет суммы ущерба или компенсации;
- ошибка в подсчете чисел в расчете судебных издержек;
- неправильное сложение или вычитание цифр при расчете процентов.

Так, в Апелляционном определении Московского городского суда от 10.07.2024 по делу № 33–27970/2024 была допущена ошибка в дате регистрации квартиры.

Судом было отказано в требованиях об обязанности заключить договор социального найма, о признании членом семьи.

Установлено, что проживание истца в спорной квартире в отсутствие договора социального найма не свидетельствует о его вселении в квартиру на постоянной основе в установленном законом порядке в качестве члена семьи нанимателя [4].

Описки в решении суда не искажают суть решения, не свидетельствуют о том, что оно является неправильным, подлежат исправлению судом в порядке ст. 200 ГПК РФ.

Как отмечает Е. А. Тимашенкова, арифметические ошибки в судебном решении могут указывать на несоответствие между истинным намерением суда и тем, что отражено в документе [13].

Согласно Е. В. Кудрявцевой, суды первой инстанции имеют полномочия для исправления подобных неточностей, поскольку ошибки могут исказить ясное намерение суда [9].

Ошибки в судебном решении могут трактоваться как неправильное указание слов или цифр, которые имеют значение для сторон или органов, осуществляющих исполнение судебного акта.

Пока дело не передано в апелляционную инстанцию, суд первой инстанции может самостоятельно, или по заявлению заинтересованных сторон, устранить технические ошибки, а также, если нужно, вынести дополнительное решение.

Хотя современное процессуальное законодательство не дает исчерпывающего списка допустимых исправлений,

прослеживаются идеи А. М. о. Ондар, который утверждает, что возможно исправление очевидных ошибок и опечаток, которые не касаются сути решения и могут быть легко устранены тем судом, который постановил решение [12].

Исправление описок и арифметических ошибок не изменяет сути решения суда. Однако оно обеспечивает его точность и может предотвратить возможные споры в будущем.

Приведем пример. В Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 88–24323/2023 принято определение о восстановлении срока подачи апелляционной жалобы.

Решением суда определение оставлено без изменения.

Ссылка в кассационной жалобе на наличие описки в апелляционном определении не свидетельствует о нарушении судом апелляционной инстанции норм процессуального права, которые привели к принятию неправильного судебного постановления. Допущенная судом апелляционной инстанции описка может быть исправлена по заявлению лица, участвующего в деле, либо по инициативе суда (ст. 200 ГПК РФ) [11].

Итак, в соответствии с российским законодательством, возможности для исправления описок и очевидных арифметических ошибок в судебных документах четко регламентированы: конкретные положения содержатся во второй части 200-й и в 203.1 статьях Гражданского процессуального кодекса РФ.

Если в судебном решении найдена техническая ошибка, стороны имеют право инициировать её исправление. Для этого необходимо подготовить соответствующее заявление и направить его в тот же суд, который вынес исправляемый акт.

Когда суд получит заявление, он устроит заседание и, по его итогам, вынесет определение об исправлении допущенной ошибки. Примечательно, что закон не устанавливает временных рамок для подачи такого заявления — это можно сделать в любой момент, когда обнаружится ошибка.

Суд обязан рассмотреть заявление о технической ошибке в течение десяти дней с момента его получения и поступит так, не оповещая сторон, участвующих в деле.

Решение, принятое по результатам рассмотрения, направляется участникам процесса в срок до трёх дней с момента вынесения. В случае несогласия с определением, стороны вправе подать частную жалобу в течение 15 дней после даты его издания. Если жалоба не предъявлена, определение суда вступит в законную силу спустя 15 дней.

Что касается оформления заявления, оно происходит в свободной форме, но придерживаясь общих принципов написания процессуальных документов. В документе необходимо точно указать судебный акт, где была допущена ошибка, перечислить обнаруженные неточности и представить верную формулировку. Кроме того, следует подчеркнуть, что обнаруженные описки не затрагивают содержание решения и исправление их не приведёт к изменениям или отмене вынесенного постановления [14].

Отправлять сторонам процесса копии заявления не требуется, а проводимая процедура не подразумевает уплату государственной пошлины, так как не связана с обжалованием решения суда и касается только исправления документальных неточностей.

Так, в Апелляционном определении Московского городского суда от 08.07.2024 по делу № 33–13166/2024, довод жалобы ответчика о наличии в решении суда описки в указании даты окончания срока кредитного договора не свидетельствует о наличии оснований для отмены решения суда, а фактически свидетельствуют о наличии в решении суда описки, которая может быть устранена судом в порядке ст. 200 ГПК РФ. Требования займодавца были о взыскании основного долга по кредитному договору; о взыскании процентов за пользование кредитом; о взыскании неустойки по кредитному договору. Ответчик в нарушение условий кредитного договора прекратил надлежащее исполнение своих обязательств по возврату суммы кредита и уплате процентов за пользование предоставленными денежными средствами. Суд все требования удовлетворил [5].

Исправление описок и арифметических ошибок не изменяет сути решения. Оно лишь устраняет технические неточности.

Исправление не влияет на возможность обжалования решения в апелляционной или кассационной инстанции, если таковое предусмотрено.

На основании вышеизложенного, представляется целесообразным внести изменения в ст. 230 ч. 2 ГПК РФ, изложив в следующей редакции:

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46 ст. 4532.
2. Постановление Пленума ВС РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2004 г. № 2.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.07.2024 по делу № 33–27970/2024
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.07.2024 по делу № 33–13166/2024
6. Александров А. Ю., Косоруков Я. С. Устранение недостатков судебного решения // *Colloquium-jour* № al. 2019. № 15–10 (39). С. 29–30.
7. Батурина Н. А. Устранение неполноты судебных актов в гражданском процессе // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016. № 8. С. 17–22.
8. Красников, И. В. Институт исправления допущенных в судебном решении описок, опечаток и явных арифметических ошибок / И. В. Красников // *StudNet*.— 2020.— Т. 3, № 9.— С. 1405–1410.
9. Кудрявцева Е. В. Прокудина Л. А. Как написать судебное решение. М.: «Издательство Юрайт», 2015. С. 152.
10. Лубянова, О. А. Понятие судебной ошибки и её классификации / О. А. Лубянова // *Молодой ученый*.— 2020.— № 14 (304).— С. 174–176.
11. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 88–24323/2023 // <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 01.09.2024)
12. Ондар, А. М. о. Понятие судебных ошибок в гражданском судопроизводстве и меры их предупреждения / А. М. о. Ондар // *Актуальные вопросы современной науки: сборник статей IX Международной научно-практической конференции*, Пенза, 15 октября 2023 года.— Пенза: Наука и Просвещение, 2023.— С. 82–84.
13. Тимашенкова, Е. А. Технические ошибки в решениях судов по гражданско-правовым спорам / Е. А. Тимашенкова // *Цивилистика: право и процесс*.— 2019.— № 2.— С. 121–126.

14. Цахаев, А. М. Протокол судебного заседания в соответствии с главой 21 ГПК РФ: особенности составления протокола судебного заседания, исправления допущенных в протоколе судебного заседания описок, опечаток и явных арифметических ошибок / А. М. Цахаев // NovaUm.Ru. — 2021. — № 33. — С. 68–70.

Правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации как субъекта единой системы публичной власти

Биктеева Алина Шакировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Соколова Оксана Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Анализ правового статуса и полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации крайне важен в целях повышения эффективности публичных органов власти. В настоящее время качественная реализация отдельных, в том числе, чрезвычайных полномочий высших должностных лиц является вопросом национальной безопасности и защиты суверенитета России.

Ключевые слова: Оренбургская область, высшее должностное лицо, Российская Федерация, исполнительная власть, местное самоуправление, правовой статус

Вопросы реализации полномочий высших должностных лиц и их правового статуса исторически являются крайне важными и актуальными для России вопросами как теоретического, так и практического характера. В первую очередь реализация власти на местах или в отдельных административно-территориальных единицах (губернии, области, края и т.д.) — вопрос создания эффективной вертикали власти по модели «центр — регионы» [5], а если речь идет про приграничные регионы, то в первую очередь вопрос защиты границы, национальной безопасности и суверенитета.

Институт губернатора как высшего должностного лица зародился при Петре I и показал себя как эффективный инструмент реализации власти в регионах. Исторически главной проблематикой института высшего должностного лица в субъекте России был баланс полномочий, которые бы позволяли эффективно управлять регионом, но не терять политико-правовые и экономические связи с центральной властью.

Как отмечает Н. А. Григорьев, «...регионам планируется предоставить больше возможностей в развитии социально-экономического состояния: самостоятельная инвестиционная политика, перераспределение межбюджетных трансфертов, создание собственных научно-инновационных кластеров» [5]. И действительно, в настоящее время создаются новые комплексные меры поддержки и институты созидательного развития для регионов. Многие мероприятия можно выполнить на региональном или местном уровне в субъекте только при условии эффективной и слаженной работы органов исполнительной власти субъекта и органов местного самоуправления зависит развитие региона. Таким образом, вопросы правового статуса высшего должностного лица, а также регулирование его полномочий как «главного чи-

новника» региона крайне важная тема не только в теоретическом анализе, но и в практике — для улучшения эффективности публичных органов власти всех уровней и социально-экономического положения населения.

Главным нормативным правовым актом в России является Конституция Российской Федерации. В соответствии со статьями 72–73 Конституции Российской Федерации [1] устанавливается предмет ведения субъекта и та сфера деятельности, которая регулируется совместно с федеральным уровнем. Соответственно полномочия высшего должностного лица регулируются в данных пределах.

Кроме того, статья 77 Конституции Российской Федерации закрепляет сравнительно новое понятие для конституционного права России — «публичная власть», которая объединяет все уровни федеральной и региональной власти, а также включает в единую систему (вертикаль) власти местный уровень, органы местного самоуправления. Как отмечает О. А. Ковтун, «...высшее должностное лицо субъекта РФ, исходя из конституционного принципа разделения властей, входит в единую систему публичной власти в Российской Федерации и одновременно является частью системы органов публичной власти субъектов РФ» [6].

В этом аспекте подобная практика эффективно отражает конституционализированную в 2020 г. правовую категорию «система публичной власти». То есть принцип единства системы публичной власти в Российской Федерации, предполагающий взаимодействие органов и должностных лиц всех уровней власти для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, максимально результативен в рамках городского самоуправления [7].

Данная статья Конституции в части 3 закрепляет основу правового статуса высшего должностного лица

в следующей форме: «Высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) может быть гражданин Российской Федерации, достигший 30 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства» [1], а также вводит ряд ограничений и запретов, которые накладывают данный статус.

Подробнее правовой статус и полномочия раскрываются в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [2]. Как отмечали авторы указанного закона, «с учетом особенностей правового статуса высшего должностного лица субъекта РФ, характера и круга решаемых им публичных задач, высшее должностное лицо субъекта признается обязательным органом публичной власти. Высшее должностное лицо осуществляет руководство исполнительной властью в субъекте РФ, определяет систему и структуру органов исполнительных органов субъекта РФ. Высшее должностное лицо избирается гражданами или депутатами законодательного органа субъекта РФ. При этом определено, что высшее должностное лицо прекращает исполнение своих полномочий с истечением срока пребывания в должности с момента принесения присяги вновь избранным высшим должностным лицом субъекта РФ» [4].

Так к основным полномочиям высшего должностного лица можно отнести следующие:

- 1) Представительские полномочия (представляет субъект во взаимодействии с федеральными органами власти, другими регионами, а также во внешнеэкономической деятельности в пределах полномочий);
- 2) Законодательные полномочия (подписывает, обнародует, отклоняет законы принятые законодательным органом власти);
- 3) Координация деятельности органов власти субъекта;
- 4) Определение структуры органов исполнительной власти, формирование данной ветви власти;
- 5) Вопросы регулирования деятельности органов местного самоуправления, вплоть до отрешения главы органа местного самоуправления.

Так в соответствии со статьей 42 Устава (Основного Закона) Оренбургской области (далее — Устав) в систему органов исполнительной власти Оренбургской области входят Губернатор Оренбургской области, Правительство Оренбургской области, иные органы исполнительной власти Оренбургской области. Кроме того, Губернатор Оренбургской области возглавляет Правительство Оренбургской области [3].

Также высшее должностное лицо издает нормативные правовые акты (указы, распоряжения), а также подписы-

вает и обнародует законы регионального уровня. Высшее должностное лицо также имеет право законодательной инициативы и активно участвует в правотворчестве на уровне субъекта Российской Федерации.

Так в соответствии со статьей 37 Устава право законодательной инициативы в Законодательном Собрании принадлежит, в том числе и Губернатору Оренбургской области [3]. Например, только к бюджету Оренбургской области Губернатором Оренбургской области было внесено 18 поправок [8], что говорит о высоком уровне активности Д. В. Паслера в процессе принятия важнейшего регионального закона о бюджете

Также в соответствии со статьей 46 Устава определяется предмет деятельности Губернатора Оренбургской области, а именно по вопросам, связанным:

- с полномочиями органов государственной власти по предметам совместного ведения Российской Федерации и Оренбургской области;
- с отдельными полномочиями федеральных органов исполнительной власти, делегированными органам исполнительной власти Оренбургской области по предметам совместного ведения Российской Федерации и Оренбургской области;
- с полномочиями органов исполнительной власти Оренбургской области по иным предметам ведения, не отнесенным Конституцией Российской Федерации к ведению Российской Федерации и совместному ведению Российской Федерации и Оренбургской области.

Высшее должностное лицо занимает крайне важное место и играет существенную роль в формировании публичной власти в России.

Во-первых, «главные чиновники» региона представляют интересы региона, что фактически является их ключевой задачей. Несмотря на то, что формальное наполнение полномочий установлено на федеральном уровне одинаково — реальные полномочия и качество их исполнения разительно отличаются. Если сравнить даже примерно одинаковые по экономическому уровню и количеству населения субъекты Российской Федерации, то можно отметить, что какие-то регионы в полной мере активно используют все доступные механизмы федеральной поддержки, привлекают инвестиции как от частных инвесторов, так и в рамках различных видов государственной поддержки. Считаем, что привлечение инвестиций в регион является одной из главнейших задач глав субъектов.

Во-вторых, от грамотно выстроенной работы команды высшего должностного лица зависит как клиентоцентричность всех уровней власти: от регионального правительства до администрации сельсоветов. Так, например, в Оренбургской области команда Губернатора и сам Д. В. Паслер уделяет огромное внимание качеству ответов на обращения граждан, вопросам оказания государственных и муниципальных услуг, цифровой трансформации региона, а также поддерживает участие Оренбургской области в различных федеральных проектах, пилотных запущенных инициатив.

Таким образом, считаем, что в настоящее время высшее должностное лицо занимает центральное место в системе публичной власти на региональном уровне, а также является главным связующим элементом между центром и регионами, выстраивает важнейшие эконо-

мические связи с потенциальными инвесторами и бенефициарами, решает противоречия внутри системы публичной власти региона и настраивает работу по достижению основных показателей национальных проектов в своем субъекте.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 04 марта 2020 г.] // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 1993. — № 31. — Ст. 4398.
2. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [федер. закон: принят Гос. Думой 14 декабря 2021 г.: одобрен Советом Федерации 15 декабря 2021 г.: по состоянию на 25 декабря 2023 г.] // Российская газета. — 2021. — № 294. (25 декабря 2021 г.)
3. Устав (Основной Закон) Оренбургской области [Закон Оренбургской области: принят Зак. Собр. Оренб. области 20 ноября 2000 г.: по состоянию на 1 ноября 2023 года] // Южный Урал. — 2000. — № 243.
4. Досье на проект федерального закона № 1256381-7 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (внесен 27.09.2021 сенатором РФ А. А. Клишасом, депутатом ГД П. В. Крашенинниковым) (подписан Президентом РФ) // Справочно-правовая система «Гарант»
5. Григорьев, А. Н. Современный этап эволюции системы отношений «Центр регионы» / А. Н. Григорьев // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. — 2014. — № 2. — С. 157–165.
6. Ковтун, А. О., Терещенко, Д. Н. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации как орган публичной власти / А. О. Ковтун, Д. Н. Терещенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 7. — С. 141–144.
7. Соколова А. И. Об отдельных особенностях организации местного самоуправления в городских поселениях и округах. / А. И. Соколова // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА — 2022. — № 4 (54)/2022 — С. 35–40.
8. Губернатор Денис Паслер внёс 18 поправок к бюджету 2024 года. // Газета «Оренбуржье»: [сайт]. — URL: <https://orenburzhie.ru/economy/gubernator-denis-pasler-vnyos-18-popravok-k-byudzhetu-2024-goda/> (дата обращения: 22.01.2024).

Анализ эффективности системы внутреннего финансового контроля

Богачкина Елена Евгеньевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию целей, задач и функций внутреннего финансового контроля. Акцент делается на эффективности задач финансового контроля, их выполнении, а также на оценке рисков и последствий в случае их несоблюдения. В статье также рассматриваются различные подходы к способам оценки эффективности внутреннего контроля.

Ключевые слова: внутренний финансовый контроль, задачи внутреннего финансового контроля, финансовые нарушения; функции внутреннего финансового контроля.

Analysis of the effectiveness of the internal financial control system

The article is devoted to the study of the goals, objectives and functions of internal financial control. The emphasis is on the effectiveness of financial control tasks, their implementation, as well as on the assessment of risks and consequences in case of non-compliance. The article also discusses various approaches to ways to assess the effectiveness of internal control.

Keywords: Internal financial control, tasks of internal financial control, financial violations; functions of internal financial control.

Система внутреннего контроля является важным компонентом управления организацией. Она способствует достижению поставленных целей, минимизирует риски искажения информации и находится под контролем соответствующих управленческих структур.

В российском законодательстве понятие внутреннего контроля изложено в ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1]. Под внутренним контролем по-

нимают деятельность организаций, которые осуществляют операции с денежными средствами или иным имуществом, по выявлению операций, подлежащих обязательному контролю, и иных операций с денежными средствами или другим имуществом, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма. Таким образом, согласно данному определению, внутренний контроль является необходимым инструментом для эффективного управления рисками и обеспечения соблюдения законодательства в сфере финансовых операций.

Согласно Информации Минфина России № П-311/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности» [2] под внутренним контролем подразумевается процесс, который направлен на то, чтобы получить достоверную информацию о выполнении организации своих обязательств, таких как: соблюдение применения законодательства, достоверность и своевременность бухгалтерской отчетности и т.д.

Внутренний контроль в российском законодательстве охватывает широкий спектр функций и целей. Он не только выполняет функцию защиты от финансовых и правовых рисков, но и способствует улучшению эффективности и надежности внутренней отчетности компании.

В научной литературе мы можем увидеть разные трактовки термина «внутренний контроль». Ржавина Ю.Б. [4, с.81] определяет внутренний контроль как деятельность предприятия, ориентированную на достижение максимальной эффективности и результативности в финансовых и хозяйственных операциях, а также на успешное управление активами и пассивами, включая управление рисками. Сотникова Л.В. [5, с. 33] характеризует внутренний контроль как процесс, направленный на достижение ключевых целей, связанных с сохранением имущества организации. Это итог систематического управления и организации мониторинга во всех направлениях деятельности предприятия и его структурных подразделений. Щербакова Е. П. [6, с.103] рассматривает внутренний контроль как совокупность специфических организационных мероприятий, методик и процедур, которые руководство организации применяет для эффективного управления деятельностью. Это включает в себя обеспечение сохранности активов, обнаружение, корректировку и предотвращение искажений информации, а также своевременную подготовку надежной отчетности.

Таким образом, проанализировав все определения, можно сделать вывод, что внутренний контроль представляет собой деятельность организаций, осуществляющих финансовые операции, направленную на выявление операций, подлежащих обязательному контролю, а также других финансовых сделок, связанных с легализацией преступных доходов и финансированием терро-

ризма. Определение внутреннего контроля в законе связано с конкретными целями и задачами, указанными в его названии.

Внутренний финансовый контроль — это внутренний процесс, осуществляемый главным администратором бюджетных средств, администратором бюджетных средств в целях соблюдения, установленных правовыми актами, регулирующими бюджетные правоотношения, требований к исполнению своих бюджетных полномочий, в том числе осуществляемый посредством совершения контрольных действий.

Таким образом, **целью** внутреннего финансового контроля является обеспечение соблюдения требований к исполнению главным администратором бюджетных средств, администратором бюджетных средств бюджетных полномочий, которые установлены правовыми актами, регулирующими бюджетные правоотношения.

Основными **задачами** финансового контроля являются обеспечение соблюдения законности финансовой деятельности, предупреждение банкротства, выявление внутренних резервов, повышение эффективности работы предприятия посредством более рационального расходования ресурсов, проверка правильности ведения бухгалтерского учета.

В связи с тем, что финансовый контроль выступает в качестве инструмента по выявлению нарушений законодательства (бюджетного, налогового, административного, гражданского), а также выявляет последствия нарушений норм законодательства в указанных отраслях права, можно выделить главные **функции** финансового контроля: правоохранительную и профилактическую. А в следствие выполнения этих основных функций предполагается задействование финансового контроля как инструмента, стимулирующего необходимые изменения в политике управления денежными ресурсами проверяемой организации. Контролирующий орган выявляет недоработки в данной области, после чего объект финансового контроля принимает меры по их устранению и корректирует, таким образом, свою систему управления финансами, а именно осуществляет корректирующую функцию финансового контроля. Аналитическая функция финансового контроля предполагает выявление причин и закономерностей, которые приводят к нарушениям объектами контроля норм законодательства в части управления финансовыми ресурсами.

Невыполнение задач финансового контроля приводит к финансовым нарушениям, а именно:

- Ограничения для бизнеса и уголовному преследованию;
- Финансовые санкции (штрафные санкции) на юридических и физических лиц;
- Репутационный ущерб;
- Снижение уровня доверия инвесторов к способам управления организацией [5, с. 89].

Законодательством РФ о бухгалтерском учете не установлены какие-либо ограничения на порядок, способы,

процедуры осуществления указанного внутреннего контроля, порядок организации и обеспечения (осуществления) внутреннего контроля утверждается актом субъекта учета. Главные администраторы (администраторы) бюджетных средств вправе издать ведомственный (внутренний) акт, обеспечивающий осуществление внутреннего финансового контроля, в том числе определяющий особенности совершения контрольных действий (указанный акт может быть (но не обязан) издан с учетом подходов, действующих в ранее изданном нормативном правовом акте главного администратора (администратора) бюджетных средств, регулирующем осуществление внутреннего финансового контроля), либо главные администраторы (администраторы) бюджетных средств вправе пользоваться ведомственными (внутренними) актами, определяющими порядок выполнения бюджетных процедур, с учетом их актуализации (при необходимости) в части определения совершаемых контрольных действий при выполнении бюджетных процедур. Внедрение в организации процедур внутреннего контроля служит и целям предупреждения коррупции. В частности, в ходе анализа бухгалтерской отчетности в организации могут быть выявлены факты осуществления выплат, являющихся замаскированными коррупционными платежами. Информация об организации внутреннего финансового контроля раскрывается в заключении внутреннего финансового аудита.

В настоящее время наблюдается несколько проблем, связанных с внедрением системы внутреннего контроля на предприятиях. Ключевой причиной этих трудностей является непонимание владельцами природы, целей и задач данной системы. Кроме того, руководство не уделяет достаточного внимания созданию эффективного механизма её реализации.

Наиболее частые нарушения включают в себя злоупотребление служебными полномочиями, игнорирование или ненадлежащее выполнение должностных обязанностей, а также ошибочную оценку операций в области заготовки, производства и сбыта. В настоящее время эти проблемы выходят на государственный уровень, что связано с недостаточной эффективностью внутреннего контроля на предприятиях. Основной причиной этого является отсутствие основополагающего законодательства, которое бы четко определяло понятия, касающиеся внутреннего контроля, а также регулировало бы взаимоотношения между субъектами и объектами контроля.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Федеральный закон № 115-ФЗ: [принят Государственной Думой 13 июля 2001 г.: одобрен Советом Федерации 20 июля 2001 г].
2. Информация Минфина России № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности».
3. Крикунов А. В. Аудиторская деятельность в Российской Федерации: законодательная и нормативная база, аттестация, лицензирование, отчетность и контроль качества / А. В. Крикунов. — М.: Финансовая газета, 2016. — 272 с.

Для повышения эффективности внутреннего контроля на предприятии можно предложить следующие меры:

- Ввести процедуры согласования документации с юридическими службами и заместителями руководителей.
- Обязать работников финансовых служб осуществлять текущий контроль за своей документацией.
- Создать отдел финансового контроля или ввести должность ревизора [3, с. 47].

Важным вопросом является создание отдельной внутренней службы для контроля деятельности предприятия. Эта модель внутреннего контроля требует значительных финансовых затрат, поэтому применяется преимущественно в крупных и некоторых средних компаниях с множеством филиалов и разнообразной деятельностью. Также необходима независимость контролеров от администрации для объективного проведения проверок и формирования выводов.

Подводя итог, нужно сказать, что внутренний финансовый контроль выступает ключевым элементом управления организацией, обеспечивая достижение целей, минимизацию рисков и соблюдение законодательства в сфере финансовых операций. В соответствии с российским законодательством, внутренний контроль не только защищает от финансовых и правовых рисков, но и способствует повышению эффективности внутренней отчетности. Определения внутреннего контроля из научной литературы подчеркивают его многофункциональность и целенаправленность на максимизацию эффективности финансовых операций.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение системы внутреннего контроля сталкивается с серьезными трудностями, включая недостаточное понимание ее целей со стороны руководства и отсутствие четкого законодательного регулирования. Для повышения эффективности внутреннего контроля на предприятиях целесообразно ввести процедуры согласования документации, обязать финансовые службы осуществлять текущий контроль и создать отдельные службы по финансовому контролю. Важно также обеспечить независимость контролеров от администрации, что позволит объективно оценивать результаты проверок и принимать меры по устранению выявленных недостатков. Таким образом, систематический подход к внутреннему контролю является необходимым условием для стабильного функционирования и успешного развития организаций.

4. Ржавина Ю. Б. Методологические аспекты организации внутреннего контроля / Ю. Б. Ржавина, Е. Ю. Юричева // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. — 2017. — Т. 2. № 2 (6). — С. 80–85.
5. Сотникова Л. В. Внутренний контроль и аудит: учебник / Л. В. Сотникова. — Москва: Финстатинформ, 2020. — 239 с
6. Щербакова Е. П. Сущность, содержание внутреннего контроля и его место в системе управления организацией / Е. П. Щербакова // Учет и статистика. — 2019. — № 2 (14). — С. 103–107.

Некоторые аспекты правового регулирования права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в контексте свободы движения рабочей силы в рамках ЕАЭС

Борганова Ольга Сергеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В рамках статьи рассматриваются ключевые аспекты обеспечения права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в контексте трудовой миграции и провозглашенной в рамках ЕАЭС свободы передвижения рабочей силы. Автором сделан ряд рекомендаций по совершенствованию механизма обеспечения реализации рассматриваемого права.

Ключевые слова: ЕАЭС, свобода передвижения, трудовая миграция, рынок труда, право гражданина, пенсионное обеспечение, социальное обеспечение.

Учредительные договоры интеграционных объединений, как отмечается в научной литературе практически единогласно, направлены главным образом, на «установление общего рынка и обеспечение его функционирования для всех государств-членов Союза» [7].

В рамках Евразийского экономического сообщества закреплен ряд основных свобод, к числу которых относятся, в том числе, и свобода передвижения товаров, услуг и капитала, свобода передвижения рабочей силы. Все названные свободы в своей совокупности представляют собой фундамент, основу внутреннего рынка

Под свободой передвижения лиц понимается право работников-мигрантов и членов их семей свободно перемещаться по территории союзных государств. Договор о ЕАЭС предусматривает обеспечение рассматриваемой свободы в отношении двух указанных категорий лиц. Свобода передвижения рабочей силы обеспечивается посредством отмены различного рода ограничений, квот, патентов, а также наиболее благоприятных условий, которые предоставляются собственным гражданам государства, в котором осуществляется трудоустройство. Так, в рамках ЕАЭС гражданам союзных государств по общему правилу не требуется получения дополнительного разрешения на осуществление своей трудовой деятельности, по умолчанию признаются документы об образовании и квалификации, полученные на территории другого союзного государства (за исключением некоторых видов деятельности (например, педагогическая, юридическая, медицинская и фармацевтическая деятельности)). Более того, на уровне национального законодательства союзных государств установлено также положение о признании ученых званий и степеней [1].

Договором значительным образом были расширены права трудовых мигрантов союзных государств, в том числе, в части утверждения безвизового режима въезда. Определено, что граждане государств-участников имеют право без получения специального разрешения осуществлять трудовую деятельность на территории любого союзного государства. Безусловно, положительный характер имеет тот факт, что граждане союзных государств имеют право осуществлять трудовую деятельность на территории государств, входящих в ЕС, как на основании трудового, так и на основании гражданско-правового договора, что в значительной мере влияет на возможности успешного трудоустройства. Также государства не применяют в отношении граждан союзных государств те ограничения в сфере миграционной политики, которые в нормах национального законодательства предусмотрены для граждан третьих стран. Для граждан союзных государств открытыми для трудоустройства являются практически все сферы деятельности, за исключением тех, которые носят стратегический, государственный характер и сами по себе не предполагают допуск иностранных элементов. К числу таких сфер относится, например, правоохранительная деятельность государства, сфера государственной службы, стратегически важные отрасли экономики и проч.

По общему правилу срок, в течение которого граждане могут пребывать на территории государства трудоустройства, привязан к сроку действия заключенного ими трудового договора, также таким гражданам предоставлено право осуществлять трудовую деятельность в соответствии со своей квалификацией.

Важным аспектом, обеспечивающим полноценную реализацию принципа свободы передвижения рабочей

силы, является предоставление трудящимся социальных гарантий. Как было указано, правовое регулирование трудовой миграции в ЕАЭС основано, в том числе, и на нормах национального законодательства союзных государств.

Так, например, долгое время государства-участники ЕАЭС не могли достигнуть согласия в вопросах определения пенсионной политики трудящихся. В 2019 г. после заключения в г. Санкт-Петербурге Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза [2], данный вопрос был урегулирован на должном уровне. Данное Соглашение закрепляет равные права трудящихся в сфере пенсионного обеспечения. Так, например, установлено, что формирование пенсионных прав трудящихся лиц осуществляется за счет пенсионных взносов на тех же условиях, что и формирование пенсионных прав граждан данного государства, в котором осуществлено трудоустройство. Также закреплен принцип равенства территорий и экспорта пенсий, поскольку выплата пенсий осуществляется также и в том случае, если трудящийся или член его семьи проживает на территории другого союзного государства. Не допускается уменьшение размеров пенсий, приостановление или прекращение выплаты пенсии на основании местожительства трудящегося или члена его семьи на территории другого союзного государства. Рассматриваемое Соглашение можно расценивать как важный этап в вопросе обеспечения реализации принципа свободы передвижения рабочей силы в рамках ЕАЭС.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что регулирование свободы передвижения рабочей силы между государствами-членами ЕАЭС является одним из важных проявлений права граждан на свободу передвижения, выбор места жительства и пребывания. В связи с этим представляется рациональным рассмотреть некоторые проблемные аспекты международно-правового регулирования данного аспекта.

Важное, на наш взгляд, значение в рассматриваемом случае имеет закрепление правил социального обеспечения трудящихся мигрантов из союзных государств. По общему правилу, социальное обеспечение таких граждан должно осуществляться на тех же условиях, которые применяются и к собственным гражданам.

Государства-участники ЕАЭС не вправе применять ограничения, предусмотренные национальным законодательством, для защиты своего рынка труда. Однако, применение таких ограничений, по общему правилу, допустимо в тех случаях, когда это обусловлено необходимостью защиты национальной безопасности, в том числе, и в тех отраслях экономики, которые для конкретного союзного государства имеют стратегическое значение, а также в целях защиты общественного порядка.

Относительно недавно в рамках ЕАЭС был подписан акт, регламентирующий вопросы пенсионного обеспечения. Долгое время государства-участники ЕАЭС не могли достигнуть согласия в вопросах определения пен-

сионной политики трудящихся. В 2019 г. после заключения в г. Санкт-Петербурге Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза [2], данный вопрос был урегулирован на должном уровне. Данное Соглашение закрепляет равные права трудящихся в сфере пенсионного обеспечения.

Названный выше акт устанавливает, что в вопросах формирования пенсионных прав трудящихся за счет пенсионных взносов, трудовые мигранты приравниваются в своих правах к собственным гражданам государства трудоустройства. Аналогичные правила в полной мере применяются также и к членам семьи трудящегося мигранта.

Закреплено на уровне рассматриваемого Соглашения также правило об экспорте пенсии, в соответствии с которым трудящееся лицо либо член его семьи имеют право на получение пенсии на территории государства проживания либо государства-члена, которое назначило соответствующую пенсию. При изменении местожительства трудящегося мигранта или членов его семьи не может рассматриваться компетентными органами как основание для уменьшения размера пенсии, а также для прекращения или приостановления их выплаты. Правом на получение пенсии также наделяются члены семьи трудящегося лица в случае смерти последнего.

Также стоит отметить, что Договор о ЕАЭС устанавливает в рамках своих положений возможность оказания бесплатной скорой и медицинской помощи в экстренной и неотложной формах как самим трудящимся, так и членам их семей вне зависимости от того, имеется ли у них страховой полис и иные соответствующие документы. Предусмотрена и возможность медицинской эвакуации пациента в целях его спасения и сохранения здоровья, производится возмещение затрат медицинской организации на оказание скорой медицинской помощи трудящимся государств-членов за счет бюджета государства трудоустройства [5, с. 18].

В целом, стоит констатировать, что иностранные работники, являющиеся членами союзных государств, наделяются целым рядом важных преференций, социальных гарантий, иных прав, обуславливающих равенство граждан принимающего государства и граждан, являющихся трудовыми мигрантами. Для эффективного функционирования об обеспечения развития рассматриваемого интеграционного объединения была сформирована Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Такая Комиссия представляет собой постоянно действующий орган Союза. ЕЭК была разработана концепция «Об особом статусе трудящегося государств-членов ЕАЭС» (далее по тексту — Концепция) [3]. В рамках рассматриваемой Концепции указано на наличие существенных сложностей при решении вопроса об обязательной постановке трудящихся из союзных государств, которые имеют долгосрочные трудовые договоры, на миграционный учет в России. В соответствии с преамбулой Федерального

закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [4] следует, что освобождение трудящихся и членов его семьи от прохождения процедуры по постановке на миграционный учет может повлечь за собой риск нарушения прав таких лиц. Как уже было отмечено ранее, Договор об ЕАЭС предусматривает 30-дневный срок для постановки прибывшего трудового мигранта на миграционный учет. Реализация на практике предложения об освобождении граждан государств — членов ЕАЭС и членов их семей от постановки на миграционный учет в Российской Федерации может привести к разбалансировке системы миграционного учета, затруднить обеспечение контроля за пребыванием в стране граждан государств — членов ЕАЭС.

Освобождение этой категории иностранных граждан от постановки на миграционный учет обусловит изменение порядка обращения миграционной карты (вследствие фактического освобождения этих лиц от обязанности получать и заполнять миграционную карту при въезде в Россию), что может потребовать внесения изменений в международный договор Российской Федерации, Федеральный закон о порядке въезда/выезда иностранных граждан в отношении установления соответствующих исключений, что изменит концепцию миграционного учета [6].

В проекте рассматриваемой Конвенции содержится указание относительно того, что граждане союзных государств не могут регистрировать свой статус индивидуального предпринимателя. Данное правило, на наш взгляд, в полной мере противоречит положениям Договора о ЕАЭС, в соответствии с которым по своему правовому статусу трудящийся гражданин союзного государства и члены его семьи на территории принимающего государства рассматриваются в качестве иностранных граждан, которые временно пребывают на территории иностранного государства. Такой статус обуславливает наличие некоторых ограничений для своего обладателя в сравнении с собственными гражданами принимающего

государства в вопросах осуществления предпринимательской деятельности.

Договор о ЕАЭС также предусматривает наличие права таких граждан и членов их семьи иметь в собственности недвижимое имущество, правом на свободное владение, пользование и распоряжение таким имуществом. Право собственности таких граждан также гарантируется и защищается. Трудящиеся мигранты наделены правом на вступление и участие в деятельности профсоюзов, что прямо следует из положений п. 5 ст. 98 Договора о ЕАЭС, данное право реализуется наравне с аналогичным правом собственных граждан государства пребывания.

В рамках рассматриваемой Концепции также предложено обеспечение трудящегося и членов его семьи услугами обязательного медицинского страхования, что рассматривается некоторыми учеными довольно критично. Так, например, М. Л. Галас указывает, что взносы и отчисления в фонд обязательного медицинского страхования могут отчисляться исключительно с доходов работающего иностранного гражданина, однако, и это делается не всеми работодателями. Возникает закономерный вопрос о том, из каких источников финансирования должны покрываться расходы на обязательное медицинское страхование неработающих членов семьи трудящихся мигрантов из союзных государств [6]. Если же такие расходы будут покрываться за счет средств Федерального фонда обязательного медицинского страхования, то это может закономерно повлечь за собой ущемление прав в указанной сфере всех остальных получателей таких услуг, в том числе, и, например, собственных российских граждан.

Возможным вариантом разрешения указанной проблемы видится формирование межгосударственного фонда обязательного медицинского страхования, который будет финансироваться за счет целевых взносов союзных государств. Кроме того, данная проблема может быть решена и посредством создания специализированного межгосударственного фонда социальной поддержки трудящихся государств — членов ЕАЭС и членов их семей.

Литература:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.01.2015.
2. Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза (Заклучено в г. Санкт-Петербурге 20.12.2019) // Доступ из Справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
3. Концепция об особом статусе трудящегося государств-членов ЕАЭС [Электронный ресурс] // Финансовый университет при Правительстве РФ. URL: <http://www.fa.ru/News/2020-01-27-2501.aspx> (дата обращения: 15.04.2024).
4. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 34. — Ст. 4029.
5. Алиев С. Б. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2016.
6. Галас М. Л. Правовое регулирование статуса трудящегося государств — членов ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13 (4). С. 148–156.
7. Пономарева К. А. Основные свободы и их влияние на режим налогообложения прибыли и доходов в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 185–206.

Уголовно-процессуальная и криминалистическая природа признаков неотложных следственных действий

Деркачев Клим Андреевич, студент магистратуры
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

Ключевые слова: признаки неотложных следственных действий, уголовно-процессуальный, следственные действия.

В уголовно-процессуальной и криминалистической литературе неоднократно предпринимались попытки сформулировать определение неотложных следственных действий в контексте единой концепции, однако на практике данный вопрос до сих пор остается дискуссионным.

Так, профессор И. А. Возгрин под неотложными следственными действиями понимает «действия, которые должны проводиться безотлагательно, немедленно. Необходимость в их производстве может возникнуть еще до возбуждения уголовного дела, сразу же вслед за возбуждением уголовного дела и на любом последующем этапе расследования преступления». Это бесспорно с точки зрения криминалистического подхода к производству следственных действий» [1, с. 32].

Криминалист Л. Е. Сигалов, в свою очередь, определяет неотложные следственные действия как «систему незаменимых и неповторимых процессуальных действий, осуществляемых в установленном уголовно-процессуальном законом порядке на первоначальном этапе предварительного расследования, производство которых невозможно отложить без ущерба для предотвращения, пресечения и раскрытия преступления, обнаружения и закрепления следов содеянного, а равно установления лиц, его совершивших» [2, с. 6].

Изучая научную литературу, можно приводить множество определений неотложных следственных действий, но практически все понятия являются смежными между собой и не выделяются различием у разных авторов.

Законодательное же определение неотложных следственных действий представлено в п. 19 ст. 5 УПК РФ 2001 года. Под неотложными следственными действиями закон понимает «действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» [3]. Как видно из данного определения, законодатель четко определил наличие потребности в незамедлительном закреплении, изъятии и исследовании доказательств.

Для более полного понимания неотложных следственных действий и их основы в разрезе уголовно-процессуального и криминалистического аспектов, необходимо рассмотреть признаки, определяющие их специфику.

Признаки неотложных следственных действий впервые определил профессор Н. К. Кузьменко, который в своих научных трудах указывал на то, что «данная правовая ка-

тегория характеризуется уголовно-процессуальными признаками первостепенности, самостоятельности, регулятивности, процессуальной ограниченности, процессуального исключения, целенаправленности» [4, с. 190].

Основопологающим признаком неотложных следственных действий является признак первостепенности, заключающийся в производстве неотложных следственных действий прежде всех остальных, не требующих неотложного реагирования. По мнению Н. К. Кузьменко, «расследование всегда начинается производством неотложных следственных действий, независимо от вида преступления, ситуационного характера исследуемых обстоятельств, т.к. всякая отсрочка производства этих следственных действий приводит к потере информации» [5, с. 16].

Следующим является признак самостоятельности, характеризующий следственные действия как определенную систему, предназначенную для формирования самостоятельного неотложного этапа расследования. Если начальный этап характеризуется признаком первостепенности, то признак самостоятельности проводит границы всей системы выполнения действий на данном этапе, как бы предопределяя дальнейшие действия, которые необходимо совершить.

Рассматривая признаки неотложных следственных действий, необходимо отметить признак регулятивности, проявляющийся в упорядочении взаимодействия органов расследования по неподследственной им категории дел, возбужденных ими в силу определенных обстоятельств.

Процессуальное исключение как признак неотложных следственных действий, характеризует отдельные действия и означает «некоторое отступление от норм, установленных для выполнения следственных действий, не относящихся к категории неотложных». Раскрывая данный признак,

Н. К. Кузьменко имел в виду не институт регулирующих норм вообще, а особые нормы регулирования неотложных следственных действий.

Признак процессуальной «ограниченности» характеризует неотложные следственные действия временем их производства и конкретным перечнем. Давая определенную характеристику данному признаку, стоит отметить, что неотложные следственные действия могут проводиться только в начале расследования, так как дальнейшее их применение не будет иметь актуальности.

Признак целенаправленности неотложных следственных действий говорит о том, что не все задачи, установленные рамками судопроизводства, можно решить

лишь применением неотложных следственных действий. К подобным задачам можно отнести: установление и закрепление следов преступления, предотвращение и пресечение преступлений.

Не менее важный признак неповторимости в рамках неотложных следственных действий, следует отметить, что в теории существует дуальность подхода, так как признак рассматривают как в процессуальном, так и тактическом аспектах.

С точки зрения криминалистической тактики речь идет о фактической невозможности совершения следственного действия в результате изменения обстановки места преступления и уничтожения следов противоправного деяния. Процессуальное значение неповторимости заключается в том, что следственное действие нельзя произвести повторно, поскольку в этом случае его результаты теряют доказательственное значение (например, повторное опознание по тем же признакам). Иными словами, в данном случае для данного признака характерна однократность, которая является важной составляющей неотложных следственных действий на данном этапе.

В криминалистической и процессуальной литературе неотложные следственные действия не подвергались серьезному классификационному исследованию. Несмотря на терминологическое разнообразие, перечень их рассматривается без выделения групп, видов, типов.

На практике также выделяют признак безотлагательности следственных действий, являющийся важной частью судопроизводства на начальном этапе. Суть данного признака заключается в том, что в рамках неотложных следственных действий необходимо предотвратить изменение обстановки [6], исчезновение или же полное уничтожение следов преступления лицами, совершивших преступление.

Если изучать неотложные следственные действия как правовой институт, который определяет компетенцию органов расследования по неподследственной им категории дел, то они составляют только один вид — следственно-ситуационные, то есть производимые лишь при предварительном расследовании. Отметим, что их производство допускается как до возбуждения уголовного дела, так и после его возбуждения.

Таким образом, изучив и проанализировав признаки неотложных следственных действий, мы пришли к выводу об их взаимосвязи, взаимообусловленности и двойственности их природы, имеющей уголовно-процессуальный и криминалистический характер. Упустив или не применив хотя бы из один признаков в ходе уголовного судопроизводства на начальном этапе можно не только утратить значимые доказательства по делу, но и нарушить всю хронологию этапов расследования, тем самым усложнив раскрытие совершенного преступления.

Литература:

1. Возгрин И. А. Основы тактики первоначального этапа расследования преступлений. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1969. С. 32
2. Сигалов Л. Е. Теория и практика неотложных следственных действий: Автореф. дис... канд. юр. наук Свердловск, 1969. С. 6.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/law/upk-rf/> (дата обращения: 05.08.2024).
4. Кушниренко С. П. Понятие и признаки неотложных следственных действий (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2006. С. 190.
5. Кузьменко Н. К. Систематизация неотложных следственных действий при раскрытии и расследовании преступлений. Учебное пособие. — Киев, 1981. С. 16.
6. Соколов А. Б., Меркалов Д. С. Мазунин Я. М. Соотношение неотложных, производимых на первоначальном этапе расследования и в случаях, не терпящих отлагательства, следственных действий: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-neotlozhnyh-proizvodimyh-na-pervonachalnom-etape-rassledovaniya-i-v-sluchayah-ne-terpyaschih-otlagatelstva> (дата обращения: 02.05.2024).

Крымские сокровища: история правового противостояния

Дубова Екатерина Максимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Трузян Эдуард Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается десятилетняя история судебного спора в отношении права собственности на золото скифов (или Крымские сокровища). Также, излагаются причины спора, требования сторон, а также их аргументы. Приводится описание мотивировочной части суда г. Нидерландов по данному спору, а также обоснование решения.

Ключевые слова: международное частное право, судебный спор, культурные ценности, закон местонахождения вещи, *lex rei sitae, proper law*.

Как гласит преамбула Рекомендаций «О международном обмене культурными ценностями» от 26 ноября 1976 г.: «культурные ценности являются основными элементами цивилизации и культуры народов» [1]. Однако, в текущих реалиях, такие элементы цивилизации могут стать предметом международного частного спора между государствами.

Золото скифов — коллекция из двух тысяч уникальных экспонатов, включающая в себя древнее оружие, доспехи, украшения и ритуальные артефакты. Найденная в конце 20 века на территории Крыма коллекция являлась предметом выставок музеев Крыма и Украины. Ценность данного культурного наследия сложно было оценить даже экспертам, так как практически все артефакты представлены в единственном экземпляре. Данная коллекция получила название «Крымские сокровища».

Данные экспонаты хранились в четырех музеях на территории Республики Крым (далее — Крымские музеи):

- Центральный музей Тавриды (местонахождение: г. Симферополь);
- Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей заповедник (местонахождение: г. Бахчисарай);
- Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (местонахождение: г. Севастополь);
- Керченский историко-археологический музей (местонахождение г. Керчь).

История противостояния России и Украины в отношении Золота скифов началась в 2013 году. Так, 19, 20 марта и 19 апреля 2013 г. между Крымскими музеями с одной стороны, и Музеем Алларда Пирсона (г. Амстердам, Нидерланды) (далее — Музей АП) и LVR-Landesmuseum (г. Бонн, Германия) с другой стороны, были заключены соглашения о предоставлении займы крымских сокровищ и предметов для их выставки в г. Бонн и г. Амстердам. К данным соглашениям в качестве применимого права было признано право Украины.

Решением Министерства культуры Украины от 8 июня 2013 года было выдано разрешение на вывоз крымских сокровищ для целей выставки.

С 3 июля 2013 г. по 19 января 2014 г. проходила выставка в LVR-Landesmuseum (г. Бонн, Германия), а с 6 февраля 2014 г. по 31 августа 2014 г. — в Музее Алларда Пирсона (г. Амстердам, Нидерланды) под названием «Крым — золото и тайны Черного моря».

Предметами выставки были экспонаты из Крымских музеев (Золото скифов) и предметы из Национального музея истории Украины в Киеве.

После событий марта 2014 г. Республика Крым была принята в Российскую Федерацию [2], и теперь, Крымские музеи перешли в собственность Российской Федерации,

вместе со всеми экспонатами. Данное присоединение не было признано ООН, Европейским Союзом, а также Нидерландами.

В многочисленных письмах, датированных маем-сентябрем 2014 г. к Музею Алларда Пирсона Украина (в лице Министерства культуры Украины) требовало досрочного возвращения крымских сокровищ Украине, а также неоднократно подтверждало свои притязания на них ввиду того, что согласно законодательству Украину (которое было применимым к соглашениям) «Музейный фонд может рассматриваться как »национальное достояние и неотъемлемая часть культурного наследия Украины, охраняемого законом».

Кроме того, Украина направила Музею Алларда Пирсона копию решения Министра культуры Украины от 13 мая 2014 года. Данным решением Крымские музеи были отстранены от управления крымскими сокровищами, а Национальный музей истории Украины назначен распорядителем крымских сокровищ.

В письмах, датированных мартом-апрелем 2014 г. к Музею Алларда Пирсона, Крымские музеи изложили свою позицию, что по окончании выставки в г. Амстердаме Золото скифов должно быть возвращено Крымским музеям, согласно условию соглашений, о том, что Музей Алларда Пирсона и LVR-Landesmuseum гарантируют своевременный возврат экспонатов в МУЗЕИ после истечения срока временного хранения с целью демонстрации — до 20.09.2014 г.

Ввиду противоречивых требований Крымских музеев и Украины Музей Алларда Пирсона приостановил исполнение своих обязательств по соглашениям по их возврату и указал, что обеспечит их хранение в качестве агента по окончании выставки.

Стоит отметить, что стороны (Крымские музеи, Украина и Музей Алларда Пирсона) предпринимали попытки досудебного урегулирования спора путем проведения переговоров 3 сентября и 12 ноября 2014 г., что следует из судебного решения. Однако, переговоры не привели к соглашению Сторон, что повлекло за собой возникновение судебного спора [3].

Требования Крымских музеев сводились к следующему: признать, что Музей Алларда Пирсона не имел права приостанавливать свои обязательства по соглашениям, обязать Музей Алларда Пирсона вернуть крымские сокровища Крымским музеям, компенсировать весь возникший ущерб Крымским музеям.

Требования Крымских музеев основаны на соглашениях (обязательство Музея Алларда Пирсона вернуть крымские сокровища Крымским музеям), а политические сложности не имеют отношения к договорным обязательствам. Кроме того, государство Украина не является владельцем крымских сокровищ, собственником выступает

Парламент Автономной Республики Крым (далее — Парламент), как основатель Крымских музеев, т.к. Конституция Украины признает Парламент и признает, что Парламент уполномочен управлять своими активами, а также сохранять и использовать исторические объекты. Таким образом, Крымские музеи имеют право «оперативного управления» над Крымскими сокровищами. Кроме того, Крымские музеи в своих требованиях основываются на праве тесной связи — культурная связь между Крымскими сокровищами, с одной стороны, и Крымом как физическим местом, Парламентом, как автономным образованием, крымчанами и самими Крымскими музеями, с другой стороны, гораздо теснее, сильнее и старше, чем между Крымскими сокровищами и Украиной.

Требования Украины сводились к следующему: обязать Музей Алларда Пирсона вернуть Крымские сокровища Украине, поручить Музею взять на себя все расходы, связанные с возвратом, осудить Крымские музеи за то, что они препятствуют возвращению Крымских сокровищ на Украину.

Требования Украины были основаны на следующем: п. 7.1 Соглашений устанавливает, что «стороны осознают, что экспонаты выставки являются достоянием Украины и мировой цивилизации и принимают все возможные меры во избежание их утраты и порчи», согласно законодательству Украины, Музейный фонд Украины составляет национальное достояние Украины и является его неотъемлемой частью. Постановлением от 2 февраля 2000 года Крымские музеи включены в перечень музеев, в ведении которых находятся объекты, входящие в государственную часть Музейного фонда. Следовательно, находящиеся в этих музеях предметы (в том числе и крымские сокровища) входят в состав государственной собственности Музейного фонда. Решением Министра культуры Украины от 13 мая 2014 года (Приказ № 292) полномочия по управлению крымскими музеями в отношении крымских сокровищ временно прекращены и переданы Национальному музею истории Украины. Кроме того, крымские сокровища являются культурными ценностями по смыслу Соглашения о мерах запрещения и предотвращения незаконного ввоза, вывоза или передачи права собственности на культурные ценности, заключенного в Париже 14 ноября 1970 года (далее: Конвенция ЮНЕСКО 1970 года) [4].

Позиция Музея Алларда Пирсона заключается в следующем: Музей хочет передать Крымские сокровища лицу, имеющему на них право, не неся при этом ответственности за возврат или компенсацию со стороны другой стороны, хочет, чтобы суд вынес решение по противоречивым претензиям Крымских музеев и государства Украина. В случае, если судебным решением Крымские сокровища подлежат передаче Украине, Музей требовал расторгнуть Соглашения.

Говоря о возникшем частноправовом споре, стоит отметить, что суд г. Амстердама, рассматривавший данное дело, признал себя компетентным по рассмотрению дан-

ного спора ввиду того, что предмет спора (Крымские сокровища) находится на территории Нидерландов (в Музее Алларда Пирсона). Стороны также не оспаривали данную юрисдикцию. Кроме того, применимым правом также будет являться право Нидерландов согласно *lex rei sitae* (закон местонахождения вещи).

Ключевым актом для разрешения данного спора являлась Конвенция ЮНЕСКО 1970 г. (ратифицированная Нидерландами и Украиной), которая была имплементирована в некоторые законодательные акты Нидерландов, в частности, в Закон о наследии, ст. 6.3 и 6.7 которого устанавливали, что запрещается ввозить в Нидерланды культурные ценности, которые были вывезены за пределы территории Договаривающегося государства в нарушение положений, принятых этим Договаривающимся государством в соответствии с целями Конвенции ЮНЕСКО 1970 года относительно вывоза культурных ценностей из этого Договаривающегося государства или относительно передачи права собственности на культурные объекты; или которые были украдены в Договаривающемся государстве. Возвращение культурного объекта, который был ввезен в Нидерланды в нарушение данного запрета, может быть потребовано государством-участником, из которого культурный объект происхождения или лицом, имеющим право на эти культурные ценности.

Украина считала, что Крымские сокровища можно считать «незаконно вывезенными» ввиду того, что они не были возвращены в срок, установленный Соглашениями. Крымские музеи же оспаривали данный факт, так как на момент ввоза Крымских сокровищ в Нидерланды они не считались незаконно вывезенными, соответственно статьи Закона о наследии неприменимы. Музей Алларда Пирсона поддержал Крымские музеи (иное бы означало, что Музей незаконно удерживает Крымские ценности).

Однако, суд при вынесении решения посчитал, что запрет, установленный Законом о наследии, все-таки был нарушен. Соответственно, Крымские сокровища должны быть возвращены на территории Договаривающейся стороны Конвенции ЮНЕСКО 1970 (Украине).

Кроме того, Нидерландами был подписана Конвенция УНИДРУА [5], согласно п. 2 ст. 5 которой:

«Предмет культуры, временно вывезенный с территории запрашивающего государства, например, для выставки, на основании разрешения, выданного в соответствии с законодательством государства, регулирующего вывоз культурных объектов для защиты его культурного наследия, и который не возвращен в соответствии с положениями этого разрешения, считается незаконно вывезенным».

Закон Украины «О вывозе, ввозе и реституции культурных ценностей» также предусматривает, что предметы считаются незаконно вывезенными, если они не были возвращены в срок, предусмотренный договором.

Суд при вынесении решения также сослался и на голландскую доктрину, а именно на диссертационное исследование Бельдера, который трактует пункты Закона о наследии идентично п. 2 ст. 5 Конвенции УНИДРУА.

Крымские музеи, со своей стороны, указывали следующее относительно трактования Закона о наследии: согласно ст. 6.7 Закона о наследии, возвращение культурного объекта, который был ввезен в Нидерланды в нарушение запрета, может быть потребовано государством-участником, из которого культурный объект происхождения или лицом, имеющим право на эти культурные ценности. Таким образом, право требовать возвращения Крымских сокровищ имеет не только государство-участник (Украина), но и лицо, имеющее право на культурные ценности (Крымские музеи).

Однако, суды нашли данный аргумент несостоятельным ввиду следующего:

Согласно ст. 1012 Гражданского процессуального кодекса Нидерландов: право собственности на культурный объект, возврата которого требует Договаривающееся государство в соответствии с статьей 1011а, после возвращения определяется национальным законодательством государства, инициировавшего судебный иск.

Таким образом, данный вопрос должен будет решить судья в Украине (согласно украинскому законодательству) после того, как Крымские сокровища будут возвращены Украине ввиду того, что Голландский судья несостоятелен рассматривать вопрос о том, какая правовая связь (собственность) сильнее — оперативное управление Крымских музеев или право собственности Украины.

Таким образом, суд решил следующее:

- обязать Музей Алларда Пирсона вернуть Крымские сокровища Украине (Национальному историческому музею Украины в Киеве);
- осудить Крымские музеи за препятствование возвращению Крымских сокровищ в Украину;
- обязать Крымские музеи выплатить Музею Алларда Пирсона 1 434,00 евро расходов на судебные издержки;
- обязать Крымские музеи выплатить Украине 1 434,00 евро расходов на судебные издержки;
- обязать Крымские музеи выплатить Украине 131,00 евро в виде расходов на адвокатов;
- расторгнуть Соглашения;
- обязать Украину выплатить 111 681, 08 евро, плюс проценты Музею Алларда Пирсона за хранение Крымских сокровищ.

28 марта 2017 года Крымские музеи оспорили решение в Апелляционном суде. 26 октября 2021 года, после продолжительного судебного разбирательства, связанного с отводом судьи по требованию Украины (т.к. судья пред-

ставлял интересы российской компании в деле ЮКОСа), суд постановил передать Крымские сокровища Украине.

В январе 2022 года Крымские музеи подали кассационную жалобу в Верховный суд Нидерландов, однако, и он оставил решение в силе. Решение окончательно было приведено в исполнение в конце 2023 года, когда Крымские сокровища были привезены в Киев. Ключевым остается вопрос: будет ли данный спор также разрешен украинским судьей по праву Украины, как на то сослался нидерландский судья.

Таким образом, все судебное дело было построено на принципе закона местонахождения вещи (*lex rei sitae*) и применении права Нидерландов. Именно данная коллизия привязка и предрешила исход дела в отношении Крымских сокровищ. Стоит отметить, что в науке недостаточно исследована тема применимого права в отношении культурных ценностей. Насколько юридически целесообразно определять применимое право по местонахождению культурных ценностей, когда это место (страна) вовсе может не являться как таковой стороной спора (как в вышеприведенном деле).

В науке существует два мнения о том, стоит ли создавать отдельные правила, которые будут применяться только к культурным ценностям. Противники данной инициативы утверждают, что нет четкого ответа — какую коллизийную привязку брать за основу, что возрастет количество применяемых норм, что затруднит их применение, что нет необходимости создавать новые правила, так как культурные ценности являются одним из видов движимого имущества, следовательно, к ним применимы общие правила.

Другие же исследователи считают, что культурные ценности обладают иной природой, имеют высокую духовную ценность, соответственно, для них необходимо создавать особый правовой режим (и возможно новую коллизийную привязку).

В настоящее же время, основными правилами для определения применимого права в отношении культурных ценностей являются *lex rei sitae* и *proper law* [6, С. 188]. Последний принцип имеет ряд проблем, так как культурные ценности могут иметь связь с несколькими государствами (например, духовно быть связанными с одним государством, столетиями находиться на территории другого государства).

Представляется, что в споре в отношении Крымских сокровищ, принцип наиболее тесной связи разрешил бы дело по-другому — в пользу Крымских музеев. Именно такую аргументацию и выбрала проигравшая сторона, однако, не применил суд.

Литература:

1. Рекомендация ЮНЕСКО «О международном обмене культурными ценностями», принята в г. Найроби 26.11.1976 на 19-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО;
2. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21.03.2014;

3. Решение суда г. Амстердам по делу С/13/577586/НА ЗА 14–1179 от 14 декабря 2016 года;
4. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, заключена в Париже 14 ноября 1970 г.;
5. Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям, заключена в Риме 24 июня 1995 г.;
6. Полихрониди А. В., Проблемы оборота культурных ценностей в международном частном праве // Вопросы российской юстиции, 2021, № 12, С. 184–190.

Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности за неисполнение обязательств, предусмотренных государственными и муниципальными контрактами

Ефимов Михаил Алексеевич, аспирант

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье поднимаются вопросы и актуальные проблемы рассмотрения дел об административных правонарушениях по фактам неисполнения обязательств, предусмотренных государственными и муниципальными контрактами. Автор статьи приводит анализ правовой позиции судов и обзоров Верховного суда Российской Федерации по указанным делам, отражает актуальные проблемы, с которыми сталкиваются суды, в том числе каким образом устанавливается ущерб неисполненных обязательств в сфере закупок, определения существенного вреда, возможность освобождения от административной ответственности. В заключение автор статьи предлагает свое видение и предложения по дальнейшему совершенствованию административного законодательства в части административной ответственности за неисполнение контрактов.

Ключевые слова: Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, административная ответственность, государственные закупки, государственный контроль, существенный вред.

Существующая система закупок действует в Российской Федерации с 1 января 2014 года, после принятия Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о закупках). На контрактную систему возложены большие надежды государства, гражданского общества, поскольку она предусматривает порядок осуществления контроля, с целью предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере закупок.

Государственный контроль в сфере закупок является важным механизмом, обеспечивающим эффективное соблюдение требований законодательства о контрактной системе, позволяя участникам закупок действовать исключительно в рамках правового поля, исполняя заключенные контракты в строгом соответствии с условиями и сроками их заключения. Государственный контроль является не только завершающим этапом исполненных закупок, но и формой обратной связи, позволяющей государству и обществу видеть реальное состояние дел в сфере закупок, их проблемы и перспективы дальнейшего совершенствования.

Необходимость государственного контроля общественных отношений в сфере закупок обусловлена участием государства с его бюджетной составляющей, необходимой для финансового обеспечения национальных

проектов страны и государственных программ, выполнения социальных обязательств перед гражданами. С другой стороны, стоят исполнители закупок — субъекты предпринимательской деятельности, которые должны понимать важность и ответственность выполнения поставленных задач.

Статьей 107 Закона о закупках предусмотрено, что лица, виновные в нарушение законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации [1].

Институт привлечения к административной ответственности является важным и действенным элементом комплекса мер по профилактике, противодействию нарушениям в сфере закупок. Органы государственного контроля, в том числе прокуратура все чаще возбуждают дела об административных правонарушениях. Как справедливо отметил А. Я. Сухарев: «Постановление о возбуждении производства по делу об административном правонарушении как акт прокурорского реагирования в последние годы применяется прокурорами все чаще» [2, с. 253].

Федеральным законом от 13.07.2015 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации» (далее — Федеральный закон № 265-ФЗ), вступившего в силу 24.07.2015, введена в действие административная ответственность за действия (бездействие), повлекшие неисполнение обязательств, предусмотренных контрактом на поставку товаров, выполнения работ, оказание услуг для нужд заказчика, с причинением существенного вреда охраняемым законом интересам общества и государства, если такие действия (бездействие) не влекут уголовной ответственности [3]. В этой связи статья 7.32 КоАП РФ дополнена частью седьмой указанного содержания.

С момента принятия Федерального закона № 265-ФЗ прошло восемь лет, и за этот период времени сложилась определенная практика рассмотрения административных дел по фактам неисполнения обязательств, предусмотренных контрактами. Автор статьи проанализировал практику привлечения к административной ответственности, их эффективность и возникшие проблемы. В научной литературе в недостаточной степени освещены проблемы рассмотрения административных дел, и в этой связи тема данного исследования представляется актуальной.

В соответствии с ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ подлежат рассмотрению мировыми судьями, а при наличии административного расследования дела рассматриваются судьями районных судов (административное расследование проводится, как правило, при назначении экспертизы, в целях получения информации и дополнительных материалов, необходимых для принятия решения по вопросу о возбуждении дела об административном правонарушении). Законодатель закрепил компетенцию по рассмотрению дел указанной категории за судьями, учитывая значимость вопроса, поскольку только судебные органы могут обеспечить объективное, всестороннее и беспристрастное рассмотрение дел данной категории, принимая справедливое решение по делу.

При изучении статистических отчетов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации выявлена тенденция к увеличению рассмотренных судьями административных дел по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ и к увеличению привлеченных к административной ответственности лиц, которых стало в разы больше, за период с 2016 по 2023 годы (в 2015 году в отчетах судов отсутствовала графа по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ). В 2016 году суды общей юрисдикции и мировыми судьями рассмотрено 113 дел указанной категории, по которым привлечено к административной ответственности 76 лиц. За 1 полугодие 2023 года — 1466 дел рассмотрено, по которым привлечено к административной ответственности 926 лиц [4] (при составлении настоящей статьи по состоянию на 30 января 2024 года на сайте отсутствуют отчеты судов по итогам 2023 года, в связи с чем использованы последние отчеты по итогам 1 полугодия 2023 года).

Одной из причин увеличения количества рассмотренных дел и лиц привлеченных к административной ответственности является отчасти не только повсеместное

нарушение закона участниками закупок, но и увеличение общего объема закупок для государственных и муниципальных нужд, в том числе в связи с реализацией национальных проектов в России, введенных в 2019 году на основании Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации» в целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания.

По результатам изучения судебной практики выявлены отдельные проблемы в применении норм права.

Так, диспозиция ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ предусматривает в качестве квалифицирующего признака «причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества и государства». Понятие существенного вреда не раскрыто законодателем и носит субъективный характер.

Несмотря на продолжительную практику у судов возникают вопросы при рассмотрении дел в части понятия существенного вреда, что привело к разработке обзора судебной практики высшим судебным органом страны. Из обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28 марта 2018 года следует, что существенность вреда может определяться его размером, характером и, как правило, выражается в материальном ущербе, нарушении нормальной работы органов государственной власти и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений [5].

Изучение судебной практики показало, в качестве квалифицирующего признака причинением существенного вреда признавалось только неисполнение контракта в срок. При этом доказательства о наличии реального существенного вреда органы государственного контроля суду не предоставляют.

К примеру, постановлением мирового судьи по судебному участку № 10 города Хабаровска Хабаровского края от 07.10.2016 производство по делу об административном правонарушении в отношении должностного лица прекращено по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ за отсутствием состава правонарушения [6]. Суд не расценил нарушение срока по контракту основанием для привлечения к административной ответственности, поскольку не представлены доказательства причинения существенного вреда.

Следовательно, административная ответственность наступает если контракт не только не исполнен, но и этими действиями причинен реальный существенный вред обществу и государству.

Другим важным фактором привлечения лиц к административной ответственности является слаженное взаимодействие государственных органов и детальное установление всех обстоятельств дела.

В условиях международных санкций органы исполнительной власти страны продолжают непрерывную работу по повышению устойчивости российской экономики. Ос-

новным способом проведения в жизнь государственной политики является принятие правовых актов, которые не только регулируют общественные отношения, но и помогают укрепить российскую экономику. Как верно подмечено В. П. Уманской: «В современных условиях в связи с существенными преобразованиями, проводимыми в стране, правовые акты органов исполнительной власти приобрели особое значение» [7, с. 9]. При этом принимаемые правовые акты органов исполнительной власти не всегда отслеживаются и принимаются во внимание должностными лицами органов государственного контроля, в том числе органами прокуратуры, возбуждающими дела об административных правонарушениях.

К примеру, постановлением мирового судьи по судебному участку № 62 города Якутска Республики Саха (Якутия) от 06.04.2023 производство по делу в отношении застройщика по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ прекращено за отсутствием состава административного правонарушения [8]. В качестве основания для прекращения административного дела послужило действующее распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 05.12.2022 № 1149-р, принятое в соответствии с частью 65.1 статьи 112 Закона о закупках, которым разрешено внесение изменений в существенные условия контрактов, заключенных до 1 января 2023 года и продлены сроки исполнения государственных контрактов (во время санкций российские застройщики в Якутии изменили логистику доставки и закупки строительных материалов необходимых для строительства многоквартирных домов и социально-значимых объектов). Таким образом, органы исполнительной власти региона санкционировали продление сроков по государственным контрактам и обосновано защитили российских застройщиков от продолжающихся международных санкций. При этом, как мы видим, органы государственного контроля не в полной мере взаимодействуют с органами исполнительной власти.

Установление стоимости неисполненных обязательств, предусмотренных контрактом, является важным условием для привлечения лиц к административной ответственности. Потому что санкцией статьи размер штрафа по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ определяется исходя от стоимости неисполненных обязательств, предусмотренных контрактом. Неопределенный размер неисполненных обязательств по контракту препятствует всестороннему, полному, объективному и своевременному выяснению

обстоятельств дела и разрешению его в соответствии с законом. Такие недостатки являются основанием для возвращения должностному лицу протокола об административном правонарушении в порядке ч. 4 ст. 29.4 КоАП РФ. Если же суд своевременно не вернул такой административный материал и в ходе судебного разбирательства выявится факт отсутствия, то есть неустановления размера неисполненных обязательств, то производство по делу подлежит прекращению.

Квалифицирующий признак объективной стороны правонарушения «причинение существенного вреда охраняемым интересам общества и государства» не позволяет прекратить административное дело при его малозначительности на основании ст. 2.9 КоАП РФ. В пункте 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» указано, что с учетом признаков объективной стороны некоторых административных правонарушений, они ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения [9].

Законодатель, понимая важность регулирования общественных отношений в сфере закупок, предусмотрел государственный контроль, однако детально не прописал порядок привлечения к административной ответственности виновных лиц. При этом такие дела нельзя прекращать по малозначительности, поскольку до этого необходимо выяснить — в чем именно выразилось существенное нарушение охраняемых государством общественных отношений.

Как недостаток следует отметить отсутствие в Кодексе определения понятия и критериев существенного вреда, причиненного охраняемым интересам общества и государства, а также конкретно установленного минимального размера материального ущерба для потерпевшей стороны. Представляется, что Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации будет и в дальнейшем изменяться и совершенствоваться законодателем в процессе его применения, что позволит повысить эффективность государственного контроля в сфере закупок.

Сложившаяся определенная позиция судов требует дальнейшего изучения и совершенствования, поскольку судебная практика продолжает постепенно трансформироваться в результате воздействия различных факторов.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
2. Сухарев А. Я. Прокурорский надзор. — М., 2009. С. 253.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018.

6. Постановление мирового судьи по судебному участку № 10 города Хабаровска Хабаровского края от 07.10.2016.
7. Уманская В. П. Правовые акты органов исполнительной власти: системный подход. — М., 2014. — С. 9.
8. Постановление мирового судьи по судебному участку № 62 города Якутска Республики Саха (Якутия) от 06.04.2023.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Основные направления деятельности конституционных (уставных) советов в субъектах Российской Федерации

Жидков Максим Васильевич, студент

Научный руководитель: Еремеева Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный университет

В представленной статье автор предпринял попытку привлечения внимания научного сообщества к изучению основных направлений деятельности конституционных (уставных) советов в субъектах РФ, которые пока не нашли должного исследования в научной литературе. В работе отражен опыт Республик Саха (Якутия), Адыгея, Башкортостан и Татарстан по созданию конституционных советов и законодательной регламентации их деятельности.

С целью рассмотрения деятельности конституционных (уставных) советов исследуются положения федерального законодательства и законодательства субъектов РФ. В частности, в статье анализируются положения Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы», Федерального закона от 21 декабря 2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», конституций, уставов, законов субъектов РФ и регламентов конституционных советов, которыми регулируется деятельность создаваемых органов, проводится их сравнение. На основе анализа автором освещаются семь основных направлений деятельности конституционных советов.

В заключительной части выделяются наиболее приоритетные направления деятельности конституционных советов республик в составе РФ, делается вывод о том, что не все направления деятельности конституционных советов, определенные законодательством, находят свою реализацию на практике, а также констатируется недостаточная регламентация правового статуса и деятельности новых государственных органов в федеральном и региональном законодательстве.

Ключевые слова: конституционные советы, уставные советы, конституционный надзор, толкование, направления деятельности, полномочия, конституционный советник, субъект РФ, публичная власть.

The main activities of the constitutional (statutory) councils in the subjects of the Russian Federation

In the presented article, the author has made an attempt to attract the attention of the scientific community to the study of the main activities of constitutional (statutory) councils in the subjects of the Russian Federation, which have not yet found proper research in the scientific literature. The work reflects the experience of the Republics of Sakha (Yakutia), Adygea, Bashkortostan and Tatarstan in creating constitutional councils and legislative regulation of their activities.

In order to review the activities of constitutional (statutory) councils, the provisions of federal legislation and the legislation of the subjects of the Russian Federation are studied. In particular, the article analyzes the provisions of Federal Constitutional Law No. 7-FKZ dated December 8, 2020 «On Amendments to Certain Federal Constitutional Laws», Federal Law dated December 21, 2021. «On the general principles of the organization of public power in the subjects of the Russian Federation», constitutions, charters, laws of the subjects of the Russian Federation and regulations of constitutional councils, which regulate the activities of the created bodies, their comparison is carried out. Based on the analysis, the author highlights seven main areas of activity of the constitutional councils.

In the final part, the most priority areas of activity of the constitutional councils of the republics within the Russian Federation are highlighted, it is concluded that not all areas of activity of the constitutional councils defined by legislation find their implementation in practice, and insufficient regulation of the legal status and activities of new state bodies in federal and regional legislation is stated.

Keywords: constitutional councils, statutory councils, constitutional supervision, interpretation, areas of activity, powers, constitutional adviser, subject of the Russian Federation, public authority.

Введение Конституционных (уставных) советов в субъектах РФ — это новое «вевание» в системе органов власти. В связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1] на территориях субъектов РФ выстраивается обновленная модель организации и деятельности органов публичной власти, а также совершенствуется механизм взаимодействия указанных органов. На основе обновленной Конституции РФ определена и дальнейшая судьба органов конституционной юстиции субъектов РФ. Так, ст. 5 Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» (далее — ФКЗ № 7) [2] было предусмотрено упразднение до 1 января 2023 г. всех существующих на региональном уровне конституционных и уставных судов, а субъектам РФ предоставлено право создавать конституционные (уставные) советы, действующие при их законодательных (представительных) органах, что поставило перед ними задачу формирования новых механизмов обеспечения конституционной законности.

Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» (далее — ФЗ № 414) [4] не включил в себя положений, касающихся конституционных (уставных) советов, оставляя субъектам РФ достаточно широкую сферу для собственного усмотрения в вопросе их правового статуса и направлений деятельности, что послужило причиной образования правовой неопределенности.

Всесторонний анализ заявленной темы позволяет сделать вывод о том, что проблема, связанная с выделением основных направлений деятельности конституционных (уставных) советов в субъектах РФ, не нашла должного изучения в научной литературе, хотя ряд ученых исследует данную проблематику, например, О. В. Брежнев, В. В. Курятников, Д. Н. Миронов, С. Б. Сафина, К. М. Худoley.

На момент написания статьи Конституционные советы созданы в республиках Саха (Якутия) (в 2021 г.), Башкортостан, Адыгея (в 2022 г.) и Татарстан (в 2023 г.). Их учреждение было осуществлено на основании положений республиканских конституций (за исключением Республики Адыгея), а также вновь принятых Конституционного закона Республики Саха (Якутия) [11], Закона Республики Адыгея [12], Закона Республики Башкортостан [13], Закона Республики Татарстан [14], регулирующих деятельность конституционных советов соответствующих республик. Кроме этого, возможность создания уставных советов предусмотрена ст. 122 Устава Тверской области [10] и ст. 25 Устава Ненецкого автономного округа [9], однако практической реализации пока не получила.

В этой связи интересен опыт республик в составе Российской Федерации, в которых не только законодательно установлен статус конституционного совета, но и факти-

чески образованы соответствующие органы. В республиках Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан они созданы при законодательных органах государственной власти. И только в Татарстане это самостоятельный постоянно действующий государственный орган, функционирующий не при Государственном Совете, о чем говорится в ч. 1 ст. 2 Закона Республики Татарстан «О Конституционном совете Республики Татарстан».

На наш взгляд, такой подход законодателя кажется более правильным, поскольку позволяет обеспечить большую независимость создаваемому органу от законодательной ветви власти, однако сравнительный анализ показывает противоречие положений Закона Республики Татарстан положению ч. 7 ст. 5 ФКЗ № 7. В науке на этот счет существует мнение, согласно которому формулировка «при законодательных» означает лишь отнесенность конституционного (уставного) совета к законодательному процессу, а не подчиненный статус [19, с. 73].

Обобщив содержание положений регионального законодательства, а также регламентов, регулирующих деятельность созданных на данный момент конституционных советов республик в составе РФ, проведя анализ решений советов на их официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», выделим основные направления деятельности конституционных советов в субъектах РФ, которые позволили бы выявить закономерности при организации деятельности вновь создаваемых органов.

1) *Охрана и защита Основного закона (конституции или устава) субъекта РФ*, осуществляющаяся посредством предварительного и последующего нормоконтроля, является важнейшим направлением деятельности конституционных (уставных) советов. Ее необходимость в современной правовой действительности объективно доказана, поскольку законодателем порой принимаются нормативные правовые акты, не соответствующие конституциям (уставам). Следовательно, возникают ситуации противоречия текущего законодательства Основному закону, разрешение которых является непосредственной целью деятельности конституционных советов. Принимая во внимание положения современной доктрины о разграничения контроля и надзора, считаем более правильным отнести действующие конституционные советы к органам конституционного надзора, поскольку они не правомочны отменить акты, признанные противоречащими Основному закону субъекта РФ, а их заключения во всех субъектах носят рекомендательный характер (несмотря на обязательность их рассмотрения органами или должностными лицами, издавшим акт в Татарстане и Якутии).

Необходимо рассмотреть полномочия конституционных советов по вынесению решений о соответствии республиканской конституции нормативных правовых актов органов публичной власти республики. Самая скромная компетенция в подобной деятельности у Конституционного совета Республики Адыгея. Здесь возможен только предварительный нормоконтроль и только

в отношении конституционных законов, которыми в этом субъекте принимаются только поправки к Конституции Республики Адыгея [8], из чего в научной литературе делается вывод о том, что «предназначение конституционного совета в этой республике состоит исключительно из его участия в процедуре внесения поправок в республиканскую конституцию» [20, с. 28].

В других республиках, где образованы советы, предмет надзора гораздо шире: осуществляется не только предварительный, но и последующий конституционный надзор. Но необходимо учитывать, что предварительная проверка действует в отношении только некоторых проектов законов (например, о внесении изменений в конституцию, о регулировании особых конституционно-правовых институтов). В числе особенных полномочий Конституционных советов Республик Саха и Татарстан содержится проверка конституционности принятых законов до их подписания и обнародования высшим должностным лицом. Конституционному совету в Татарстане предоставлено право проверять на соответствие Конституции Республики Татарстан проекты договоров (соглашений), заключаемых от имени региона с субъектами РФ.

Что касается последующего надзора, то все иные нормативные правовые акты субъектов РФ и органов местного самоуправления включены в предмет нормоконтроля конституционных советов, но в Республике Башкортостан он может осуществляться только по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан, которые рассматриваются в порядке Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3]. В юридической литературе отмечено, что это попытка восстановить институт конституционной жалобы, свойственный компетенции органа конституционного правосудия в субъекте РФ [21, с. 95]. Заметим, что ни в одной из республик конституционные советы не обладают правом самостоятельно инициировать процесс проверки соответствия какого-либо нормативного правового акта конституции республики.

На момент написания статьи Конституционным советом Республики Саха (Якутия) в рамках предварительного и последующего нормоконтроля вынесено 9 заключений, аналогичными органами Татарстана и Башкортостана — по два заключения соответственно.

2) *Профессиональное толкование Основного закона субъекта РФ* также нельзя обойти вниманием. Правом толкования Основного закона наделены Конституционные советы в Якутии, Башкортостане и Татарстане.

Толкование конституции (устава) — это разъяснение управомоченным органом содержащихся в тексте Основного закона субъекта РФ понятий, формулировок, норм. Основанием для толкования являются обнаруживающиеся неопределенность и неоднозначность в понимании отдельных положений в процессе правотворчества и правореализации.

В теории права толкование подразделяется на официальное и неофициальное, которое в свою очередь делится

на профессиональное, доктринальное и обыденное. Традиционным направлением деятельности органов конституционно-правовой охраны является официальное толкование Основного закона. В ранее действующем законодательстве правом официального толкования повсеместно наделялись конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Однако, мы полагаем, что толкование норм конституций республик конституционными советами является профессиональным, поскольку официальность и общеобязательность такого толкования для других субъектов не находят свое отражение в положениях их регламентов. Исключением здесь является лишь Конституционный совет Республики Саха (Якутия), в ч. 3 ст. 39 Регламента [15] которого содержится положение о том, что толкование, данное им, является официальным и общеобязательным. По мнению О. В. Брежнева, факт содержания данной нормы исключительно в регламенте конституционного совета совершенно не соответствует ее значимости [18, с. 28].

В соответствии с законодательством республик, по обращениям надлежащих субъектов Конституционный совет Республики Саха (Якутия), например, «дает толкование Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия)», Конституционный совет Республики Башкортостан «готовит проект толкования Конституции Республики Башкортостан», а Конституционный совет Республики Татарстан «разъясняет положения Конституции Республики Татарстан». В результате толкования конституции в Республике Саха (Якутия) принимается «постановление» Конституционного совета, в Республике Башкортостан — «проект толкования», который направляется в Государственное Собрание для подготовки и принятия «постановления» законодательного органа о толковании, а в Республике Татарстан — «разъяснение» Конституционного совета. При этом складывается парадоксальная ситуация: «ни в одной из конституций названных республик не содержится указания на субъект толкования республиканской конституции, и только в Регламенте Государственного Собрания Республики Башкортостан (ст. 114.1) можно увидеть, что толкование конституции входит в полномочие парламента» [20, с. 29].

Анализ практики в ходе нашего исследования показал, что на сегодняшний день только Конституционный совет Республики Саха (Якутия) реализовал полномочие толкования Основного закона: поступило 5 обращений (одно обращение было отозвано), принято 4 соответствующих постановления. Информацию об актах толкования на официальных информационных ресурсах конституционных советов других субъектов РФ нам найти не удалось, из чего сделан вывод, что такие решения не принимались.

Таким образом, только в одном субъекте РФ Конституционный совет дает официальное толкование норм конституции республики, еще два субъекта РФ лишь обозначили право осуществлять толкование Основного закона, но результаты такого толкования носят необязательный характер, а значит, его нельзя именовать официальным

в том смысле, который придается этому термину законами о специализированных органах правовой охраны конституции и теорией права. Законодатель Республики Адыгея и вовсе не наделил Конституционный совет данным правом. Это, в свою очередь, приводит к выводу, что после упразднения органов конституционной юстиции субъектов РФ, никакой иной орган не уполномочен на осуществление нормативного официального толкования их Основных законов.

3) *Взаимодействие с органами публичной власти и институтами гражданского общества* осуществляется в форме проведения совместных мероприятий, участия руководителей государственных органов в заседаниях конституционных советов, в работе их постоянных и временных органов, а также участия конституционных советников в деятельности рабочих органов, образуемых высшим должностным лицом субъекта РФ, присутствия на заседаниях высшего исполнительного органа и законодательного органа субъекта РФ. Отметим, что конституционные советы также вправе заключать соглашения о сотрудничестве и взаимодействии с государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями. На сегодняшний день Конституционным советом Якутии заключено 12 различных соглашений о взаимодействии, Конституционный Совет Татарстана заключил 16 таких соглашений. Как показала практика, конституционные советы активно действуют в рамках данного направления.

4) *Экспертное обеспечение развития самостоятельной системы законодательства* осуществляется посредством образования при конституционных советах коллегиальных органов, координирующих научно-методическую работу по развитию конституционного законодательства в субъекте РФ. Примером является Общественно-консультативная коллегия Конституционного совета Республики Саха (Якутия). Конституционные советы также вправе выступить инициатором и заказчиком проведения социологических, научных, научно-методических и иных исследований, осуществлять взаимодействие с научными организациями и образовательными организациями высшего образования, заключать с ними соглашения и договоры о проведении совместных мероприятий, экспертных исследований.

5) *Правовое просвещение, формирование и развитие правовой культуры граждан* является безусловным залогом развития России как правового государства, повышения качества законодательства, а значит и качества жизни каждого человека. Для деятельности в этом направлении законодатели Республик Башкортостан, Татарстан и Якутия возложили на свои Конституционные советы обязанность по осуществлению правового просвещения. При этом Законы Республик Башкортостан и Татарстан лишь устанавливают такое полномочие, а его конкретизация осуществляется на уровне Регламентов [16, 17], в Республике Саха (Якутия) это полномочие совета закреплено исключительно на уровне Регламента органа.

В республиках выстраивается плановая работа по повышению уровня общей правовой культуры. Члены конституционных советов проводят мероприятия (публичные лекции, конференции, семинары, «круглые столы» и др.), направленные на повышение интереса и знаний граждан о развитии республиканского конституционного законодательства, активно взаимодействуют с общественными организациями, СМИ, образовательными учреждениями. Так, например, в соответствии с Отчетом «Об исполнении плана работы Конституционного совета Республики Саха (Якутия) за 2023 год», конституционные советники Республики Саха (Якутия) в 2023 году приняли участие в проведении публичных лекций, различных курсов, научных и научно-практических мероприятий.

Кроме этого, конституционные советники в Якутии обязаны участвовать в мероприятиях по оказанию бесплатной юридической помощи населению, проводимых органами государственной власти и региональным отделением «Ассоциации юристов России», вести личный прием граждан по вопросам реализации конституционных прав человека и гражданина. Сотрудники Аппарата Конституционного совета Республики Татарстан также участвуют в мероприятиях по оказанию бесплатной юридической помощи населению, проводимых государственными органами.

Таким образом, конституционные (уставные) советы в субъектах РФ призваны способствовать духовному развитию граждан. Правовое просвещение и развитие правовой культуры занимают важное место в деятельности существующих советов, что подтверждается информацией об их деятельности, публикуемой на официальных информационных ресурсах.

6) *Анализ состояния конституционной законности* является одним из направлений деятельности конституционных советов в Якутии и Татарстане. Результаты такого анализа оформляются в виде ежегодного доклада, представляемого на заседании законодательного органа Председателями Конституционных советов. Доклад готовится на основе предложений органов публичной власти и общественных объединений, а также представленных ответов на запросы федеральных и региональных органов государственной власти. Как правило, данный документ содержит в себе сведения об актуальных направлениях развития конституционного законодательства субъекта РФ, состоянии и перспективах развития регионального законодательства, правовые позиции конституционного совета республики по вопросам законодательного регулирования отношений в различных сферах.

Организация деятельности в данном направлении имеет некоторые различия в республиках. Согласно ст. 56 Конституции Республики Саха [5], к ведению Государственного Собрания (Ил Тумэн) отнесено заслушивание доклада Конституционного совета. По его итогам Конституционный совет вправе вносить в республиканский парламент предложения о внесении изменений и дополнений в примерную программу работы Государ-

ственного Собрания. Если по итогам рассмотрения ежегодного доклада законодательным органом принимается решение о разработке проекта закона, в состав рабочей группы по разработке проекта включаются конституционные советники. Подготовленный доклад ежегодно в марте после его утверждения размещается на официальном ресурсе.

Конституция Татарстана [6] не выделяет заслушивание доклада Конституционного совета в качестве предмета ведения законодательного органа, но он вытекает из положений ст. 12 Закона Республики Татарстан «О Конституционном совете Республики Татарстан» и ст. 49 Регламента органа конституционного надзора. Кроме этого, ежегодно доклад направляется и Главе (Раису) Республики Татарстан.

Думается, что такая деятельность позволяет выявить проблемные места в соблюдении конституционной законности и предложить пути их решения в целях обеспечения развития системы законодательства субъекта РФ.

7) *Реализация права законодательной инициативы в законодательном органе субъекта РФ.* Законодательная инициатива является одной из обязательных стадий законодательного процесса. Право законодательной инициативы — это юридическая возможность определенных субъектов вносить предложения об издании законов и соответствующих законопроектов в законодательный орган в целях их дальнейшего принятия.

Часть 2 ст. 10 ФЗ № 414 предоставляет субъектам РФ право устанавливать в своих конституциях (уставах) субъектов права законодательной инициативы. Из четырех существующих конституционных советов правом законодательной инициативы наделен всего один — Конституционный совет Республики Башкортостан. Это право закреплено ст. 76 Конституции Республики Башкортостан [7]. За время существования республиканского Конституционного совета Государственное Собрание — Курултай Республики Башкортостан не зарегистрировало ни одной законодательной инициативы от данного субъекта, из чего мы делаем вывод о том, что он не использует

предоставленное право. Для сравнения, «Конституционный суд Республики Башкортостан также имел право законодательной инициативы, но этим правом воспользовался всего один раз — внеся законопроект о ликвидации самого себя» [22, с. 66].

Можно заключить, что на данный момент влияние конституционных советов на законодательный процесс отсутствует полностью.

Итак, изучение проблемы, касающейся основных направлений деятельности конституционных (уставных) советов в субъектах РФ, дает возможность сделать следующие выводы:

1. Федеральным законодательством не определяются правовой статус и направления деятельности нового органа охраны Основного закона субъекта РФ, оставляя регионам широкую сферу для собственного усмотрения в этих вопросах, следствием чего является правовая неопределенность. Проблемой является и то, что некоторые полномочия создаваемых органов конституционного надзора устанавливаются исключительно на уровне регламентов указанных органов.

2. Основными направлениями деятельности конституционных советов являются охрана и защита конституции субъекта РФ, профессиональное толкование Основного закона субъекта РФ, взаимодействие с органами публичной власти и институтами гражданского общества, а также правовое просвещение граждан. При этом единственным общим для всех существующих на данный момент советов является охрана и защита Основного закона субъекта.

3. Не все направления деятельности конституционных советов в субъектах РФ, определенные законодательством, находят свою реализацию на практике. Так, нереализованным остается право законодательной инициативы в законодательном органе субъекта РФ.

Результаты данной работы могут быть использованы для исследования темы конституционных (уставных) советов, а также учитываться при создании указанных органов в субъектах РФ.

Литература:

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. — 1416.
2. Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 50 (часть I). — Ст. 8029.
3. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 19. — Ст. 2060; 2023. — № 32 (часть I). — Ст. 6212.
4. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 52 (часть I). — Ст. 8973; 2024. — № 1 (часть I). — Ст. 54.
5. Конституция Республики Саха (Якутия) от 04.04.1992 // «Якут. Ведомости» (прил. к газ. «Якутия»). — 1992. — № 7; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 25.11.2022.
6. Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 // газета «Советская Татария». — 1992. — № 246–247; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 13.01.2023.

7. Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 № ВС-22/15 // «Ведомости Государственного Собрания, Президента и КМ РБ». — 1994. — № 4; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 09.10.2021
8. Конституция Республики Адыгея от 10.03.1995 // «Ведомости Законодательного Собрания (Хасэ) — Парламента Республики Адыгея». — 1995. — № 3; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.02.2024.
9. Устав Ненецкого автономного округа от 11.09.1995 // «Няръяна Вындер». — 1996; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 26.04.2023.
10. Устав Тверской области от 05.11.1996 // «Тверские ведомости». — 1996. — № 98; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.12.2022.
11. Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. № 2356-3 № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.05.2021.
12. Закон Республики Адыгея от 28 апреля 2022 г. № 66 «О конституционном Совете Республики Адыгея» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.05.2022.
13. Закон Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. № 625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 22.11.2022.
14. Закон Республики Татарстан от 13 июня 2023 г. № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14.06.2023.
15. Регламент Конституционного Совета Республики Саха (Якутия). Утвержден решением Конституционного Совета Республики Саха (Якутия) от 28 октября 2021 года РКС № 2-1 (с изменениями, утвержденными решением Конституционного Совета Республики Саха (Якутия) от 28 сентября 2022 года РКС № 32-2). — Якутск, 2022. — 55 с. // Конституционный совет Республики Саха (Якутия): офиц. сайт. URL: <https://konsovet.sakha.gov.ru/> (Дата обращения: 14.04.2024)
16. Регламент Конституционного Совета Республики Башкортостан. Утвержден Решением Конституционного Совета Республики Башкортостан от 15 марта 2023 года № 1-Р. — Уфа. — 28 с. // Конституционный совет Республики Башкортостан: офиц. сайт. URL: <https://ksrb.bashkortostan.ru/> (Дата обращения: 14.04.2024)
17. Регламент Конституционного Совета Республики Татарстан. Утвержден решением Конституционного Совета Республики Татарстан от 11 октября 2023 года № 2-Р. — Казань. — 27 с. // Конституционный совет Республики Татарстан: офиц. сайт. URL: <https://konsov.tatarstan.ru/> (Дата обращения: 14.04.2024)
18. Брежнев О. В. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере Республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан) / О. В. Брежнев // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 4 (149). — С. 21–30.
19. Миронов, Д. Н. Конституционный совет при парламенте субъекта РФ (к вопросу об интеллектуальной модели) / Д. Н. Миронов // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 9. — С. 71–75.
20. Сафина, С. Б. Полномочия конституционных советов республик в составе Российской Федерации: первые шаги правового регулирования / С. Б. Сафина // Конституционное и муниципальное право. — 2024. — № 2. — С. 27–29.
21. Качалаева, А. А. Проблемы осуществления полномочий конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации на примере Республики Башкортостан / А. А. Качалаева // Конституционализм, его принципы и их роль в развитии и защите прав человека: Материалы VII Молодежных образовательных чтений, Уфа, 26 апреля 2023 года. — Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023. — С. 92–96.
22. Худoley, К. М. Какая судьба ждет конституционные (уставные) советы? / К. М. Худoley // Ex Jure. — 2023. — № 2. — С. 59–72.

Процессуальный и материальный подходы к правовой природе мирового соглашения

Жукова Валерия Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Саламатова Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье автор исследует процессуальные и материальные подходы к правовой природе мирового соглашения.

Ключевые слова: иск, процесс, соглашение.

Несмотря на то, что институт мирового соглашения применяется достаточно давно, на сегодняшний день в рамках законодательной области четко не определена природа мирового соглашения. Кроме того, в научном мире также налицо разногласия по данному вопросу.

Данная ситуация сформировалась под влиянием того факта, что с законодательной точки зрения, а именно в процессуальном законодательстве данный институт закреплён, однако природа его не определена, в этой связи в научном мире можно наблюдать несколько мнений по этому аспекту.

В данном случае мнения специалистов в данной области разделились в рамках отнесения института мирового соглашения к гражданско-правовому или процессуальному институту [1].

С исторической точки зрения до 1917 г. мировое соглашение трактовали, как «мировую сделку», что указывает на гражданско-правовой характер самого понятия.

Г. Ф. Шершеневич трактовал мировое соглашение, как договор, в который вступают стороны, в силу того, что нет уверенности в принадлежащих им прав на предмет спора, что вынуждает их воспользоваться компромиссным решением проблемы. Следует добавить, что ранее данное соглашение могло иметь место только в рамках материальных споров, если дело касалось неотчуждаемых прав, данный институт к ним не применялся [2].

М. А. Вилкут более обтекаемо определял понятие мирового соглашения, по мнению автора — это волеизъявление сторон для получения определенности в отношениях в целях окончания процесса суда [3].

Р. Е. Гукасян полагал, что мировое соглашение имеет процессуальный характер, поскольку его достижение является результатом гражданско-правового спора и может быть основанием для прекращения судебного разбирательства [4].

На базе исследований авторов, которые изучали данный институт, его процессуальный характер приобрел вид утвердившегося мнения на этот счет, вместе с тем его материально-правовая сторона не исследовалась и была забыта.

Некоторые авторы признавали наличия обеих сторон природы института мирового соглашения, другими словами оно может лежать в процессуальном поле и в гражданско-правовом.

Так М. А. Гурвич указывал на сложность понятия мирового соглашения, его конструкцию, которая, по его мнению, имеет гражданско-правовой характер, а также включает элементы процессуальной модели [5].

В соответствующих литературных источниках, характеризующих мировое соглашение, указывается большое количество доводов в пользу того, что данный институт имеет множество убедительных преимуществ в сравнении с судебным решением, ключевым из которых является устранение субъективной стороны спора, что позволяет реализовать возможность исполнения обязанности должником на добровольной основе.

Т. М. Яблочков наиболее кратко трактовал понятие мирового соглашения, указывая на то, что это особая форма завершения судебного процесса. Кроме того, автор считает, что взаимные уступки в данном случае не обязательны, поскольку мировое соглашение может достигнуто, если уступит одна из сторон. Также автор указывал на то, что мировое соглашение — это своего рода судебное решение, которой предполагает окончание судебного разбирательства, в этом автор видит юридическую силу данного института.

М. А. Рожкова для данного понятия дает следующую характеристику: «это взаимная сделка, находящаяся в гражданско-правовом поле между сторонами спора, которая вступает в силу в ходе судебного разбирательства и порождает новый характер ответственности между сторонами» [6].

И. В. Орлова характеризует мировое соглашение, как договор заинтересованных сторон в отношении окончания судебного дела посредством установления взаимовыгодных уступок в отношении сторон.

Д. Л. Давыденко формулирует определение понятия мирового соглашения, как договора, посредством которого стороны устраняют неясность своих правоотношений посредством взаимных уступок друг другу [7].

К. В. Котлярова в своих исследованиях указывает на неточность утверждения, что мировое соглашение можно отнести к гражданско-правовой сделке [8]. Кроме того, существует достаточно большое количество авторов, утверждающих и указывающих на процессуальный характер мирового соглашения.

При этом А. Х. Агеев дает обоснование своего утверждения и отнесения мирового соглашения к процессуальному порядку, в частности он выделяет следующие причины:

– мировое соглашение предполагает, что стороны будут совершать процессуальные действия;

– мировое соглашение порождает последствия, лежащие в правовом поле, для обеих сторон [9].

С. В. Юрченко характеризует мировое соглашение, как акт судебной власти [10].

С. А. Рухтин в своих рассуждениях указывает на то, что мировое соглашение является не просто актом договорного права, а выступает в качестве акта, который формируется в результате работы судебных органов, что в принципе характеризует природу мирового соглашения, как процессуальную [11].

В теоретических источниках, а также в научной литературе зачастую высказывается мнение о том, что мировое соглашение является в свою очередь судебным решением. Однако данная трактовка этого понятия не является верной по разным причинам. Во-первых, с точки зрения теоретического обоснования мирового соглашения, а во-вторых, в рамках действующего законодательства.

Здесь различия можно рассмотреть в самом определении и сущность судебного решения, которое свидетельствует о том, данное решение может быть вынесено только в судебном порядке, тогда как мировое соглашение может быть достигнуто предварительно, без обращения в судебные органы. Кроме того, судебное решение — это элемент правосудия в государственных рамках, другими словами — это государственная воля, которая позволяет разрешить конфликт или спор. Возможные последствия в области правоотношений являются схожими только в возможности принудительного исполнения. При этом в отношении мирового соглашения принудительное исполнение возможно только в случае определения судом, в остальных случаях о принудительной мере исполнения речи не идет.

Указанная разница не позволяет ставить знак равенства между данными понятиями. Кроме того, в свете вышеизложенного можно согласиться с М. А. Рожковой, которая указывает на то, что несмотря на некоторое сходство этих понятий, по своей природе они не тождественны [12].

Литература:

1. Зейналов Р. И. Взгляд на природу мирового соглашения и его дефиницию // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С. 86–88.
2. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Общая и Особенная часть. Тула, 2001. С. 322.
3. Гражданский процесс России: Учебник / Под ред. М. А. Викут. М.: Юрист, 2005. С. 103.
4. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1970. С. 131
5. Советский гражданский процесс / Под ред. М. А. Гурвича. М.: 1975. С. 125
6. Рожкова М. А. Применение в коммерческом обороте мировой сделки. М.: Статут, 2005. С. 71.
7. Давыденко Д. Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров // Вестник ВАС РФ. 2009. № 12. С. 84–89.
8. Котлярова В. В. К вопросу о понятии и правовой природе мирового соглашения // Журнал Российская юстиция. 2017. № 6. С. 17–20.
9. Агеев А. Х. Правовая природа мирового соглашения в исполнительном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 12. С. 39–45.

С. А. Кузнецов также указывает на имеющуюся разницу в этих понятиях в рамках их сущности и природы [13].

Отдельные авторы рассматривают мировое соглашение, как комплексное понятие, которое совмещает в себе процессуальную и гражданско-правовую природу. Одним из этих представителей является В. В. Ярков, который характеризует мировое соглашение, как договор, который совмещает в себе указанные характеристики [14].

Е. А. Трещева трактует понятие мирового соглашения, как соглашение, которое достигается сторонами для прекращения конфликта на определенных условиях, установленных сторонам [15]. Также двойственность понятия мирового соглашения прослеживается в рассуждениях К. В. Кочергина [16].

В данном случае можно отметить, что двойственность мирового соглашения, на которую указывают авторы, является наиболее верной характеристикой данного понятия.

Приведенные выше позиции исследователей позволяют сделать вывод, что к правоотношениям, возникающим в связи с заключением мирового соглашения, подлежат применению нормы как процессуального, так и материального гражданского права, вследствие чего мировое соглашение занимает важное место среди распорядительных действий сторон. Утвержденное судом мировое соглашение влечет за собой существенные правовые последствия — прекращение производства по делу и лишение сторон возможности обращения вторично с тождественным иском.

Итак, однозначно можно определить мировое соглашение как гражданско-правовую сделку либо как действие лиц в рамках процесса, нельзя. Мировое соглашение является комплексным понятием, сочетающим в себе признаки и гражданско-правовой сделки и примирительной процедуры. При этом в зависимости от того, заключается ли мировое соглашение в рамках искового производства либо в административном процессе, оно обладает самостоятельными признаками. В первом случае мировое соглашение можно определить как более отвечающее понятию гражданско-правовой сделки.

10. Юрченко С. В. К вопросу о юридической природе мирового соглашения // Юридический вестник. Ростов-на-Дону, 1999. № 1. С. 81–87.
11. Рухтин С. А. Мировое соглашение: проблемы заключения и исполнения при банкротстве // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 107–110.
12. Рожкова М. А. Применение в коммерческом обороте мировой сделки. М.: Статут, 2005. С. 82
13. Кузнецов С. А. Мировое соглашение в гражданском процессе. Адвокатский кейс. Учебно-практическое пособие. Добрянка: 2015. С. 40
14. Ярков В. В. Мировое соглашение в конкурсном производстве // Юрист. 2002. № 11. С. 35–45.
15. Трещева Е. А. Субъекты арбитражного процесса. Часть II: Правовое положение лиц, участвующих в деле, в арбитражном процессе. Самара: Издательство «Самарский университет», 2007. С. 118–119.
16. Кочергин К. В. Мировое соглашение в арбитражном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 2011. С. 8

Влияние искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве на реализацию принципа непосредственности

Зезегова Кристина Юрьевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проводится анализ перспектив использования искусственного интеллекта, рассматриваются проблемы внедрения систем искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство. Основное внимание уделяется возможности замены судьи системами искусственного интеллекта. Делается вывод о том, что использование интеллектуальных автономных систем в судебной деятельности способствует преобразованию и повышению качества правосудия только при определенных условиях. На пути к более высокой цифровой зрелости осталось еще много работы, но уже можно гордиться достигнутыми успехами в этой области. Позиции, которые заняты сейчас, лишь начальные шаги к новым вершинам цифрового развития.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданское судопроизводство, гражданский процесс, принцип непосредственности, информационные технологии.

Сегодня ведутся важные дискуссии о применении передовых технологий цифровой трансформации, включая системы искусственного интеллекта. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, искусственный интеллект отнесен к основным направлениям развития российских информационных и коммуникационных технологий. Это также важно для регулирования социальных отношений и обеспечения устойчивого развития.

Инновационные методы получения информации стимулируют человеческий труд в различных отраслях. Сфера цифровизации и использования искусственного интеллекта представляет интерес для будущих исследований. Гражданские процессы рассматриваются как одно из потенциальных направлений использования систем искусственного интеллекта с учетом текущей политики. Это идеологически меняет форму взаимодействия граждан с государственными органами, включая судебные.

Единый подход к определению «искусственного интеллекта» отсутствует, поскольку это понятие зависит от различных целей. Проанализируем положения Национальной стратегии развития искусственного интеллекта

на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 [3].

Согласно этому документу искусственный интеллект представляет собой совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека, включая способность к самообучению и поиску решений без заранее заданного алгоритма, и выполнять по крайней мере определенные задачи, сравнимые с результатами, достигнутыми человеком.

Правительство Российской Федерации активно внедряет новые технологии в сфере судебного разбирательства в рамках государственной программы «Цифровая экономика». Разрабатываются альтернативные механизмы разрешения споров для упрощения судебного процесса и трансформации системы правосудия, что способствует созданию эффективной и устойчивой системы права [2].

Принцип непосредственности является важным принципом как один из руководящих положений в судопроизводстве. В соответствии с частью 1 статьи 157 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу, а часть 2 указанной статьи устанавливает, что разбирательство по делу происходит устно и при неизменном составе судей. В свою очередь со-

гласно части 1 статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Сотрудники судебного аппарата играют ключевую роль в цифровой трансформации данной отрасли, однако к внедрению искусственного интеллекта наличествует консервативный подход. Их мнение о внедрении информационных технологий в работу судов имеет большое значение, даже важнее, чем наличие достаточных финансовых средств. Однако в современном обществе судебная система не может оставаться в стороне от технологического прогресса, поэтому цифровые инструменты становятся все более неотъемлемой частью ее деятельности.

В настоящее время важно обратить внимание на актуальность использования современных технологий в различных сферах деятельности. Однако, для того чтобы оценить их реальные возможности и ограничения, необходимо провести анализ применения искусственного интеллекта в конкретных областях.

По мнению А. К. Нестренко, системы искусственного интеллекта могут быть полезны в судебной системе, особенно в решении рутинных дел. Например, взыскание задолженностей по коммунальным услугам или просроченным кредитам может быть значительно упрощено с использованием таких технологий. Это способствует сокращению рабочей нагрузки на судебных секретарей и судей, позволяя им эффективно взаимодействовать с действующим законодательством и быстро составлять необходимые документы. Окончательное решение остается за судьей, что повышает эффективность работы суда и ускоряет процесс принятия решений.

Использование искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве требует использование правила приоритета человеческого решения. Эксперт Нестренко подчеркивает, что искусственный интеллект должен быть рассмотрен исключительно как средство поддержки для судей и других работников судебной системы. Поэтому важно не полностью доверять системе в принятии окончательных решений, которые могут непосредственно повлиять на судьбу участников процесса [5, с. 33].

Искусственный интеллект имеет потенциал оказывать поддержку судье в разрешении стандартных задач или в области, где уже определены шаги действий. В статье рассматривается перспектива использования искусственного интеллекта в процессе вынесения судебных постановлений о выдаче судебного приказа (глава 11 ГПК РФ).

В статье 122 ГПК РФ содержатся требования, по которым выдается судебный приказ. В судебных делах учитываются требования, которые не подлежат оспариванию.

Использование искусственного интеллекта в таких разбирательствах не подлежит исключению, поскольку такая деятельность в основном имеет технический характер и не связана напрямую с анализом правоотношений сторон. Однако нельзя однозначно утверждать о полной замене

судьи искусственным интеллектом в данном случае. Если искусственному интеллекту будут предоставлены права и обязанности судьи, это потребует признания его юридическим лицом, что вызывает значительные дискуссии и обсуждения в настоящее время.

Следует отметить позицию Р. В. Душкина, выступающего на Ежегодной международной научно-практической конференции «Гайдаровский форум» 2019 года, касающуюся концепции искусственного интеллекта. Он предлагает предоставить права через нормативные документы и определить функцию обязанностей. Он обсудил вопросы юридической ответственности организаций искусственного интеллекта и предложил несколько вариантов разрешения, включая закрытие и перенос сроков, переобучение и штрафы [1].

В соответствии со статьей 67 ГПК РФ суд оценивает все имеющиеся доказательства на основе личного внутреннего убеждения, которое строится на полном, объективном и непосредственном исследовании. Однако искусственный интеллект не обладает подобными моральными аспектами.

Эффективное судопроизводство зависит от сочетания устного и письменного взаимодействия в процессе. Обеспечение достоверности доказательств и задание важных вопросов возможны благодаря устной форме судебного разбирательства. Судья должен обладать коммуникативной компетентностью, чтобы обеспечить эффективность процесса. Важно не только дать возможность сторонам выразить свои позиции, но и обязанность суда дать обоснованный ответ на их требования и возражения. Это подчеркивает В. М. Шерстюк, указывая на важность участия всех сторон в судебных актах [7, с. 28–35].

Когда дело касается искусственного интеллекта, следует помнить, что его коммуникативные способности не обладают такой глубиной, как у человека. Это означает, что ИИ не способен адаптироваться к обстановке, задавать необходимые вопросы и анализировать с учетом жизненного опыта. В результате такого подхода все стороны могут быть услышаны, но существует риск, что их точка зрения не будет учтена. Одновременно принцип устности взаимосвязан с принципом непосредственности в оценке доказательств: то, как судья воспринимает устную информацию, определяет его взгляд на обстоятельства.

В 2018 году Европейский совет принял Хартию этических принципов использования искусственного интеллекта в судебных системах [4, с. 13]. Она призывает к тому, чтобы правосудие не использовало искусственный интеллект. У этого типа технологий есть важная особенность: они могут действовать неожиданно, несмотря на наличие в них данных и встроенных механизмов объяснения. Искусственные интеллектуальные системы способны быстрее фиксировать и сопоставлять факты, чем человек, однако руководящие принципы человека не ограничиваются лишь логикой и цифрами, они также включают в себя сострадание и интуицию.

Кроме того, возникает вопрос о том, кто будет создавать программы для искусственного интеллекта в су-

дебной системе: опытный программист без специализации в правовой сфере или судья, который не имеет опыта в программировании?

Система искусственного интеллекта, будучи точной, но всё же неизбежно несущей административные и технические риски, может быть эффективно регулирована в рамках проблемы с помощью сочетания человеческого контроля и использования ИИ в гражданском правосудии.

Искусственный интеллект может быть внедрен в работу суда на начальном этапе разбирательства граждан-

ских дел, что поможет снизить вероятность нарушения прав и законных интересов сторон [6].

В современном обществе происходит активное внедрение систем искусственного интеллекта в различные сферы жизни, включая судебную систему. Однако для достижения максимальных результатов необходимо, чтобы судебная система находилась на высоком уровне цифровой зрелости. На данный момент достигнутые уровни можно считать промежуточными, и для дальнейшего развития требуется глубокое научное и практическое исследование.

Литература:

1. Доклад «ИИ-системы как субъекты права» на Гайдаровском форуме: сайт. URL: https://zenyandex.ru/media/ai-qcnt/doklad-iisistemy-kak-subektyprava-na-gaidarovskom-forume-5c430924f6cfb300af1c0d9f#publication_likers (дата обращения: 05.08.2024).
2. Егорова, Д. В. Реализация принципа непосредственности в условиях внедрения искусственного интеллекта при рассмотрении гражданских дел / Д. В. Егорова, А. С. Скрынникова, Д. Е. Казаева // Теория права и межгосударственных отношений. — 2022. — Т. 2, № 5(25).
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
4. Совет Европы принял Хартию о судебном применении искусственного интеллекта: сайт. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043.html (дата обращения 05.08.2024).
5. Судебный процессор: Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере // Коммерсант. 2017: сайт. URL: <https://www.simplawyer.com/wp-content/uploads/Zakon.ru-Legal-Tech-andlawyers-of-the-future.pdf> (дата обращения: 04.02.2021).
6. Сысоева, М. А. К вопросу о самостоятельной роли искусственного интеллекта в гражданском процессе / М. А. Сысоева, А. Д. Чеканова // Law Afterknown: право за гранью обыденного: материалы III Международного молодежного юридического форума, Тюмень, 16–18 мая 2024 года. — Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. — С. 405–412.
7. Шерстюк В. М. «Право быть выслушанным и быть услышанным» — принцип гражданского процессуального права // Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства: сб. статей. М., 2015. С. 28–35.

К вопросу о понятии нетерпимости к коррупционному поведению

Зейналова Рагима Алиевна, помощник судьи
Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа (г. Иркутск)

В действующем законодательстве, а именно, в пункте 1 статьи 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», подпункте 10 пункта 1 статьи 31.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», подпункте 6 пункта 2 статьи 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», предусмотрена такая мера профилактики коррупции как формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению.

Государством сформулирована задача по формированию в российском обществе атмосферы нетерпимости

и реального неприятия коррупции, вследствие чего коррупционная модель поведения должна повсеместно подвергаться общественному порицанию, выступать экономически невыгодной.

Формирование нетерпимости к коррупционному поведению как мера противодействия коррупции является по своему существу межотраслевым понятием и регламентировано как в федеральных нормативных правовых актах, так и в актах регионального уровня, а также в локальных актах государственных и негосударственных организаций. Тем самым представляет собой глобальное и одновременно точечное направление, пронизывающее все

нормы права, целью которого является неприятие коррупции как отдельными лицами, так и государственными, негосударственными организациями.

Однако законодательство не содержит дефиницию понятия «нетерпимость к коррупционному поведению».

В юридической литературе указанное понятие традиционно рассматривается через призму деятельности по формированию нетерпимости к коррупционному поведению, то есть совершение определенных действий, протекание некоего процесса, даются какие-либо рекомендации по улучшению направлений государственной политики и работы институтов гражданского общества в данной сфере.

В частности, к мерам по формированию нетерпимости к проявлениям коррупционного поведения в обществе относят как пропагандистскую деятельность среди населения, так и повышение ответственности должностных лиц государственной власти, установление прозрачности их деятельности и т.д. [1, с. 27].

Безусловно, деятельность государственных (муниципальных) органов, общества по профилактике (по-рицанию) коррупции, ее публичному выявлению и пресечению относится к направлению государственной политики и является неотъемлемым механизмом для формирования нетерпимости к коррупционному поведению.

При этом, думается, необходимо разграничивать деятельность по формированию нетерпимости к коррупционному поведению, субъектами которой выступают, прежде всего, органы государственной и муниципальной властей, а также организации, и саму «нетерпимость к коррупционному поведению», субъектом которой является также человек (гражданин) как индивидуум.

Но как выражается эта нетерпимость? Каков результат профилактики коррупции в данном аспекте?

Нетерпимость — это нежелание или невозможность терпеть кого-то-н [2, с. 194].

В юридической доктрине исследований на тему раскрытия понятия «нетерпимости» крайне мало. Вместе с тем можно встретить мнение, что термин «нетерпимость к коррупционному поведению» следует исключить из действующего законодательства как юридически не определенную правовую категорию и заменить категорией «антикоррупционного мировоззрения» [3, с. 1007]. Данная точка зрения представляется интересной, по сути, имеющей в своей основе одно и то же явление, а именно отрицательный (негативный) взгляд на коррупцию.

Но все же представляется, что оснований для исключения данного словосочетания из законодательства не имеется, учитывая его социальную направленность и, как отмечено выше, межотраслевой характер. Не зря законодатель неоднократно в различных нормативных правовых актах упоминает эту именно категорию, как хорошо устоявшуюся и воспринимаемую народом и институтами Российской Федерации. Именно «нетерпимость», «нетерпение» является ключевой исходной точкой в оценке коррупционного поведения. Думается, недостаточно обладать антикоррупционным мировоззрением, а необходимо

еще и демонстрировать свою «нетерпимость» совершением определенных действий или, напротив, бездействия.

Своего рода антагонистом нетерпимого отношения к коррупции следует считать «лояльность» к такому поведению, под которой можно понимать как «держась формально в пределах законности, в пределах благожелательно-нейтрального отношения к кому-чему-нибудь» [4, с. 302]. То есть лояльность предполагает в рассматриваемом контексте некое «закрытие глаз» на определенные вещи, которые, по мнению лица, не являются существенными в плоскости его мировосприятия и не нуждаются в каком-либо реагировании.

Интересна в этом плане практика антимонопольных органов. Так, в своих решениях антимонопольный орган, установив, что реклама с надписью: «И неподкупное — подкупно! Нашему будущему абоненту», мало того, что является недобросовестной конкуренцией, так еще и способствует формированию у потребителя лояльного отношения к коррупции (например, решение Калужского УФАС России от 23.05.2012 № 05–06р/2012, постановление Калужского УФАС России от 26.11.2012 по делу № 05–72ар/2012).

Как принято в общей теории права, определять какое-либо понятие, явление через присущие ему признаки, так и в настоящей статье с учетом правового регулирования, философских установок предлагается определить понятие «нетерпимости к коррупционному поведению» через следующие признаки.

Во-первых, субъектом нетерпимости к антикоррупционному поведению является, прежде всего, именно человек (гражданин), и уже потом в целом общество.

Во-вторых, нетерпимость к коррупционному поведению можно охарактеризовать как некое устойчивое состояние субъекта к непринятию любых форм коррупции.

В-третьих, указанное устойчивое состояние формируется в результате принимаемых государством, органами местного самоуправления мер, то есть, по сути, вследствие повышения уровня правосознания, доверия к власти посредством доведения до населения видов и форм коррупционного поведения, последствий коррупционного поведения, алгоритма действий при обнаружении коррупционного поведения, прозрачности деятельности государства и организаций.

И, в-четвертых, объективная сторона данного понятия состоит в осуществлении лицом определенного действия (как то сообщить в соответствующие органы государственной власти, органы управления организацией о склонении к коррупционному поведению, или об обнаружении коррупционного поведения и др.) либо в бездействии (например, отказ от получения взятки, коммерческом подкупе и др.).

С учетом всего вышеизложенного полагаем возможным определить дефиницию «нетерпимости к коррупционному поведению» как сформированное вследствие принимаемых государством и обществом конкретных мер устойчивое состояние человека и гражданина, общества

в целом, по непринятию всех форм коррупционного поведения, их порицанию, влекущее в последующем соответствующее действие или бездействие в виде его предупреждения, выявления и (или) пресечения.

Литература:

1. Зырянова Ж. Е. Об эффективности формирования в обществе нетерпимости к коррупционному поведению как меры профилактики мелкого взяточничества // Российский следователь. — 2020. — № 9. — С. 27–31.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва: Азбуковник, 1997. — 944 с.
3. Кабанов П. А. Формирование нетерпимости к коррупционному поведению как юридически не определенная правовая категория и ее содержание // Актуальные проблемы экономики и права. — 2019. — Т. 13. — № 1. — С. 1007–1026.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва: Азбуковник, 1997. — 944 с.

Последствия признания завещания недействительным

Зыбин Андрей Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Зайцева Юлия Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются вопросы, связанные с последствиями признания завещания недействительным. Обосновывается мысль о том, что к завещанию, как одной из разновидностей сделок, применяются общие положения о сделках, в том числе касаясь признания завещания недействительным.

Ключевые слова: завещание, недействительность, сделка, последствия, реституция.

Как известно, завещание, по своему смыслу, определяет судьбу имущества после смерти наследодателя. Решение о составлении завещания всегда связано с волей завещателя. Завещание может изменяться или вовсе аннулироваться, что связано с волеизъявлением наследодателя имущества, учетом обстоятельств и будущих планов в отношении своих наследников [3, с. 142].

Современное российское законодательство предоставляет возможность восстановить нарушенные права участников наследственных правоотношений. Этот принцип закреплен в ст. 12 ГК РФ, а также в ст. 1131 ГК РФ, где указывается, что в случае нарушения завещанием норм гражданского законодательства, лицо, чьи права или законные интересы были нарушены, может обратиться в суд с иском о признании завещания недействительным [1].

Признать завещание недействительным возможно лишь после смерти наследодателя. К тому же отечественное законодательство в области наследственного права не содержит правовые нормы, которые регулируют последствия признания завещания недействительным. В связи с этим, необходимо применять положения, регламентирующие последствия недействительности сделок.

Завещание является односторонней сделкой, поэтому оно должно соответствовать определенным требованиям. По общему правилу, принято выделять следующие требования:

- законность;
- воля и волеизъявление завещателя совпадают;

- правосубъектность завещателя (совершение сделки представителем не допускается);

- соблюдение формы завещания.

Для начала разберем фундаментальное требование, относящиеся ко всем видам гражданских правоотношений. Законность завещания означает, что содержание завещания не противоречит требованиям действующего закона. Наследодатель не может включить в завещание положения, которые идут в разрез с установленными и регламентированными правовыми нормами [5, с. 53].

Немаловажным требованием к завещанию является совпадение воли и волеизъявление завещателя. Указанное требование означает, что при составлении завещания завещатель не должен находиться в заблуждении, подвергнут насилью или его угрозе, а также обману. Согласно ст. 178 ГК РФ, сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана недействительной. Для этого, лицо, чьи права нарушены, должен обратиться в суд с иском заявлением, указав на то, что завещание было составлено в результате заблуждения завещателя.

Относительно обмана следует отметить, что цель такого действия состоит в получении выгоды. Как правило, мошенники в качестве жертв выбирают лиц преклонного возраста, желательно одиноких. Существует большое количество способов, к которым прибегают злоумышленники для получения в наследство какого-либо имущества. В указанном варианте право на обращение в суд имеют лица, чьи права были нарушены в результате обмана.

Правосубъектность завещателя — это способность иметь гражданские права и нести обязанности, а также наличие у него полной дееспособности. Обращаю внимание на тот факт, что признание лица недееспособным уже после составления им завещания не может служить основанием для признания его недействительным. Иными словами, если лицо при составлении завещания было дееспособным и отдавало отчет своим действиям, а через какое-то время с ним произошел, к примеру, несчастный случай, в результате которого он стал недееспособным, то наследники не смогут признать данное завещание недействительным, так как факт наличия недееспособности наступил уже после того, как завещание было составлено [2, с. 143].

Соблюдение формы завещания означает, что оно должно соответствовать требованиям ст. 1124 ГК РФ, а именно: письменная форма и удостоверение нотариусом. Отсутствие хотя бы одного из вышеуказанных требований, является основанием для признания такого завещания недействительным.

Необходимо отметить, что в случае удовлетворения судом иска о признании завещания недействительным наследниками будут считаться лица, указанные в ранее составленном завещании. Если же такого завещания не было, то наследование будет по закону. В п. 5 ст. 1131 ГК РФ закреплено положение, согласно которому, лица, указанные в недействительном завещании, могут получить наследуемое имущество, но для этого они должны быть

наследниками по закону, либо фигурировать в ранее составленном завещании.

Следует обратить внимание на тот факт, что общеправовые последствия недействительности сделок применяются и к последствиям недействительности завещания. В случае исполнения недействительного завещания и перехода имущества в собственность указанных в нем лиц, эти лица не имеют право удерживать такое имущество. После признания завещания недействительным применяются положения о реституции. В соответствии с п. 2 ст. 167 ГК РФ, стороны должны вернуть всё полученное по сделке или, в случае невозможности возврата в натуре, возместить стоимость полученного в денежном выражении [4, с. 90].

Наследники по признанному недействительным завещанию должны передать имущество, полученное таким путем, наследникам по закону. Реституция не является карательным механизмом, так как она не связана с применением в отношении сторон дополнительных мер воздействия, влекущих неблагоприятные последствия.

Резюмируя все вышесказанное, отмечу, что завещание является одним из видов сделки, к которому применяются общие положения о сделках. Ключевым последствием признания завещания недействительным является передача имущества наследникам по закону или наследникам по ранее составленному завещанию. К тому же признание завещания недействительным имеет правовые последствия для наследников и распределения имущества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 03.12.2001. — № 49. — ст. 4552.
2. Белов В. А. Наследственное право: учебник для вузов / М. С. Абраменков, А. Г. Сараев, В. А. Белов. 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт. 2021. 387 с.;
3. Гребнева, Ю. А. Понятие и правовая природа недействительности завещания / Ю. А. Гребнева, Л. И. Попова // Научный журнал «Эпомен». 2021 г. № 56. С. 141–145.
4. Кабышева А. К. Способы признания завещания недействительным и его правовые последствия // Вопросы российского и международного права. 2022 Том 12 № 6А. С. 88–93;
5. Назарова, А. В. Некоторые вопросы наследования по завещанию в Российской Федерации / А. В. Назарова // Вестник Университета «Кластер». — 2022. № 6. С. 52–55

Место конституционного права человека и гражданина на свободу мнения, совести и вероисповедания в системе конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации на современном этапе

Истомина Елизавета Николаевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье дана краткая характеристика конституционного права на свободу мнения, совести и вероисповедания, определено место данного права в системе конституционных прав и свобод личности в России. Особое внимание уделено вопросу взаимосвязи данного права с правом на образование.

Ключевые слова: человек, личность, права, конституционное право, свобода совести, свобода вероисповедания, религия.

Право на свободу совести и вероисповедания прямо закреплено в Конституции Российской Федерации. В соответствии с положениями ст. 28 «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [1]. Положениями Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» рассматриваемое право несколько конкретизировано за счет указания на возможность лица совершать богослужения, различные религиозные обряды и церемонии, осуществлять обучение религии и религиозное воспитание, создавать религиозные объединения [4].

Конституционное право на свободу совести, мнения и вероисповедания относится к первому поколению прав человека. Право на свободу мысли, совести и вероисповедания выступает как одна из частей правового статуса личности и находится в связи с этим в определенной взаимосвязи с другими провозглашенными конституционными правами и обязанностями. Так, например, можно говорить о том, что рассматриваемое право имеет взаимосвязь с конституционно закрепленным правом лица на неприкосновенность частной жизни, поскольку тайна вероисповедания, выступающая неотъемлемой частью права на свободу мысли, слова и вероисповедания, несомненно, также может быть составной частью жизни любого индивида. На конституционном уровне не установлено прямого запрета на допрос священника по тем обстоятельствам, которые стали ему известны в ходе исповеди. Однако, такие положения закреплены, например, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [3]. Кроме того, в соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» также предусмотрена защита данного таинства и запрет на привлечение к ответственности священнослужителей за их отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны им в ходе исповеди.

Свобода мысли, совести и вероисповедания также имеет тесную взаимосвязь с провозглашенной в стране свободой слова (отсутствием цензуры). Ст. 29 Конституции РФ ограничена возможность осуществления пропаганды или агитации, которые могут быть направлены, в том числе, и на возбуждение религиозной ненависти, вражды, религиозного превосходства. М. А. Дубровина в рассматриваемом аспекте справедливо отмечала о том, что свобода слова и мысли неизбежно выступают как важное основание для реализации свободы совести и вероисповедания [9, с. 18].

В соответствии с положениями ст. 30 Конституции РФ закреплено за каждым лицом право на объединения,

с помощью религиозных организаций многие лица исповедуют коллективно определенную религию. С коллективной формой реализации права на свободу вероисповедания, совести и мысли также тесно связано право лиц собираться мирно и без оружия. Определенную взаимосвязь рассматриваемого конституционного права, на наш взгляд, можно усмотреть с правом каждого лица на свободное использование своих способностей и имущества на осуществление предпринимательской деятельности. Так, в соответствии с положениями Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» религиозным организациям предоставлено право на осуществление предпринимательской деятельности в установленном российским законодательством порядке. Кроме того, в соответствии с положениями ст. 37 Конституции РФ, каждое лицо обладает правом на свободный труд, в связи с чем, последователи любой религии могут придерживаться канонов вероучения и рамках осуществляемой ими трудовой деятельности.

Несколько более спорным является вопрос о взаимосвязи права на свободу мнения, свободы и вероисповедания с конституционным правом личности на получение образования. В государстве установлен четкий принцип разграничения светского и религиозного образования в системе государственных и муниципальных учреждений. Данный вопрос в настоящее время стоит довольно остро.

На территории Российского государства не только гарантируется свобода религии, но и также обеспечивается и гарантируется уважение ценностей всех религий, разрешенных на территории страны. Более того, о высокой степени важности уважения религиозных ценностей и религии в целом, свидетельствует и установление уголовно-правового запрета на оскорбление религиозных чувств верующих, что следует из положений ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации [2].

В полной мере обоснованной и справедливой видится точка зрения О. Н. Сенюткиной и О. К. Шиманской о том, что «сегодня в ядре ценностных установок российской цивилизации религиозные ориентиры, тщательно вытесняемые в советский период, занимают признанное место наряду с существующими по-прежнему экономическими, политическими и иными ценностными векторами» [12].

В современных условиях все чаще возникают ситуации, в которых представители одной религии демонстрируют явное неуважение к ценностям представителей других религий. Так, средства массовой информации освещают достаточно большое количество ситуаций, связанных с неуважением религиозных ценностей в системе образования. Так, одним из громких известных случаев является отказ руководителей Московского государственного института международных отношений допустить де-

вушку к занятиям на подготовительных курсах в связи с фактом ношения ею хиджаба. Девушке было разъяснено, что учебное заведение является светским, соответственно, каких-либо религиозных предметов одежды на учащих быть не должно [6].

Родственница девушки, сообщившая средствам массовой информации о произошедшем инциденте, рассказала, что она заканчивала высшее учебное заведение совершенно при иных обстоятельствах: «я заканчивала свой вуз в хиджабе, и мы даже молились мусульманским сообществом на пролете лестницы, другие студенты очень уважительно относились к этому» [6].

Стоит отметить, что Министерством образования Российской Федерации указанное обстоятельство было раскритиковано и осуждено, что свидетельствует о проведении позитивной и верной государственной политики, направленной на обеспечение уважения религиозных ценностей [11].

Важно отметить, что на законодательном уровне ношение хиджаба в учебных заведениях не запрещено. Так, в соответствии со ст. 43 Конституции РФ закреплено право каждого лица на получение образования. Каждый ребенок имеет равную с другими, не зависящую от социального происхождения, места жительства, а также иных обстоятельств возможность развития личности и равный доступ в существующие государственные или муниципальные образовательные учреждения [10].

Положения ст. 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» говорится о том, что «Гражданам Российской Федерации гарантируется возможность получения образования независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям (объединениям), возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, наличия судимости» [5].

На наш взгляд, данные законоположения свидетельствуют о том, что ограничение права человека на получение образования в связи с ношением им традиционных элементов одежды, свойственных вероисповеданию такого лица, не просто неправомерно, но и направлено на ущемление человека в его конституционных правах.

Аналогичная ситуация в сентябре 2022 г. произошла и в одной из общеобразовательных школ г. Тюмени, где ученицу пятого класса отказались пускать на занятия в хиджабе. По словам родителей школьницы, директор

требовала снять платок — после получения отказа школьницу попросили покинуть учебное заведение. Примечательно, что данная ситуация вызвала споры — нашлись как лица, поддерживающие ребенка, так и лица, высказывающие поддержку действиям директора [7].

Фактически, в данном случае ребенка также пытались лишить его конституционного права на получение образования вне зависимости от его отношения к религии, национальности.

Так, например, на территории Чеченской республики в школах введены особые правила относительно внешнего вида обучающихся. В том числе, начиная с четвертого класса, ученицы обязаны носить головной платок, начиная с седьмого класса — длинные юбки. Принятие таких правил обусловлено как религиозными воззрениями чеченского народа, так и его менталитетом, понятиями и жизненными ориентирами. Однако, несмотря на тот факт, что большинство жителей республики такие меры поддерживают и считают необходимыми, высказывается и соответствующая критика. Так, например, одна из родительниц прокомментировала ситуацию следующим образом: «Мне кажется, это, в первую очередь, дело родителей, во что и как одевать своего ребенка, а не министерства образования. Подумали бы лучше над тем, как улучшить качество образования и оборудовать в школах компьютерные классы...» [8].

Критика такой формы исходит из представителей других религий, в то время как большинство жителей Чеченской Республики такие нововведения поддержали. В данном случае также возможно говорить о проявлении не толерантного отношения к религиозным ценностям иных конфессий, что, опять же, свидетельствует о необходимости поиска компромисса и установления мирного диалога.

Таким образом, определенную спорность вызывает взаимосвязь рассматриваемого конституционного права с правом на образование. Современная общественная обстановка свидетельствует о том, что многие лица зачастую подвергаются дискриминации в рамках образовательного процесса за свою религиозную принадлежность. Представляется, что урегулирование данного спорного вопроса возможно посредством прямого законодательного закрепления в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» права на ношение соответствующей религиозной одежды в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 1. — Ст. 1; 2023. — № 16. — Ст. 2750.

4. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 39. — Ст. 4465; 2023. — № 31. — Ст. 5786.
5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 53. — Ст. 7598; 2023. — № 1. — Ст. 78.
6. Абитуриентке не разрешили приходить в мусульманском платке на подготовительные курсы [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/07/04/8364551.shtml?ysclid=l98zy8fq7689618205> (дата обращения: 10.10.2023).
7. В Тюмени бурную дискуссию вызвало появление в школе девочки в хиджабе [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/09/14/reg-urfo/delo-o-belom-platochke.html?ysclid=l990fc5uaa35700722> (дата обращения: 11.10.2023).
8. В чеченских школах вводится новый дресс-код для учениц [Электронный ресурс] // Ансар. URL: <http://www.ansar.ru/society/v-chechenskih-shkolah-vvoditsya-novyy-dress-kod-dlya-uchenic> (дата обращения: 11.10.2023).
9. Дубровина М. А. Защита конституционного права на свободу мысли и слова в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
10. Камбаров А. А. Религиозные ценности — прочная основа в формировании гармоничной личности // Педагогика. Психология. Философия. 2022. № 3 (27). С. 78–84.
11. Минобрнауки раскритиковало отказ МГИМО впускать абитуриентку в хиджабе [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/577846229a79473e6cae9522?ysclid=l99020ssyi891872025> (дата обращения: 10.10.2023).
12. Сенюткина О. Н., Шиманская О. К. Религиозные ценности в социально-политической жизни России // Современная Европа. 2015. № 3 (63). С. 107–117.

Понятие общественной безопасности и общественного порядка

Канчурина Саида Ринатовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется понятие общественной безопасности и общественного порядка. Делается вывод о том, что обеспечение обнесенной безопасности и общественного порядка важнейшая задача правоохранительных органов, отмечается, что на законодательном уровне отсутствует понятие «безопасность».

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, законодательное регулирование понятия «безопасность», обеспечение общественной безопасности и общественного порядка, задача правоохранительных органов

Одним из актуальных вопросов на фоне проведения СВО является вопрос обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Ведь в случае возникновения непредвиденных угроз, граждане должны оперативно выполнить требования правоохранительных органов (будь это требования не покидать собственные дома или требование срочно эвакуироваться). Все это представляет собой установленный общественный порядок. Никакое нормальное развитие общества невозможно без обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Именно поэтому данные категории, по сути, являются междисциплинарными и используются в различных отраслях права — в уголовном, административном, конституционном праве и других отраслях права, поэтому определение данных понятий является важным и актуальным.

Для того, чтобы исследовать сущность общественной безопасности и общественного порядка необходимо разобрать составляющие этих терминов. Прежде всего, это понятие «безопасность». Сам термин «безопасность» используется во множестве нормативно-правовых актов,

например, в Федеральном законе от 26.07.2017 N187-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [1], Федеральном законе от 10.12.1995 N196-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О безопасности дорожного движения» [2] и многих других. К сожалению, на законодательном уровне сам термин «безопасность» не определен, однако активно используется законодателем в различных сочетаниях. Так, согласно пункта 2 ст. 2 Федерального закона от 10.12.1995 N196-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О безопасности дорожного движения»: «безопасность дорожного движения — состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий».

Толковые словари русского языка разъясняют слово «безопасность» как «отсутствие опасности, предупреждение опасности» [9. С. 113] или как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [4. С. 39].

Если провести анализ приведенных определений можно сказать, что безопасность — это «отсутствие опас-

ности», «защищенность от внешнего воздействия» определенных сфер общественной жизни, сохранение системы в стабильном состоянии.

«Состояние общества, государства может быть оценено как безопасное, если факторы, негативно влияющие на общество или государство, либо отсутствуют либо, при их наличии достаточно эффективно купируются» [8. С. 9].

Рассмотрим понятие «порядок». Ф. Хайек определяет как порядок: «такое состояние дел, в котором множество элементов различного рода является настолько друг с другом связанным, что, знакомясь с некоторой пространственной или временной частью такого целого, можно сформулировать корректные ожидания остальной его части, либо по крайней мере такие ожидания, которые, скорее всего, окажутся корректными, имеют определенный потенциал для того, чтобы оказаться таковыми, и этому есть доказательства» [3 С. 8].

По А. И. Пригожину, элементный состав порядка в самом общем виде включает в себя:

- «очередность расположения элементов или их действий;
- соответствие требованиям или критериям, стандартам;
- распределенность функций, ресурсов по значимым признакам;
- подчинение по иерархии;
- согласованность целей и действий» [6. С. 67].

Анализируя указанные определения можно сказать, что порядком является определенная установленная кем или чем-либо заданная последовательность чего-либо. По отношению к теме статьи это будет порядок в обществе, который устанавливается на основе действующих нормативно-правовых актов.

Разберем последнее составляющее понятий «общественная безопасность» и «общественный порядок», а именно, понятие «общественный». «Общественные отношения — многообразные связи между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них в про-

цессе их экономической, социальной, политической, культурной деятельности» [7. С. 923]. В словаре С. И. Ожегова указано, что «общество — совокупность людей, объединенных способом производства материальных благ на определенной ступени исторического развития, определенными производственными отношениями» [5. С. 560].

На основе приведенных определений можно сказать, что общество представляет собой определенную совокупность людей с имеющимися связями между ними на разных уровнях.

Задачи обеспечения общественной безопасности и общественного порядка прямо или косвенно стоят перед всеми государственными органами в целом и прежде всего, перед правоохранительными органами в частности. Например, данные задачи провозглашены в ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011 N3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О полиции», Федеральном законе от 03.04.1995 N40-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О федеральной службе безопасности» или других законах регулирующих деятельность правоохранительных органов. Данные задачи являются важнейшими задачами, стоящими перед правоохранительными органами, поскольку в противном случае теряется сам смысл существования государства и никакое упорядоченное общество не сможет развиваться. А ведь только упорядоченное общество может обеспечить то, что требуется человеку, прежде всего — безопасность.

Таким образом, по итогам статьи можно сделать вывод, что общественная безопасность и общественный порядок являются ключевыми в развитии любого общества. Данные институты обеспечиваются, прежде всего, деятельностью правоохранительных органов. Определенной законодательной недоработкой является отсутствие на законодательном уровне понятие «безопасность», хотя данный термин используется во множестве законодательных актах и соответственно это не позволяет точно определить сущность данного явления, что, например, требуется при формулировке объективной стороны многих преступлений.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2017 N187-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.— 2017.— N31 (Часть I).— ст. 4736.
2. Федеральный закон от 10.12.1995 N196-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ.— 1995.— N50.— ст. 4873.
3. Hayek F. A. Law, legislation and liberty. London: Routledge, 1998. 244 p. P. 36 // Цит.: по: Понкин И. В. Теория государственного управления: содержание понятия «порядок» // Административное право и процесс.— 2016.— N11.— С. 8–10.
4. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.— М.: Азъ Ltd., 2013.— 907 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр.— М.: Оникс, Мир и образование, 2006.— 640 с.
6. Пригожин А. И. Дезорганизация: причины, виды, преодоление.— М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.— 402 с.
7. Советский энциклопедический словарь.— М.: Советская энциклопедия, 1979.— 1600 с.
8. Ткаченко М. А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геэкономическом порядке: Автореф. дис... канд. юрид. наук.— Ростов-на-Дону. 2019.— 28 с.
9. Толковый словарь русского языка. Т. 1 / Под ред. Д. Н. Ушакова.— М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ». 2017.— 736 с.

Односторонний отказ от договора купли-продажи: проблемные аспекты и пути решения

Каркошко Глеб Игоревич, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье раскрывается правовое содержание одностороннего отказа от договора купли-продажи, приведены примеры одностороннего отказа в сфере розничной купли-продажи. Частое применение данного действия является причиной возникновения проблем в правоприменительной практике. Выявленные правовые проблемы требуют путей решения с помощью технико-юридической фиксации данного действия средствами гражданского права. В статье предложены пути решения проблем правоприменения одностороннего отказа при прекращении договора купли-продажи.

Ключевые слова: односторонний отказ, договор купли-продажи, исполнение договора, прекращение договора, розничная купля-продажа.

Отказ как правовая конструкция характерен для многих отраслей права. Сущность отказа заключается в том, что данное действие является правомерным и приводит к прекращению действия договора. В результате совершения отказа субъект договора принимает решение о прекращении процесса реализации положений договора [5, с. 58].

В ходе отказа от реализации договора купли-продажи происходит оценка обстановки, в которой реализуются положения правового договора, выражение отношения субъекта к процессу реализации договора купли-продажи, формулировка вывода о неблагоприятных результатах реализации положений договора купли-продажи.

Отказ от реализации договора купли-продажи А. А. Томтосов называет одним из ключевых элементов договорных правовых отношений, который является гарантией реализации прав сторон договора [4, с. 63]. При заключении договора купли-продажи его стороны должны обеспечить его надлежащее исполнение. Если договор расторгается в процессе одностороннего отказа, то его положения, а также обязательства сторон прекращают свое действие.

Субъекты договора купли-продажи обладают обязательственными правовыми отношениями. Исполнение обязательств регулируется гражданским законодательством.

Положениями ст. 310 Гражданского кодекса РФ устанавливается запрет на односторонний отказ от исполнения обязательств по гражданско-правовому договору [1]. Однако в законодательстве определен ряд ситуаций, которые все же предусматривают возможность расторжения договора купли-продажи одной из сторон.

Наличие такой возможности объясняется наличием определенных оснований, но при этом должны быть соблюдены принципы добросовестности и разумности действий стороны, которая реализует право на односторонний отказ. К. С. Безик определяет, что односторонний отказ от исполнения договора купли-продажи является определенной формой реализации прав, обязанностей, полномочий субъектов договора [3, с. 52].

Односторонний отказ от исполнения договора купли-продажи производится в следующих случаях, которые определены положениями гражданского законодательства:

- отсутствие информации о товаре, которая носит необходимый характер;
- продажа товара при условии того, что покупатель принимает его в срок, который носит определенный характер;
- продажа товара осуществляется дистанционно или согласно определенным образцам;
- оплата товара производится предварительно;
- реализация товара, который является ненадлежащим по своему состоянию и качеству [2, с. 15].

В основной степени, субъектом, который производит односторонний отказ от реализации положений договора купли-продажи, является покупатель. Однако при этом правом одностороннего отказа обладает и продавец. Следует отметить, что одним из проблемных аспектов одностороннего отказа является отсутствие закрепленной в законодательстве формы одностороннего отказа от исполнения договора купли-продажи. Анализ правоприменительной практики позволяет определить, что наиболее частой формой отказа является бездействие, то есть отсутствие совершений конкретных действий со стороны покупателя.

Совершая отказ от положений договора, следует отметить, что сторона договора может не явиться на сделку купли-продажи или не совершить непосредственно сами действия, которые подразумевают под собой осуществление сделки. Также способом проявления одностороннего отказа является отсутствие оплаты товара, согласно сроку, определенному положениями гражданско-правового договора. Такой способ является основанием для одностороннего отказа во многих правовых случаях.

Проблемой реализации одностороннего отказа является отсутствие закрепления в нормах гражданского законодательства способа доведения отказа до конкретной стороны договора купли-продажи. Наиболее распространенным способом является устный способ отказа.

Юридическим следствием одностороннего отказа от осуществления купли-продажи согласно договору является то, что совершение данной процедуры объясняется рассмотрением меры ответственности для нарушителя и способа защиты своих прав для пострадавшей стороны в договоре. Определение правовой сущности одностороннего отказа от выполнения положений договора купли-продажи связано с закреплением в гражданском законодательстве возможности покупателя выдвигать требование о возврате суммы, которая была внесена как оплата за товар в том случае, если продавец в последующем отказался от исполнения обязательства по договору купли-продажи [3, с. 55].

Односторонний отказ от исполнения договора купли-продажи расценивается в правоприменительной практике как право субъектов договора осуществить прекращение на исполнение обязательств в результате проведения оценки реализации положений гражданско-правового договора с точки зрения неблагоприятных последствий или полезности ситуации осуществления купли-продажи [2, с. 16].

Для того, чтобы предотвратить отрицательные последствия реализации права на односторонний отказ от исполнения договора купли-продажи, следует учитывать те проблемные аспекты одностороннего отказа, которые возникают в правоприменительной практике, необходимо совершенствование норм гражданского законодательства по отношению к закреплению формы, а также условий от реализации исследуемого вида отказов.

Анализ судебной практики позволяет определить, что проблемы, связанные с односторонним отказом,

в большей степени возникают по отношению к поставке товаров для государственных и муниципальных нужд, то есть характерны для сферы государственных и муниципальных закупок [2, с. 15]. Поэтому в качестве проблемы следует определить злоупотребление государственными и муниципальными заказчиками прав, связанных с осуществлением одностороннего отказа, что может стать причиной появления вреда интересам сторон договора купли-продажи.

На современном этапе развития гражданского законодательства субъекты договора купли-продажи осуществляют решение правоприменительных проблем с помощью четкого определения оснований и условий одностороннего отказа в положениях гражданско-правового договора. Определение такого содержания договора купли-продажи предусматривает наличие гарантии интересов субъектов договора купли-продажи.

В соответствии с определенными выше положениям путями решения проблем правоприменительной практики, связанной с осуществлением одностороннего отказа от реализации условий договора купли-продажи может стать ограничение правоприменительной практики одностороннего отказа от исполнения договора купли-продажи. В связи с чем целесообразно осуществление поправок в гражданское законодательство, связанных с ограничением прав стороны договора купли-продажи на односторонний отказ. Примером такого ограничения может стать введение обязательного обоснования необходимости применения одностороннего отказа от договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Форма договора розничной купли-продажи: анализ законодательства и правоприменительной практики // Нотариус. — 2022. — № 8. — С. 14–17.
3. Безик К. С. Исключения из принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства // Вопросы гражданского права. — 2020. — № 2 (2). — С. 52–56.
4. Томтосов А. А. Цена гражданско-правового договора: монография. — М.: Юстицинформ, 2023. — 208 с.
5. Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. Правовая природа платы за односторонний отказ от исполнения обязательства // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 9. — С. 57–65.

Основные правовые положения договора купли-продажи

Каркошко Глеб Игоревич, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье приведен анализ ключевых положений договора купли-продажи как гражданско-правового договора. Договор обладает определенными характеристиками, которые позволяют расценить его как основной документ, регулирующий процесс возникновения правовых отношений между продавцом и покупателем. Основными процессами, связанными с содержанием договора купли-продажи, которые являются проблемными аспектами, являются изменение и прекращение договора.

Ключевые слова: договор купли-продажи, правовые положения, гражданское законодательство, изменение договора, прекращение договора.

Договор купли-продажи как гражданско-правовой договор регулируется положениями статьи 454 Гражданского кодекса РФ [1]. Согласно данному договору, документ предполагает наличие двух сторон — продавца и покупателя. Обязательство продавца заключается в передаче товара покупателю, а обязанность покупателя определялась как осуществление оплаты за товар.

Правовыми характеристиками договора купли-продажи являются возмездность, двусторонний характер обязательств, предусмотренный положениями договора, срочность, консенсуальность. В качестве сторон договора купли-продажи следует выделить любых участников гражданско-правовых отношений.

М. М. Килабов определяет, что договор купли-продажи является одновременно вариантом, формой и видом взаимодействия субъектов договорных отношений — продавца и покупателя [4, с. 356]. Р. С. Бевзенко отмечает обеспечительную конструкцию договора купли-продажи, обосновывая это наличием у покупателя обязательства по приобретению товара по стоимости, которая заранее определяется субъектами договора [2, с. 44]. Л. В. Сперанская рассматривает договор купли-продажи как определенную юридическую форму, которая позволяет осуществить перемещение конкретного материального объекта от продавца к покупателю [6]. Юридическое значение договора купли-продажи можно обосновать тем, что в процессе его реализации происходит передача права собственности от одной стороны договора к другой. Основными видами формы договора купли-продаж в юридической практике являются устная форма, простая письменная форма, нотариально заверенная форма [7, с. 28].

В качестве сторон договора купли-продажи следует отметить сторону продавца и сторону покупателя.

Продавцом выступает собственник имущества или лицо, которое имеет право на распоряжение собственностью. Покупателем может быть любое лицо, являющееся дееспособным [3]. Согласно положениям гражданского законодательства, продавцом является лицо, только при условии наличия права собственности или иного права вещного характера.

Продавцом могут выступить физические лица, юридические лица, а также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования [5]. Обязанности продавца, определенные положениями договора купли-продажи, заключаются в передаче товара покупателю, совпадающего по количеству, ассортименту, качеству, комплектности и упаковке с положениями, указанными в договоре-купли-продажи, а также передаче сопутствующих документов к товару. Обязанность покупателя, согласно содержанию договора купли-продажи заключается в принятии переданного товара, внесении

за него оплаты (в том числе и предварительной, если это указано в договоре), извещении продавца в случае нарушения положений договора.

Следует отметить, что такие положения договора, как основания его изменения и расторжения являются проблемными. Согласно точке зрения С. С. Чекулаева изменение договора купли-продажи представляет собой определенные действия, которые приводят к изменению содержания данного правового документа, и как следствие, служат основой изменения договорных обязательств [7, с. 29]. Изменяющие положения договора напрямую связаны с изменением будущих правовых отношений, которые возникают между сторонами.

Расторжением договора является определенное действие, наступление которого означает прекращение договорных обязательств. В юридической практике выделяют определенные группы оснований, согласно которым может наступить изменение или расторжение договора купли-продажи. В качестве материальных оснований могут выступать определенного рода жизненные обстоятельства, которые предполагают возникновение потребностей в изменении или прекращении договорных отношений между продавцом и покупателем.

Юридические основания, как правило, обоснованы или обращением к нормам законодательства, которые позволяют осуществить процедуру изменения или расторжения договора или наличием определенных волевых действий со стороны вышестоящего лица, которые также ведут к осуществлению вышеназванных процедур [3].

В случае прекращения договора купли-продажи, проблемным аспектом является односторонний отказ от реализации договорных обязательств, поскольку данный правовой институт не всегда предполагает четкое определение оснований отказа одной из сторон договора от исполнения своих обязательств. Поэтому для предотвращения возникновения проблем в правоприменительной практике, следует четко определить в содержании самого договора правовые основания, при наступлении которых у одной из сторон — продавца или покупателя возникнет право отказаться от исполнения обязательств договора в одностороннем порядке.

Таким образом, основными правовыми положениями договора купли-продажи являются наличие двух сторон — продавца и покупателя, их прав и обязанностей по отношению друг к другу, возмездность, двусторонний характер обязательств, срочность, консенсуальность.

Основными видами формы договора купли-продажи являются устная форма, простая письменная форма, нотариально заверенная форма.

Основания изменения и расторжения договора являются проблемными аспектами в юридической практике.

Поэтому в содержании самого договора купли-продажи следует четко указывать основания, по которым содер-

жание договора может быть изменено или прекращено, в том числе и с помощью одностороннего отказа.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Бевзенко, Р.С. Очерк теории титульного обеспечения / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. — 2021. — № 2. — С. 9–87.
3. Безлепкина, Г.А. Формы и содержание договора купли-продажи недвижимого имущества / Г.А. Безлепкина // Наука, образование и культура. — 2019. — № 10 (44). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-soderzhanie-dogovora-kupli-prodazhi-nedvizhimogo-imuschestva> (дата обращения: 22.04.2024).
4. Килабов, М.М. Договор купли-продажи, его виды и их общая характеристика / М.М. Килабов // Молодой ученый. — 2020. — № 7 (141). — С. 355–357.
5. Макаров, М.И. Договор купли-продажи и его участники / М.И. Макаров // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2020. — № 23. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-kupli-prodazhi-i-ego-uchastniki> (дата обращения: 22.04.2024).
6. Сперанская, Л.В. Существенные условия договора купли-продажи / Л.В. Сперанская // СПС Консультант-Плюс. — 2023.
7. Чекулаев, С.С. Основания и порядок изменения и расторжения договора купли-продажи / С.С. Чекулаев, А.В. Драчев // Право: современные тенденции: материалы V Международной научной конференции. — Краснодар: Новация, 2018. — С. 28–29.

Гектар для жизни и предпринимательских инициатив

Киселева Екатерина Ивановна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Исторически Россия считается страной аграрной. По данным Федеральной службы государственной статистики площадь сельскохозяйственных угодий по итогам 2022 года составила 193 691 тыс. га [1]. Согласно данным Государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2023 г., подготовленного Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии, земли сельскохозяйственного назначения составляют 374 967,5 тыс. га или 21,8% земельного фонда Российской Федерации [2].

Плотность населения и, соответственно, процент освоения земельных участков на территории Российской Федерации исторически распределены неравномерно. При высокой плотности в регионах Центральной России земли Дальнего Востока и Сибири остаются малонаселенными и, как следствие, недостаточно освоенными. С целью сглаживания этой диспропорции, а также сокращения оттока населения, улучшения демографической ситуации и, как следствие, стимулирования экономики региона, во исполнение поручений, данных Президентом РФ В.В. Путиным, 1 мая 2016 г. вступил в силу Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав

Дальневосточного федерального округа (ДФО), и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], положивший начало реализации федеральной программы «Дальневосточный гектар».

В качестве целей реализации программы было определено создание и внедрение в действие механизма по упрощенному порядку представления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, гражданам в собственность, освоение свободных территорий, рост экономической активности граждан, активизация трудовых отношений, снижение оттока местного населения, привлечение новых жителей в регион.

Программа внедрялась поэтапно. Изначально, с 1 июня 2016 года, землю могли оформить только жители Дальнего Востока в одном из девяти муниципальных районов. С 1 октября 2016 г. программа стала доступна всем жителям Дальнего Востока в рамках своего субъекта проживания. С 1 февраля 2017 г. программа стала общедоступной для всех жителей страны. С 28 марта 2019 г. действие программы распространилось также на участников Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. С 1 августа 2021 г. реализация программы вышла на новый качественный

уровень — любой житель арктической зоны получил возможность оформить землю в собственность на территории Арктики. Наконец, с 1 февраля 2022 г. каждый житель России получил возможность оформить не только дальневосточный, но и арктический гектар.

В действующей редакции Федерального закона от 01.05.2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, являющиеся участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей, совместно переселяющимся на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, могут оформить в собственность земельные участки площадью 1 га или менее (в случае оформления письменного согласия), находящиеся на территориях 18 субъектов Российской Федерации, в том числе: Республики Бурятия, Карелия, Коми, Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа.

В целом, реализация программы запланирована на период до 2040 года (в соответствии с требованиями законодательства подать заявление на получение участка можно будет до 2035 года). С начала реализации программы прошло чуть менее десяти лет. Отрезок времени недостаточно велик для того, чтобы делать выводы об успехе или неудаче в реализации программы, однако достаточен для того, чтобы оценить перспективы развития региона с учетом реализуемых нововведений и понять общие тенденции использования предоставляемых земельных участках. В соответствии со статьей 8 вышеназванного Федерального закона от 01.05.2016 г. № 119-ФЗ предоставляемый гражданину земельный участок может использоваться для осуществления любой не запрещенной законом деятельности с соблюдением условий и ограничений, описанных в вышеуказанной статье.

Как показывает практика, чаще всего участки используются для индивидуального жилищного строительства, строительства дачи, ведения фермерского хозяйства, создания туристических продуктов, ведения производственной и иной предпринимательской деятельности. По данным Росреестра, с момента запуска программ «Дальневосточный гектар», «Арктический гектар» предоставлено более 110,5 земельных участков в субъектах действия программ [6].

Для участников программы предусмотрены разнообразные меры поддержки. Так, сервис Мой дом предлагает готовые решения для строительства дома с минималь-

ными усилиями со стороны заказчика в сжатые сроки [5]. Программа Дальневосточная ипотека позволяет оформить ипотеку под льготные 2% у одного из банков-партнеров программы. По данным Росреестра, с начала действия программы «Дальневосточная ипотека» по 5 июля 2024 г. зарегистрированы договора ипотеки в отношении 93 593 объектов недвижимости; по программе «Арктическая ипотека» (действует с декабря 2023 г.) зарегистрировано 3 825 договоров ипотеки [6].

Для граждан, желающих организовать на гектаре сельское хозяйство, предусмотрен разносторонний комплекс мер поддержки. Например, грант «Агростартап» позволяет получить до 8 млн руб. на развитие хозяйства по разведению крупного рогатого скота (мясного или молочного направлений продуктивности). Грант на развитие семейной фермы позволяет получить до 30 млн руб. крестьянско-фермерским хозяйствам и индивидуальным предпринимателям, зарегистрированным в сельской местности. Предусмотрены гранты и субсидии для сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

Для категории граждан, которые намерены осваивать гектар в предпринимательских целях, предусмотрена как информационно-образовательная (Школа гектарщика), так и финансовая поддержка (единовременная финансовая помощь безработным гражданам при их регистрации в качестве юридического лица, индивидуального предпринимателя, крестьянско-фермерского хозяйства, поддержка начинающих предпринимателей в части организации и развития предпринимательской деятельности, а также иные меры поддержки и содействия).

На протяжении срока действия программ «Дальневосточный гектар», «Арктический гектар» количественно и качественно наполняется комплекс мер по поддержке участников программы, совершенствуется информационное наполнение и консультационная поддержка получателей земельных участков.

О востребованности программы можно судить по многообразию видов предпринимательской деятельности, осуществляемых на осваиваемых гектарах. Впечатляет не только география, но и виды предпринимательских инициатив, реализуемых на полученных в ведение землях: Конно-туристический клуб в Камчатском крае, туристический комплекс в японском стиле в Сахалинской области, туристическая база «Лесная школа», дающая возможность погрузиться в изучение Уссурийской тайги в Приморском крае; построенная на скалах турбаза «Пинежье» в Амурской области; остров для проведения Робинзонады в Хабаровском крае; школа английского языка в Республике Саха; семейная винодельня в Приморском крае; выращивание иван-чая в Камчатском крае; цех по очистке и розливу питьевой воды в Республике Саха; изготовление банных веников в Приморском крае; производственная площадка по заготовлению древесного угля в Амурской области; выращивание экологически чистой клубники в Амурской области. Это далеко неполный список историй успешного освоения Дальневосточного

и Арктического гектаров, который пополняется с каждым годом, что дает основание сделать вывод о том, что программа работает.

Опыт реализации программы продолжительностью в восемь лет приводит также к другому выводу, который подкреплен в том числе историческими событиями, имевшими место ранее (реформа об отмене крепостного права в России, аграрная реформа П. А. Столыпина), а именно.

Любое преобразование социально-экономической направленности, в том числе имеющее своей целью обеспечение новых владельцев земельными наделами, должно быть подкреплено единством трех составляющих, «трех китов», образующих основу, дающую импульс успешности нововведения.

Первое — это нормативно-правовая база, подробно регламентирующая все процессы от порядка подачи за-

явления для получения земельного участка до нюансов его использования. Второе — создание обширной инфраструктуры, обеспечивающей претворение проекта в жизнь: дорожно-транспортной, инженерной, социальной, экономической. Третье — финансирование программы в порядке и размере, достаточных для реализации на практике поставленных задач.

Описанные выше составляющие взаимно дополняют друг друга и обеспечивают синергетический эффект, которого нельзя достигнуть при реализации мер, относящихся только к одному направлению.

Таким образом, целесообразно предположить, что эффективность сегодняшних мер по освоению территорий Дальнего Востока и Арктики во многом будет зависеть от того, насколько будет соблюдаться единство описанных направлений и инструментов регулирования.

Литература:

1. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sel_xoz-vo_2023.pdf (таб. 3.1).
2. https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/Doc_Nation_report_2023.pdf, стр. 10.
3. Федеральный закон от 1 мая 2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.12.2016).
4. Федеральный закон от 1 мая 2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024).
5. <https://освойгектар.рф/myhome>
6. <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rosreestr-podvyel-promezhutochnye-itogi/>

Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел о причинении вреда здоровью личности: проблемы квалификации и поддержания государственного обвинения

Лаврухина Виктория Николаевна, студент
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Ключевые слова: прокурор; уголовные дела, причинение вреда здоровью, уголовно-процессуальный кодекс, квалификация преступлений, судебное разбирательство, доказательства, прокурорские ходатайства.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации защиту жизни и здоровья граждан гарантирует государство, такое право является важнейшим, естественным и неотчуждаемым правом гражданина. Федеральный закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» фиксирует ряд задач, и одной такой важнейшей задачей, которая осуществляется прокуратурой Российской Федерации, является участие государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве. Прокуратура является единой федеральной централизованной

системой органов, осуществляющих надзор от имени Российской Федерации за исполнением действующих на ее территории законов.

Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РФ) разъясняет, что прокурор участвует в рассмотрении судами уголовных дел о причинении вреда здоровью личности. При направлении дела в суд и рассмотрении судом дела, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя по защите прав и законных интересов граждан, а также следит за надлежащим исполнением законодательства Рос-

сийской Федерации в порядке рассмотрения уголовных дел.

Государственный обвинитель в ходе рассмотрения уголовного дела о причинении вреда здоровью личности обязан:

- участвовать на этапе предварительного слушания, а также принимать участие в стадии при назначении судебного заседания;
- регулировать законность и обоснованность решений по уголовным делам, связанных с причинением вреда здоровью в ходе судебного заседания;
- за незаконные и необоснованные приговоры, определения и постановления вносить представления;
- принимать участие в заседании судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанции;
- принимать участие в пересмотре уголовных дел в результате новых и вновь открывшихся обстоятельствах.

Как в любом рассмотрении дел, существуют проблемы квалификации государственного обвинения. Безусловно, на мой взгляд, многие правовые последствия зависят от конкретики и правильной классификации преступлений. Боровиков В. Б., изучив судебную-следственную практику, объясняет нам, что «существуют проблемы в разграничении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью от других сопутствующих преступлений, а именно покушения на убийство, самого убийства, а также причинения смерти по неосторожности. Это создает определенные трудности в квалификации преступлений» [6] причинения вреда здоровью. Тем и объясняется проблема правильного разрешения уголовных преступлений.

Государственный обвинитель участвует в рассмотрении судами уголовных дел о причинении вреда здоровью личности, поддерживает обвинение, которое зафиксировано в ст. 246 УПК РФ: «Прокурор участвует в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, а также при разбирательстве уголовного дела частного обвинения. Государственное обвинение могут поддерживать несколько прокуроров. Если в ходе судебного разбирательства обнаружится невозможность дальнейшего участия прокурора, то он может быть заменен. Замена прокурора не влечет за собой повторения действий, которые к тому времени были совершены в ходе судебного разбирательства. По ходатайству прокурора суд может повторить допросы свидетелей, потерпевших, экспертов либо иные судебные действия. Государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания. Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Прекращение уголовного дела

ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения, равно как и изменение им обвинения, не препятствует последующему предъявлению и рассмотрению гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства» [3].

Государственное обвинение всегда исходит из доказательств, собранных при проведении расследования уголовного дела, ходатайства прокурора позволяют собрать и пересмотреть обстоятельства уголовного дела, что помогает более полно раскрыть уголовное дело и позволяет вынести справедливое решение.

В практике рассмотрения уголовных дел рассмотрим такое явление, как проверка законности возбужденного уголовного дела, это формальность. Чаще всего, судья не оценивает уголовно-правовую квалификацию преступления, а вернее не вникает в её оценку, именно поэтому на досудебном производстве происходит проверка и расследование дела органами прокуратуры. Этот подход приводит к судебным ошибкам, что обусловлено вынесением не верного приговора по уголовному делу.

Следует отметить, что нарушение принципов законности и справедливости недопустимо в уголовном судопроизводстве, а к этому может привести неправильная квалификация совершенного преступления. Считается, что главной задачей прокурора является правильная квалификация преступления.

Поддержание государственного обвинения в рассмотрении уголовного дела по причинению вреда здоровью может происходить несколькими прокурорами. В момент судебного разбирательства обвинитель может обратиться материалы уголовного дела в стадию прекращения судебного разбирательства. При этом собранные доказательства по материалу уголовного дела не подтверждают и на этом этапе уголовное преследование прекращается. В ходе сбора данных, руководствуясь законом, прокурор может привлечь к делу материалы, которые являются смягчающими обстоятельствами уголовного дела или отягчающими обстоятельствами уголовного дела. Выступления прокурора в суде показывают степень общественной опасности подсудимого, обвинитель излагает фактического обстоятельство причинения вреда здоровью личности и на основе этого даёт оценку представленным доказательствам, которые рассматриваются в суде.

Из судебной практики исходит, что прокуроры нечасто используют право отказа от обвинения в судебном разбирательстве, на эту тему можно поспорить. Поскольку во многих литературных источниках авторы пишут, что прокуроры используют прекращение уголовного разбирательства, или по-другому «право отказа» часто, а порой и очень часто. Для того, чтобы в этом разобраться рассмотрим решение по уголовным делам и сделаем общий вывод, часто или нет государственные обвинители используют право отказа от рассмотрения и прекращать уголовное преследование.

Итак, на сайте «Росправосудие», по Новосибирской области предложено 7 120 решений по уголовным делам, по запросу «отказ от обвинения». Если исправить данные

в строке поиска и установить: «уголовное дело ПРЕКРАЩЕНО». На основании части 7 статьи 246 УПК РФ, то есть отказ государственного обвинителя влечет прекращение уголовного дела и уголовного преследования, то в целом получается 30 решений по уголовным делам за пять последних лет. В результате, из 30 решений всего одно преступление связано с раскаянием и одно связано с отсутствием состава преступления, а также одно связано с отказом государственного обвинителя от обвинения. Противоречивые позиции судебной практики и литературных источников носят обоснованный характер и вовсе дело не в статистике.

Эффективность процессуального механизма, который направлен на устранение ошибок, допущенных на этапе предварительного расследования, зависит от доведения расследования преступления до логического окончания, то есть разрешения уголовного дела.

В Конституции РФ написано, что «вина любого человека должна быть доказана, что прямо закреплено в действующем законодательстве Российской Федерации. В соответствии со статьей 49 Конституции Российской Федерации каждый, кому предъявлено обвинение, считается невиновным, пока иное не будет доказано с соблюдением требований закона» [1]. Прокурор участвует в рассмотрении дел и доказывает виновность или невиновность обвиняемого, действует строго в рамках закона и представляет интересы государства, то есть является государственным обвинителем.

И. Д. Перлов в своём труде писал, что: «Поддержание обвинения в суде означает, что прокурор представил суду на его рассмотрение дело, расследованное под его руководством, что он, будучи сам убежденным в виновности подсудимого, пришел в суд для того, чтобы убедить в этом судей, разбирающих дело, чтобы в суде доказать эту виновность и добиться этим самым вынесения судом законного и обоснованного приговора» [5].

Большинство учёных говорят, что осознание угрозы жизни и предвидение к смерти считаются разными выражениями. Однако отношения виновного к содеянному одинаковые. Выходит, обвиняемый предвидит факт смерти, а это далеко не так, причём во многих случаях смерть наступает не в момент совершения преступления, а через достаточное количество времени и даже не по вине обвиняемого. Поэтому, ещё одной главной задачей государственного обвинителя является полное и детальное расследование преступления со всех сторон, для общей оценки произошедшего.

Основной проблемой участия прокурора в суде является неверное представление сути обвинения. Такую проблему можно решить при помощи расширения процес-

суальной самостоятельности, посредством выдачи копий обвинительного заключения присяжным заседателям, чтобы они могли детально ознакомиться с обвинением. Государственному обвинителю важно правильно квалифицировать дело, принять справедливое и верное решение, прийти к тому, когда обстоятельства дела станут простыми и ясны каждому участнику судебного разбирательства.

На сегодняшний день прокурор является главной фигурой уголовного судопроизводства и выражает мнение по расследуемым вопросам, в рамках судебного следствия. Он представляет сторону обвинения. Проблемы, которые порождаются характером деятельности решаемы, поскольку одним из путей решения данной проблемы, возможность внесения поправок в российское законодательство. Уточнение процессуальной формы отказа от обвинения или расширение процессуального положения присяжных заседателей скажется благоприятно на уголовном судопроизводстве, а конкретно на деятельности прокурора, потому что стоит надеяться, что практика привлечения присяжных заседателей подойдёт к общению и введению нового постановления Пленума.

Проанализировав действующий уголовно — процессуальный кодекс, я квалифицировала деятельность прокурора по рассмотрению дел в суде связанных с причинением вреда здоровью и рассматривала поддержание государственного обвинения, согласно властным полномочиям. Таким образом, государственный обвинитель — это должностное лицо прокуратуры Российской Федерации, который ведёт надзор за исполнением законов и поддерживает интересы граждан, однако, статус государственного обвинителя, нуждается в дополнении и изменении. Так как на прокурорах лежит большая ответственность, значит и прокурор должен соответствовать определённым требованиям, которые предъявляются как общественным мнением, базирующимся на общепринятых нормах морали, так и нормами права, закреплением их в нормативных правовых актах, таких как Уголовно-процессуальный кодекс и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Подводя работу к логическому завершению, следует сделать вывод о том, что для соблюдения законности при рассмотрении дела, уменьшения количества ошибок квалификации деяния на государственного обвинителя нужно возложить, в качестве дополнения к его деятельности, обязанности предоставления мотивированного письменного заключения по существу ходатайства. Это приведёт к тому, что прокурор более детально будет изучать материалы уголовного дела и приводить качественные и обоснованные аргументы, которые снизят количество допускаемых ошибок.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993] (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 2020. — № 144.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: [Принят Государственной Думой 24 мая 1996 года; Одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 15.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 246.
4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. №1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»
5. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в ред. от 17.01.1992 с изм. и доп. от 13.06.2023 N2202-1 — ФЗ
6. Боровиков В. Б. Уголовное право. Общая и особенная части. Практикум. Учебное пособие. — М.: Юрайт. 2019. — с. 35
7. Якушева С. Е., Желокhov Н. В. О нравственных началах прокурорской деятельности // С. Е. Якушева / Вестник СГЮА. — 2020. — № 1 (132). — С. 198–207.

Понятие и статус должностного лица в административном праве Российской Федерации

Лазарева Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В данной статье проводится детальное исследование правового статуса должностного лица в контексте административного законодательства Российской Федерации. Должностными лицами являются не только государственные и муниципальные служащие, но и представители частных структур, которые обладают определёнными властными полномочиями. В исследовании рассматривается расширенная трактовка термина «должностное лицо», используемая в различных правовых актах, что подчёркивает отсутствие унифицированного подхода к его определению на федеральном уровне. Большое внимание автор уделяет статусу должностного лица в административном праве, а также его основным правам и обязанностям.

Ключевые слова: должностное лицо, административное право, статус, государственный служащий, законодательство.

The concept of and the status of an official in administrative law Russian Federation

This article provides a detailed study of the legal status of an official in the context of the administrative legislation of the Russian Federation. Officials are not only state and municipal employees, but also representatives of private structures who have certain powers. The study examines an expanded interpretation of the term «official» used in various legal acts, which highlights the lack of a unified approach to its definition at the federal level. The author pays great attention to the status of a proper person in administrative law, as well as his basic rights and duties.

Keywords: official, administrative law, status, civil servant, legislation.

В административном законодательстве предоставляется расширенное определение термина «должностное лицо», которое не ограничивается правовым статусом государственных служащих.

Таким образом, в рамках административного права под должностным лицом понимается лицо, наделённое властными полномочиями, которые определены законодательством, и действующее от имени соответствующего государственного или муниципального органа.

По мнению А. В. Бриллиантова [4, с. 45] и Е. Ю. Четвертаковой, статус должностного лица присваивается тем служащим, которые представляют интересы государственных или муниципальных органов власти и реализуют управленческие или властные функции в рамках установленной компетенции.

Согласно примечанию к статье 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1], субъектами административной ответственности могут

выступать должностные лица, к которым относятся представители власти, а также лица, выполняющие организационные или административно-хозяйственные функции в государственных ведомствах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооружённых Силах Российской Федерации и иных военных формированиях.

В п. 1 ст. 285 УК РФ [2] сказано, что должностными лицами считаются лица, которые осуществляют представительские, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных и муниципальных органах, учреждениях и организациях с государственным участием, включая военные формирования.

В нормативно-правовой практике термин «должностное лицо» применяется достаточно широко, но при этом нет единого принятого определения, которое бы использовалась во всех отраслях права. Из-за этого может возникнуть ряд проблем по выделению основных черт и признаков, которые присущи должностному лицу.

На протяжении нескольких десятилетий в научной литературе подчеркивалась важность разработки унифицированного определения должностного лица, применимого ко всем отраслям права. Данный вопрос главным образом исследовался в контексте административного права, поскольку должностные лица обычно рассматриваются как тип государственных служащих, чья деятельность регулируется нормами АК РФ.

В научной литературе по административному праву РСФСР к должностным лицам относятся как государственные служащие, так и сотрудники общественных организаций, обладающие государственно-властными полномочиями, необходимыми для осуществления юридически значимых действий, таких как издание нормативно-правовых актов и осуществление кадрового управления. Данный подход определения должностного лица продолжает применяться и в настоящее время, демонстрируя последовательность и преемственность в развитии законодательной практики [5, с. 71].

На современном этапе должностное лицо определяется как субъект, представляющий государственный орган либо орган местного самоуправления, наделенный организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями. В пределах своих компетенций оно осуществляет деятельность от имени указанных органов, исполняя функции, связанные с контролем, надзором и применением мер принуждения.

Таким образом, несмотря на широкое использование термина «должностное лицо», законодательство не дает ему однозначного определения, что затрудняет его единое применение во всех отраслях права. Научная литература неоднократно акцентировала необходимость разработки унифицированного определения должностного лица, поскольку его текущие формулировки и трактовки варьируются в зависимости от контекста и сферы применения.

В результате, роль и обязанности должностного лица используются для обозначения представителей власти и тех, кто выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в различных учреждениях и организациях, отражая преемственность законодательного подхода, восходящего к советскому периоду.

Система управления в государственных институтах организована на основе четко регламентированной иерархической структуры, в которой центральную роль занимают публичные должностные лица. Эти лица несут ответственность перед вышестоящими органами, обеспечивая тем самым вертикаль власти и эффективность административных процессов. Классификация должностных лиц в соответствии с их обязанностями подчеркивает разнообразие статусов и полномочий, которые зависят от специфики выполняемой работы и уровня ответственности [7, с. 354].

Для должностных лиц выделяют четыре статуса:

- общий;
- публичный служащий;
- специальный правовой;
- конкретный правовой.

Общий гражданско-правовой статус наделяет индивидов специфическим набором прав и обязанностей, характерных для гражданского статуса. Публичный статус характеризует должностное лицо, как индивидуума выполняющего властные полномочия от лица государственной или муниципальной власти. Специальный правовой статус определяет правовое положение лица в конкретной должности, что устанавливается нормативными актами, регулирующими данную сферу деятельности. По мнению Д.Ю. Русалова, данный статус представляет собой индивидуальное правовое положение личности, акцентируя особенности и специфику правового регулирования труда служащих. [6, с. 200].

Правовой статус должностного лица определяется законами и включает дополнительные права и обязанности для выполнения служебных функций, а также устанавливает границы ответственности. Основные элементы правового статуса: правоспособность, полномочия, функции, права, обязанности, гарантии и ответственность, включая правовые требования, условия, запреты и стимулы.

Административный и правовой статус государственного гражданского служащего в РФ представляет собой совокупность прав и обязанностей, предоставленных и возложенных на него. Анализ основных особенностей этого статуса способствует унификации и систематизации разнообразных правовых положений в различных источниках, что важно для их нормативного закрепления [5, с. 73].

Административно-правовое положение государственных служащих в РФ определяется совокупностью их гражданских и должностных прав и обязанностей. Законодательство налагает определенные ограничения на

их права: служащие не могут быть депутатами различных уровней, принимать награды от иностранных государств без разрешения Президента РФ, участвовать в забастовках.

Таким образом, законодательство может предусматривать ограничение гражданских прав и свобод государственных служащих в случаях, когда это необходимо для обеспечения эффективного функционирования государственных органов.

Административно-правовой статус государственного гражданского служащего указывает на его роль в системе социального разделения труда и определяет границы его деятельности в отношении других лиц.

В заключение стоит отметить, что административное законодательство России широко трактует термин «должностное лицо», охватывая как госслужащих, так и работников частных фирм с властными полномочиями. Однако отсутствие четкого определения затрудняет его применение. Исторически этот термин относился к государственно-властным функциям, указывая на необходимость единого подхода для правоприменения. Правовой статус должностных лиц включает их права и обязанности, при этом некоторые гражданские права и свободы могут быть ограничены, если это необходимо для эффективного функционирования государственных органов.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1, ч. 1. — Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
3. Агапов А. Б. Административная ответственность: Учебник. М.: Юрайт 2020. 483с.
4. Бриллиантов А. В. Должностное лицо в уголовном законодательстве России и зарубежных стран. М.: Проспект, 2014. 192 с.
5. Корбутова О. М. Понятие административно-правового статуса и применение его к должностному лицу // Инновационная наука. 2021. № 1. С. 70–78.
6. Русалова Д. Ю. Понятие должностного лица в административном праве // Современные научные исследования и разработки. 2021. № 4. С. 200–210.
7. Тишкина М. В. Исторические аспекты понятия должностного лица в российском уголовном законодательстве // Молодой ученый. 2017. № 21. С. 354–358.

Достоинство личности как нематериальное благо в гражданском праве (статья 21 Конституции России)

Максимова Александра Викторовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Боер Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье подробно разбирается понятие достоинства личности как одной из основных конституционных гарантий и прав каждого гражданина России. Автор обращает внимание на два аспекта рассмотрения достоинства: как конституционного принципа, лежащего в основе отношений между человеком и государством, и как субъективного права, предполагающего оценку субъектом своих моральных и интеллектуальных качеств.

Стоит учесть, что граждане имеют право требовать компенсацию морального вреда, возмещение ущерба и защиту своего достоинства через суд. Автор статьи подчеркивает, что защита достоинства человека отражает его права и свободы, признание обществом его социальной ценности. Обеспечение достоинства является основным принципом и целью государственных законов, как гражданского кодекса, так и Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: достоинство личности, Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, защита достоинства, права человека, свобода, моральный вред, компенсация, уважение, честь, репутация, СМИ, юридическая защита, государство.

Охрана достоинства личности предусматривается как Гражданским кодексом РФ, так и Конституцией РФ.

Существует два аспекта для рассмотрения достоинства личности. С одной стороны — это один из важнейших конституционных принципов, лежащих в основе право-

вого статуса личности, регулирующие взаимоотношения человека и государства [2].

С другой стороны, достоинство личности является субъективным правом человека. Оно предполагает за собой оценку субъектом своих моральных и интеллекту-

альных качеств. Государство защищает достоинство личности от рождения до смерти вне зависимости от обстоятельств. Человек может защищать свои права любым незапрещенным способом, в том числе оспаривать решения и действия государств в лице его органов.

Конституцией гарантируется защита от пыток, насилия, иной жестокости или унижения человеческого достоинства. Никто не может без согласия подвергаться медицинским, научным или иным опытам [3].

Граждане также вправе требовать от редакции средств массовой информации опровержения статьей, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан (статья 43 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации») [4].

Гражданский кодекс РФ содержит механизмы защиты достоинства личности. Гражданин вправе через суд требовать опровержения порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию сведений, если распространитель не докажет то, что сведения соответствуют действительности. Также, гражданин вправе требовать возмещения ущерба и морального вреда, причиненного распространением (статья 152 ГК РФ) [6].

При реформировании жизни российского общества обеспечение достоинства граждан становится затруднительным [2]. Сложность состоит в том, что граждане не осознают неделимость прав и свобод, а также отсутствует понимание, что существенным в содержании права является свобода, реализация достоинства возможны, когда защищены права и свобода личности.

«Достоинство личности,— пишет В. Морозов,— осознание личностью своего общественного значения, права на общественное уважение, основано на признании обществом социальной ценности человека».

Осознание собственного достоинства выступает формой самоконтроля человека, на которой основывается требование личности к себе. Достоинство выступает как понятие о ценности человека в виде морального отношения индивида к себе и социуму.

Достоинство человека является выражением его личной ценности, нравственное, справедливое отношение к себе, желание заслужить уважение других людей и потребность почитать других индивидов [1].

«Наиболее важно то,— пишет С.С. Алексеев,— что именно право гарантирует такую реализацию свободы людей в практической жизни, которая способна обогатить ее достоинством разума и отсесть произвол, своеволие, безумие неконтролируемой стихии субъективного».

Объем свободы ограничивается предписанием закона. Однако на любом уровне право на достоинство является основной целью прав и свобод. Обеспечение достоинства человека отражает его права и свободы человека, признание обществом социальной ценности. Если право надлежащим образом защищено, то это опора правого государства. В российской Конституции закрепляется, что «достоинство личности охраняется государством; ничто не может быть основанием для его умаления». В соответствии с указанной статьей «никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному, либо унижающему его достоинство обращению или наказанию».

Достоинство человека определяется как «осознание самим человеком и окружающими факта обладания им определенными нравственными и интеллектуальными качествами. Достоинство личности определяется не только самооценкой субъекта, но и совокупностью объективных качеств человека, характеризующих его репутацию в обществе (благополучие, нравственные данные, уровень знаний, обладание социально полезными навыками, достойный образ жизни [5].

Так, если лицу причинен моральный вред действиями, нарушающими его личные права, он вправе возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации, а также, допускается защита достоинства после смерти гражданина.

В Конституции России подчеркивается, что право на свободу есть не что иное, как сама свобода, т.е. возможность совершать любые правомерные действия. Представляется, что в этом праве заложено ограничение для свободы других людей и особенно должностных лиц, обладающих возможностью применения принуждения к людям. Заметим, что в неразрывной связи с этими положениями находится (но не совпадает) личная неприкосновенность человека, которая распространяется на его жизнь, здоровье, честь, достоинство. В этой связи отметим, что согласно Конституции РФ: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность».

Литература:

1. Алексеев С. С. Философия права. М.: Издательство Норма, 1998. 336с.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Отв. ред. Л. А. Окуньков.— 2-е изд., доп. и перераб. М.: БЕК. 1996. 635 с.
3. Федеральный закон Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. (ред. от 08.08.2024) № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 21.11.2011. № 48. Ст. 6724.
4. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 г. (ред. от 11.03.2024) № 42-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
5. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий. Отв. ред. В. А. Четвернин. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда. 1997. 702 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. N32. ст. 3301.

Особенности дел о защите чести, достоинства и деловой репутации

Максимова Александра Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Боер Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В данной статье рассматриваются особенности и проблемы, связанные с судебными спорами о защите чести, достоинства и деловой репутации физических лиц, возникающими в результате распространения порочащих и недостоверных сведений. Автор анализирует специфику защиты нарушенного права, установленную статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, включая требования об удалении или опровержении порочащей информации и компенсацию морального вреда.

Статья также освещает особенности рассмотрения таких споров в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, а также проблемы, связанные с определением подсудности, которые могут возникать в зависимости от субъективного состава сторон, статуса индивидуального предпринимателя и характера порочащих сведений.

Ключевые слова: защита чести, достоинства, деловой репутации, физическое лицо, порочащие сведения, суд общей юрисдикции, арбитражный суд, подсудность, индивидуальный предприниматель, компенсация морального вреда.

К одной из спорных категорий судебных дел относятся споры о защите чести, достоинства и деловой репутации физических лиц по факту распространения о них порочащих и недостоверных сведений.

Данные гражданские споры выделяются особыми способами защиты нарушенного права, которые установлены статьей 152 ГК РФ. К их числу относятся требования об удалении или опровержении порочащей информации, а также компенсация морального вреда [2].

Споры по данной категории дел рассматриваются как в судах общей юрисдикции, в порядке Гражданского процессуального кодекса РФ, а также в арбитражном суде, в порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом РФ. Указанная возможность выступает как причина споров по определению подсудности.

Данные споры связаны с такими обстоятельствами как субъективный состав сторон, наличие у истца статуса индивидуального предпринимателя, а также характер порочащих сведений.

Однако, анализ судебной практики показывает проблемы в нормах материального и процессуального права, а также, в отсутствии компетенции у юристов.

Так, рассмотрим данную ситуацию на конкретном примере. Исковое заявление физлица к другому физлицу было передано для рассмотрения по подсудности в Арбитражный суд г. Москвы. Передавая дело на рассмотрение арбитражного суда, районный суд указал, что заявленные истцом требования вытекают из критической оценки ответчиком деятельности истца в рамках ведения им экономической деятельности, в том числе как руководителя предприятия. Несмотря на то, что дело было принято к производству суда общей юрисдикции с нарушением правил подсудности, ошибка была исправлена передачей дела на рассмотрение арбитражного суда. В АСГМ исковое заявление было рассмотрено по существу [4].

При подготовке искового заявления следует в первую очередь обратить внимание на потерпевшее лицо. Необходимо установить характер нарушения нематериальных

благ, наличие статуса индивидуального предпринимателя, характер деятельности, осуществляемая указанным лицом, касается ли данная информация потенциального истца как физическое лицо или как субъекта предпринимательской деятельности.

Из анализа субъективного состава участников спора о защите чести, достоинства и деловой репутации физического лица следует то, что правовой статус ответчика не влияет на выбор суда, компетентного рассматривать данный спор.

Так, если ответчиком является физическое лицо, распространившее порочащие деловую репутацию юридического лица или индивидуального предпринимателя сведения, спор подлежит рассмотрению в арбитражном суде. Если ответчиком является юридическое лицо, а сведения, порочащие честь в отношении физического лица, рассмотрение дела будет в суде общей юрисдикции [2].

Также, в судах общей юрисдикции могут рассматриваться дела с участием сторон, являющихся юридическими лицами. Так, коллегия адвокатов обратилась в арбитражный суд с иском к интернет-компании о признании не соответствующими действительности и порочащими репутацию истца и адвокатов — членов данного адвокатского образования — текстовых сообщений по-исковой системы. Арбитражный суд прекратил производство по делу, мотивируя тем, что адвокатская деятельность не является предпринимательской, не преследует целей извлечения прибыли, а коллегия адвокатов является некоммерческой организацией, основанной на членстве, действующей на основании учредительного договора. Соответственно, Верховный Суд подтвердил обоснованность выводов арбитражных судов о необходимости рассматривать иски о защите деловой репутации в суде общей юрисдикции в порядке, установленном ГПК РФ.

Статус индивидуального предпринимателя не распространяет на указанный спор компетенцию арбитражного суда, также как и отсутствие статуса не относит спор к компетенции судов общей юрисдикции.

Так, если с иском заявлением обращается физическое лицо о защите деловой репутации, а спорная информация касается его деятельности как акционера (участник хозяйственной деятельности), спор подлежит рассмотрению арбитражного суда, так как спор касается предпринимательской деятельности. В данном случае будет заявлен иск о защите репутации в качестве акционера хозяйственного общества.

Все нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом [1].

Честь, достоинство и деловая репутация — близкие нравственные категории. Честь и достоинство отражают объективную оценку гражданина окружающими, его самооценку. Деловая репутация — это оценка профессиональных качеств гражданина и юридического лица. Таким образом, честь, достоинство и деловая репутация являются самостоятельными нематериальными благами и подлежат защите как вместе, так и отдельно [3].

Только истец определяет право выбора нематериальных благ, в защиту которых подается исковое заявление. Таким образом, физическое лицо, истец, может предъявить исковое заявление о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Также, недопустимо ограничение прав истца по выбору нематериальных благ. Истец вправе заявить иск на защиту чести, достоинства и деловой репутации, и ис-

сковое заявление будут обязаны принять к рассмотрению даже если нарушено по существу только право на деловую репутацию. Иное бы означало, что истца лишают права защиты чести и достоинства.

В силу пункта 7 части 6 статьи 27 АПК РФ, дела о защите деловой репутации в сфере экономической деятельности — рассматриваются арбитражным судом. Буквально, арбитражные суды разрешают дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [5].

При применении п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК необходимо учитывать, что дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности подлежат рассмотрению в арбитражных судах и в случае привлечения к участию в деле гражданина, не имеющего статуса ИП, в том числе автора распространенных (опубликованных) сведений.

Информация, которая распространяет сведения о личности истца к совершению преступлений, относится к рассмотрению судов общей юрисдикции. Данные материалы рассматриваются судами общей юрисдикции, так как поднимается вопрос об уголовном наказании.

Таким образом, иски о защите чести, достоинства и деловой репутации подлежат рассмотрению как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами. Выбор подсудности зависит от субъекта и от исковых требований.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.). М.: Юристъ. 2011.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. ст. 3301.
3. Толстой В. С. Личные неимущественные правоотношения. М: АПК и ППРО. 2009. 214 с.
4. Добриева М. Д. Честь, достоинство и деловая репутация как объект защиты в гражданском праве и процессе. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва. 2004. 29 с.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. ст. 3012.

К вопросу о понятии и признаках судебного усмотрения в гражданском процессе

Морозова Надежда Михайловна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проведен анализ подходов к пониманию судебного усмотрения и его основных признаков, раскрыта важность понимания судебного усмотрения для функционирования судебной системы, предложена дефиниция термина судебное усмотрение.

Ключевые слова: судебное усмотрение, судейское усмотрение, суд, судья, правосудие, гражданский процесс, судебная система, правоприменение, правосознание, решение суда.

В современном мире мы каждый день сталкиваемся с новыми вызовами и проблемами поэтому необходимо совершенно ясно понимать, что только успешное

разрешение возникающих задач способно привести страну и каждого человека, в частности, к гармоничному и успешному существованию. В этих условиях безусловно

возрастает роль гражданского процесса, который вынужден подстраиваться под экономическую ситуацию, быстро изменяющиеся и усложняющиеся общественные отношения. Сложность в этом вопросе связана прежде всего с тем, что законодательство не всегда способно своевременно и быстро реагировать на различного рода изменения и потребности общества именно этим и обуславливается существование института судебного усмотрения, главной целью которого можно назвать эффективность правосудия, поскольку именно возможность для судьи действовать при разрешении той или иной спорной ситуации между участниками процесса исходя из своего усмотрения и должно гарантировать, как итог, такой судебный акт, который в полной мере будет, как соответствовать требованиям законности и обоснованности, так и учитывать все особенности конкретного спора.

Описанная ситуация является идеальной моделью функционирования судебной системы, на деле существует множество споров и противоречий относительно института судебного усмотрения, обусловлено это следующими причинами: являясь важным понятием для процесса правоприменения, оно так до сих пор и не получило легитимного определения и единых однозначных правил своего применения. Причина этого кроется в многозадачности самого явления судебного усмотрения. Так, прежде чем перейти к исследованию понятия судебного усмотрения нужно пояснить разницу между *судебным* и *судейским усмотрением*. Относительно данной проблемы существуют различные точки зрения.

Одна группа ученых предлагает воспринимать судебское и судебное усмотрение как абсолютно синонимичные понятия. Другие же наоборот, придерживаются позиции из которой следует, что судебное и судейское усмотрение имеют кардинальные отличия. И на наш взгляд, такая позиция более целесообразна. Убедительно выглядит обоснование этой позиции в диссертационном исследовании Берг Л. Н. «Судебное усмотрение и его пределы». В данной работе предлагается обратиться к различиям англо-саксонской и романо-германской правовых семей для того, чтобы понять различие исследуемых понятий.

В рамках романо-германской правовой семьи по мнению Берг уместнее говорить именно о судебном усмотрении, поскольку судья в данном случае хоть и наделен полномочием единолично рассматривать дела (не стоит забывать о определенных законом случаях обязательного коллегиального рассмотрения) действует не от своего имени, а от имени Российской Федерации. Стоит вспомнить в этом случае высказывание А. Ф. Кони о том, судья — орган государства. Оно веряет ему частицу своей власти. [6, с. 17] Вне суда и вне процессуальной формы не существует принципа независимости судей. Реализация функции правосудия прерогатива органов государства, то есть судебной власти, в которой безусловно определяющую роль играет судья, как носитель судебной власти.

Понятие же судейское усмотрение органично вписывается в рамки англо-саксонской правовой семьи в которой

ведущую роль играет сложившийся обычай и судебный прецедент, а не кодифицированная правовая норма.

Исследуя научную литературу, можно выделить несколько подходов к пониманию этого сложного, но безусловно важного понятия для всей системы правосудия. Сложность дефиниции судебного усмотрения связана в первую очередь с большим количеством признаков, которые можно использовать в качестве критериев трактовки судебного усмотрения.

Во-первых, судебное усмотрение всегда является формой выражения интеллектуальной деятельности конкретного судьи по ряду разрешаемых им вопросов в рамках каждого конкретного дела. По этой причине судебное усмотрение может рассматриваться, как отдельная форма правосознания. Во-вторых, не стоит забывать о том, что судебное усмотрение — это уникальный инструмент правосудия, который дает возможность правоприменителю по средствам своей умственной деятельности компенсировать существующие пробелы и сглаживать недостатки которые присущи различным нормам права. Стоит добавить также, что судебное усмотрение можно воспринимать как юридический факт, порождающий, изменяющий и прекращающий права и обязанности, и, безусловно, как межотраслевой институт российского права в виде совокупности норм различной отраслевой принадлежности, регулирующих отношения, связанные с судейским усмотрением.

Содержанием судейского усмотрения являются правомочия и обязанности органов судебной власти. Оно всегда основано на комбинации объективных и субъективных критериев. Эффективность и справедливость судейского усмотрения определяются в конечном счете его соответствием требованиям законодательства, мотивированности, справедливости и объективности. Так усмотрение ограничено принципом законности судопроизводства и существующими нормами материального и процессуального права и должно в полной мере отражать их содержание и смысл. Конституционный Суд РФ в постановлении от 25.01.2001 г. № 1-П говорит нам о том, применяя общее правовое предписание (норму права) к конкретным обстоятельствам дела, судья дает собственное толкование этой нормы, принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (иногда весьма значительной) и нередко оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации (в том числе скрываемой от него); при столь большой зависимости результата от судейской дискреции дифференциация незаконных решений представляет собой трудно-выполнимую задачу. Законность судебного усмотрения определяется и элементами гражданско-процессуальной формы, ориентированной в основном на суд, поскольку именно он является обязательным участником всех гражданско-процессуальных правоотношений и при этом наделен властными полномочиями. Законность также гарантируется для участников процесса возможностью обжалования любого решения, принятого судом, в суде вышестоящей судебной инстанции.

Аспект мотивированности конкретного решения суда и в целом судебной деятельности является одним из основополагающих начал международного судебного процесса. Так, Европейский суд по правам человека инициировал дополнение нормы ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод положением об обязанности суда выносить мотивированные акты. Российское процессуальное законодательство содержит подобное требование более 150 лет. Впрочем, это не означает соответствующей устойчивой тенденции и полного доктринального единства. Действующий ГПК РФ предписывает суду обязанность мотивировать и акты в целом (ст. 195, п. 1 ст. 225, п. 6 ст. 366), и «доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства» (ч. 1 п. 4 ст. 198). Однако зачастую эти требования судом исполняются, по мнению процессуалистов, не в полной мере, особенно в части применения судебного усмотрения правомочий (например, при определении размера неустойки или когда речь идет о взыскании судебных расходов или компенсации морального вреда).

В науке гражданского процессуального права первые явные предпосылки исследования судебного усмотрения берут свое начало в 60–80-е гг. прошлого столетия. Среди первых исследователей данной проблематики можно выделить таких ученых как: М. А. Гурвича, Н. Б. Зейдера, С. В. Курылева, К. И. Комиссарова, Д. М. Чечота, несколько позднее — А. Т. Боннера, Д. Б. Абушенко, В. И. Телятникова, О. А. Папкову и др.

В настоящее время в юридической литературе сформировано несколько подходов к определению понятия судебного усмотрения. Отличие каждого из них обусловлено различием категорий, через которые сторонники того или иного подхода стремятся определить рассматриваемый институт. Приверженцы первой позиции определяют судебное усмотрение — как в определенном смысле свободу выбора. Процессуалисты, поддерживающие данный подход говорят о том, что усмотрение нужно понимать как «известную степень свободы органа, определенную рамками закона, в правовом разрешении индивидуального конкретного дела, предоставляемую в целях принятия оптимального решения по делу» [7, с. 64]. И. А. Покровский под судебным усмотрением понимает «право более свободного истолкования, восполнения и даже исправления закона сообразно требованиям справедливости и веления судейской совести» [11, с. 75]. Необходимо обратить внимание на то что усмотрение можно определять не только через отрицательную коннотацию данного понятия, понимая под ним некоторую свободу деятельности публичного органа власти от законодательных предписаний, но и с положительной точки зрения — как «право свободной целесообразной оценки в применении по указанным в законе основаниям предоставленных данному органу правомочий» [8, с. 173]. С другой стороны усмотрение суда не является свободой, ведь каждый правоприменитель, принимая решение на основе усмотрения, ограничен нормами законодательства. Более того, суд в своей право-

применительной деятельности всегда обязан исходить из общих принципов законодательства и целей, которые определил законодатель. Таким образом рассматривая то или иное гражданское дело, судья никогда не должен забывать о том, что в соответствии со ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

Именно поэтому, второй подход к пониманию судебного усмотрения имеет определённое преимущество поскольку стремится раскрыть понятие судебское усмотрение через призму таких понятий как «полномочие» или «возможность суда». Так, например, А. Барак говорит о том, что усмотрение — это полномочие лица, наделенного властью, по осуществлению выбора между двумя и более альтернативами, когда каждая из данных альтернатив является законной. [2, с. 107] Согласно позиции К. И. Комиссарова, судебское усмотрение — предоставленное суду полномочие по принятию, исходя из конкретных условий, такого решения относительно права, возможность которого исходит из определенных общих и относительных положений закона. [5, с. 37] При этом необходимо помнить о том, что важнейшая роль при осуществлении полномочий по отправлению правосудия отводится субъективной стороне. Судейское усмотрение — всегда есть выбор решения органом правосудия при рассмотрении конкретного юридического дела, в основе которого лежит субъективное восприятие обстоятельств дела конкретным судьей и толкования юридических предписаний. Хорошо иллюстрирует данный аспект Н. С. Погорелова при определении смысла судебного усмотрения. Она особо отмечает значимость мировоззрения судьи, его убеждений, образования, а также профессионального опыта при осуществлении выбора между теми альтернативными вариантами, которые предусматриваются правовой нормой. В одном случае внутреннее убеждение можно рассматривать как результат судейского усмотрения, которое свидетельствует об убежденности судьи в принятии им правильного решения, в другом — как возможная основа принятия подобного решения. [10, с. 3] Очевидно, что судейское усмотрение всегда произрастает из внутреннего убеждения, психологической и интеллектуальной деятельности судьи, оно является составным элементом субъективной стороны усмотрения. Судебное усмотрение всегда должно опираться на категорию целесообразности принятия того или иного решения, что означает возможность органов, наделенных судебной властью, исходить также не только из четких юридических фактов и предпосылок, наличествующих в той или иной правовой ситуации, но и принимая

во внимание особенности и сложность всех обстоятельств каждого конкретного гражданского спора.

Наконец, сторонники третьей точки зрения представляют судейское усмотрение в виде специфического вида правоприменительной деятельности, который характеризуется интеллектуально волевой направленностью по нахождению наилучшего решения по конкретному юридическому делу. Причем следует отметить, что рассмотрение судейского усмотрения в качестве правоприменительной деятельности является наиболее приемлемым методологическим подходом. Именно поэтому в общей теории права судейское усмотрение формулируется в качестве составной части правоприменительной деятельности, которая проявляется в выборе по конкретному юридическому делу уполномоченным субъектом предусмотренного нормой права мотивированного, законного и обоснованного решения. Так, О. А. Папкова, пересмотрев ранее сформулированное определение судейского усмотрения, определяет его как предусмотренную нормами права, осуществляемую в процессуальном порядке правоприменительную деятельность суда, которая проявляется в выборе вариантов разрешения правового вопроса и имеет общие и специальные границы. [9, с. 26]

Формируя определение судейского усмотрения, за основу целесообразно брать следующие его характерные черты: возможность выбора, предоставленная в процессе правоприменительной деятельности и в рамках процессуальной формы; мотивированная и обоснованная деятельность, на которую влияют профессиональное мировоззрение судьи, внутреннее убеждение относительно конкретного дела; при этом само судейское усмотрение находится под контролем уполномоченного на то органа или вышестоящей судебной инстанции.

Как правовая категория, судебное усмотрение обладает рядом признаков, позволяющих идентифицировать его в деятельности судьи и отграничить от поведения, строго установленного законом и не поддающегося какой-либо корректировке. Поскольку само понятие «судебное усмотрение» не сформулировано законодателем и определено лишь в научной литературе, признаки усмотрения также являются предметом дискуссий среди правоведов. Анализ научных трудов показывает наличие разных подходов к этому вопросу, в рамках которых можно выявить основные черты судебного усмотрения (необходимость

выбора решения по конкретному делу, относительная свобода судьи, ограниченность этой свободы), так и специфические, определяемые отдельными авторами.

В частности, к признакам судебного усмотрения К. П. Ермакова относит следующие:

- 1) наличие специального субъекта — рассматриваемый вид усмотрения реализуется судьёй;
- 2) судебное усмотрение сводится к определённой относительной свободе выбора из нескольких возможных решений;
- 3) судебное усмотрение находится в пределах правовых границ и осуществляемых судом правомочий. [4, с. 89]

Ю. А. Аминова также определяет ряд специфических признаков судебного усмотрения: а) относительная свобода выбора судьи при принятии решения; б) ограниченность этой свободы законом; в) выбор одного из нескольких вариантов решений, каждое из которых является законным, справедливым и обоснованным; г) необходимость учёта всех конкретных фактических обстоятельств. [1, с. 27]

Подводя итог сущности и роли судебного усмотрения хотелось бы сказать о том, что судебное усмотрение является без преувеличения движущей силой всего процесса правосудия как такового. Оно является важной составляющей частью фигуры судьи и без него было бы невозможно справедливое решение для каждой из сторон конкретного спора. В этой связи крайне интересна позиция, обоснованная выдающимся ученым-процессуалистом М. А. Гурвичем. Он писал, что правосознание судьи должно правильно, т.е. истинно, отражать действие правовых норм. Иными словами, поскольку закон основан на морали и нравственности, то морально-нравственный судья правильно поймет его основные начала и неизбежно верно разрешит дело. А другими судьи и быть не должны. И это мнение и сегодня представляется совершенно верным. [3, 98]

Анализируя все вышесказанное, можно вывести следующее понятие *судебного усмотрения* — это вытекающая из статуса судьи, предусмотренная законом, волевая интеллектуальная деятельность судьи по выбору оптимального способа разрешения спорной правовой ситуации, которая имеет своей целью достижение справедливого и эффективного правосудия.

Литература:

1. Аминова Ю. А. Понимание усмотрения в правоприменительной деятельности: анализ различных подходов // Вестник Омского университета. — 2012. — № 3 (32). — С. 31.
2. Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. М.: Норма, 1999. 376 с
3. Гурвич М. А. Принцип объективной истины советского гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 98–107.
4. Ермакова К. П. Понятие и субъективные пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. — 2009. — № 8 (152). — С. 92.
5. Комиссаров К. И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 50.

6. Кони А. Ф. Собрание сочинений в 8-ми т. Т. 4. М., 1967. С. 39. Терехин В. А. Самостоятельность судебной власти и независимость судей как гарантия прав граждан // Государство и право. 2001. № 8. С. 43.
7. Костенников М. В., Елисеев А. В. К вопросу реализации административного усмотрения в деятельности органов внутренних дел. // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2018. — № . 2 (80). — С. 80.
8. Люблинский П. И. Судейское усмотрение // Журнал Министерства юстиции. 1904. N10. С. 253.
9. Папкова О. А. Усмотрение суда. М., 2005. С. 39.
10. Погорелова Н. С. Судейское усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях: Автореф. дис. канд. юрид. наук. — Ростов н/Д., 2008. С. 6
11. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут, 1998. С. 90

Криминалистическая характеристика половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних

Панкратов Егор Павлович, студент

Научный руководитель: Лапин Евгений Станиславович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В рамках настоящего исследования автором проводится анализ ключевых элементов криминалистической характеристики половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Подчеркивается необходимость обращения внимания на данную категорию в целях эффективного расследования рассматриваемой категории дел посредством верной диагностики следственных ситуаций, определения направления расследования, выдвижения следственных версий, принятия верных тактических решений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика половых преступлений; несовершеннолетние; дети; половые преступления; преступления сексуального характера.

Criminalistic characteristics of sexual crimes committed against minors

Pankratov Egor Pavlovich, student

Scientific advisor: Lapin Evgeny Stanislavovich, candidate of law sciences, associate professor
Saratov State Law Academy

Within the framework of this study, the author analyzes the key elements of the criminalistic characteristics of sexual crimes committed against minors. It emphasizes the need to pay attention to this category in order to effectively investigate the category of cases under consideration by correctly diagnosing investigative situations, determining the direction of the investigation, putting forward investigative versions, and making the right tactical decisions.

Keywords: criminalistic characteristics of sexual crimes; minors; children; sexual crimes; crimes of a sexual nature.

Одной из наиболее социально незащищенных категорий граждан в Российской Федерации являются несовершеннолетние. Несмотря на проводимую государством политику обеспечения их безопасности, общее количество преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, ежегодно растет. Среди прочего, особое место в предоставляемых статистических данных компетентных органов уделяется преступлениям, направленным на половую неприкосновенность.

Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации общее количество преступлений сексуального характера в отношении детей с 2010 года по 2022 год выросло почти вдвое — с 9524 до 16887 случаев [4]. По справедливому замечанию ряда практикующих юристов

и теоретиков, предоставляемые данные статистики не отражают полной картины происходящего, поскольку рассматриваемая категория преступлений может отличаться латентным характером, поскольку несовершеннолетние в силу возраста, внутренних опасений и иных причин зачастую не сообщают своим законным представителям либо в правоохранительные органы о произошедшем [5].

Несмотря на представленную ранее негативную тенденцию роста половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, следует отметить, что за последние несколько лет их раскрываемость значительно увеличилась в силу нескольких причин. Во-первых, нормы российского законодательства, направленные на обеспечение половой неприкосновенности несовершенно-

нолетних, в последние годы были значительно ужесточены, а во-вторых, правозащитная сфера стала иметь своей ключевой задачей распознавание подобных деяний на ранней стадии и обеспечение комплексной защиты прав потерпевших.

Детальный анализ теоретических позиций о сущности криминалистической характеристики преступлений позволяет отметить, что каждая из них отличается качественными признаками данного понятия. При этом бесспорным остается тот факт, что исследуемая категория представляет собой ключевой элемент методики расследования преступлений. Более того, большинством ученых-криминалистов криминалистическая характеристика преступлений признается в качестве самостоятельной категории криминалистической науки [2, с. 43].

По справедливому замечанию А.Ф. Халиуллиной, содержание криминалистической характеристики преступления содержит в себе значительное количество элементов, что вызвано невозможностью унификации ее содержания вне конкретной частной криминалистической методики. Наиболее оптимальный выбор направления расследования дел, связанных с посягательством на половую неприкосновенность несовершеннолетних может быть произведен исключительно при наличии у следователя знаний об отдельных элементах криминалистической характеристики рассматриваемой группы преступлений, а именно способ и обстановка их совершения, характеристика субъектов преступления и их жертв и прочих [3, с. 162].

В рамках настоящего исследования видится необходимым остановиться лишь на некоторых из структурных элементов криминалистической характеристики половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

В частности, способ совершения преступления представляет собой комплексное понятие, включающее в себя объединенную единым умыслом систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, которые под влиянием обстановки, свойств личности, а также привычек и определенных навыков могут способствовать выбору орудий и средств совершения преступления. Данную систему образуют такие элементы как: подготовка к совершению преступления (поиск орудия для совершения преступления, распределение обязанностей и др.); исполь-

зование орудий преступления; механизм преступного посягательства; способ сокрытия преступления [1, с. 28].

Обстановка совершения преступления позволяет «обрисовать» ситуацию, в которой преступник производил противоправные действия. Её ключевыми составляющими выступают место и время совершения преступления. Ряд эмпирических исследований свидетельствует о том, что большинство половых преступлений в отношении несовершеннолетних совершается в черте города — 62%, оставшаяся часть, а именно 38% — в сельской местности. Что касается времени, то большая часть из них совершается в дневное время — 60%, меньшая — в вечернее и ночное — 40% [3, с. 164].

Кроме того, важнейшим элементом криминалистической характеристики половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, является установление признаков личности преступника, что включает в себя присущие ей физические, психологические, социальные и иные свойства. Так, весьма примечательным является тот факт, что большинство из подобных преступлений совершаются преимущественно мужчинами — 94%, и крайне редко женщинами — 6% [3, с. 165].

Заключительным элементом, который необходимо обозначить в рамках настоящего исследования, является личность потерпевшего. Большинство теоретиков поддерживает позицию о том, что ее составляют такие данные как: пол и возраст несовершеннолетнего, уровень развития и воспитания, состав семьи, социальное положение, взаимоотношение с преступником и другие. Так, из проанализированных ранее данных Генеральной прокуратуры РФ следует, что более половины подобных преступлений совершаются знакомым ребенку лицом, а каждое пятое — членами семьи.

Резюмируя сказанное в рамках настоящего исследования, следует отметить, что криминалистическая характеристика половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, представляет собой весьма важный инструмент для эффективного расследования и предупреждения тяжких деяний. Систематизация знаний о криминалистической характеристике позволяет существенно усилить правовую и социальную защиту несовершеннолетних.

Литература:

1. Паршин Н.М. Предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 210 с.
2. Головин А.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2. С. 43–55.
3. Халиуллина А.Ф. Криминалистическая характеристика насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1 (47). С. 161–167.
4. Почти вдвое: в России выросло число сексуальных преступлений против детей // Известия. 2023. 9 янв.
5. За 12 лет количество сексуальных преступлений против детей выросло почти вдвое // Информационно-деловой портал «Улики». URL: <https://iluki.ru/news/za-12-let-kolichestvo-seksual-nykh-prestuplenii-protiv-detei-vyrosto-pochti-vdvoe> (дата обращения: 01.09.2024).

Регулирование оборота драгоценных металлов и камней: гражданско-правовой аспект

Рущак Михаил Викторович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

На протяжении истории российского государства власти всегда контролировали оборот драгоценных металлов и камней. В советское время существовала обязательная сдача этих ценностей государству. Для эффективного контроля разрабатывались различные меры, касающиеся геологоразведки, добычи, скупки и продажи. При плановой экономике применялись специфические методы регулирования, например, установление директивных цен на золото с учетом региональных особенностей.

Переход к рыночной экономике привел к существенным изменениям в нормативной базе. Основы регулирования были заложены в Гражданском кодексе РФ, определившем оборотоспособность объектов гражданских прав. При этом ГК РФ не предусматривает особых ограничений для драгоценных металлов и камней.

Это создало предпосылки для отказа от государственной монополии в данной сфере. Процесс либерализации в 1990-х годах, хотя и проходил хаотично, привел к созданию Федерального фонда резервных месторождений и аналогичных фондов в субъектах РФ.

Ключевым итогом стало принятие Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» в 1998 году, установившего основы регулирования в этой области. Закон определил, что незаконно добытые ценности принадлежат государству [1]. Судебная практика подтверждает необходимость лицензирования деятельности по добыче драгоценных металлов и камней.

Гражданский оборот драгоценных металлов и камней представляет собой комплексный процесс, включающий операции по передаче прав собственности на эти ценности. Хотя они могут рассматриваться как потенциальное платежное средство, согласно ст. 140 ГК РФ, драгоценные металлы не являются законным платежным инструментом. Исключения составляют памятные и инвестиционные монеты, которые могут использоваться как для платежей по номиналу, так и в качестве объектов коллекционирования и инвестирования [2].

Экономическая ценность драгоценных металлов и камней неоспорима. Они считаются надежным способом сохранения капитала, защищающим от инфляции и экономических потрясений.

Правовой режим драгоценных металлов и камней можно охарактеризовать как особый порядок регулирования, основанный на сочетании правовых средств, гарантий и принципов. Этот режим направлен на создание оптимальных условий для удовлетворения интересов субъектов права и достижения социально значимых результатов.

Следует отметить, что правовой режим драгоценных металлов и камней относится к категории ограничи-

тельных режимов. Однако эти ограничения вводятся не для сокращения оборота, а для его специализации и защиты государственных интересов.

В российском законодательстве драгоценные металлы и камни обобщенно именуется «ценностями». Определение, закрепленное в ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», базируется на их природных характеристиках, обуславливающих особенности этих объектов гражданского оборота. Законодательство в данной сфере включает множество ведомственных нормативных актов, что отмечается рядом исследователей.

Драгоценные металлы характеризуются специфическими физико-химическими и экономическими признаками. К первым относятся химическая устойчивость, тугоплавкость, высокая проводимость, ко вторым — редкость, сложность добычи и высокая рыночная стоимость [3].

Драгоценные камни представляют собой минералы, отличающиеся красотой, твердостью и редкостью. Их ценность определяется сложностью добычи, модой и уникальными свойствами. Некоторые исследователи подчеркивают также психологические и социальные аспекты, влияющие на восприятие драгоценных камней и их рыночную стоимость.

Таким образом, драгоценные металлы и камни являются особыми объектами гражданского оборота, обладающими уникальными характеристиками и подлежащими специальному правовому регулированию.

Драгоценные металлы и камни, обладающие уникальным набором качеств, стали исключительно привлекательными объектами гражданского оборота, особенно в контексте инвестирования и использования в качестве защитных активов.

Под защитным активом понимается финансовый инструмент, демонстрирующий низкую волатильность в условиях экономической и геополитической нестабильности. Такие активы характеризуются постепенным изменением стоимости при сохранении высокой ликвидности и ценности. Все драгоценные металлы и камни представляют собой эффективную альтернативу валютным накоплениям, поскольку, будучи реальными товарами, они устойчивы к инфляционным процессам, в отличие от денежных средств [4].

Бриллианты могут служить защитным активом как для частных лиц, так и для организаций. Их ценовую динамику можно проследить, обратившись к прејскуранту Рапапорта. При оценке стоимости бриллиантов учитывается не только вес, но и характеристики, а также качество огранки и флуоресценция. В настоящее время наблюда-

ется тенденция к росту стоимости бриллиантов, обусловленная преимущественно сокращением добычи сырья [5].

Определение характеристик драгоценных камней происходит на различных этапах: от сортировки и первичной классификации до завершения производства изделий. Все эти процессы подлежат государственному регулированию. Заключение сделок с драгоценными камнями, не имеющими определенных классификационных характеристик, запрещено, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

Драгоценные металлы также широко признаны в качестве защитных активов. Стабильность цен на золото подтверждает его статус как одного из наиболее надежных инструментов в данной категории.

Ценообразование на драгоценные металлы, камни и изделия из них регламентируется Приказом Минфина России от 19.12.2014 № 155н и осуществляется под контролем Гохрана России при Министерстве финансов Российской Федерации [6].

В целях поощрения инвестиционной активности в сфере добычи и производства драгоценных металлов и камней, правительство РФ может инициировать эмиссию специализированных государственных ценных бумаг, номинал которых выражен в массе драгоценных металлов.

Правовая природа драгоценных металлов и камней в гражданском обороте отличается рядом уникальных особенностей. Ключевыми среди них являются: наличие специфического правового регулирования, особые характеристики и свойства этих ценностей, широкий спектр субъектов, имеющих право на их использование, а также строгие нормативные требования к процессам добычи и реализации.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 марта 1998 г. N41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (ред. от 22.07.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 марта 1998 г. N13 ст. 1463.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. N51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N32 ст. 3301.
3. Мамзурина О. И. Металловедение драгоценных металлов: золото и сплавы на основе золота: учебное пособие / О. И. Мамзурина, А. В. Поздняков. — Москва: Изд. Дом НИТУ «МИСиС», 2019. 76 с.
4. Янкевич В. С. Финансово-правовые проблемы обращения драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации: научно-практическое пособие / С. В. Янкевич; под ред. И. И. Кучерова. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. 152 с.
5. Цены на бриллианты всех форм огранки по международной шкале стоимости бриллиантов Rapaport Diamond Report. [Электронный ресурс] URL: https://brilliant24.ru/rapaport_diamond_report/pear (дата обращения: 25.08.2024 г.).
6. Приказ Минфина России от 19 декабря 2014 г. N155н «О порядке определения цен на драгоценные металлы, драгоценные камни и изделия из них, приобретаемые в установленном порядке и поступающие в Госфонд России по иным основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, а также отпускаемые из него» (ред. от 29.06.2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации.
7. Решение № 2/3942/2020 2/3942/2020~М/3238/2020М/3238/2020 от 12 октября 2020 г. по делу № 2/3942/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aaYVZhh9Qtxx/> (дата обращения: 26.08.2024 г.).
8. Решение Арбитражного суда города Москвы от 5 марта 2020 г. по делу № А40/143296/2019 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/fAmufQUacb5P/> (дата обращения: 28.08.2024 г.).

Несмотря на тщательную регламентацию операций с ценностями и установленную ответственность для кредитных организаций, на практике возникают определенные трудности в обеспечении их сохранности. Показательным примером служит дело, рассмотренное Благовещенским городским судом [7]. В материалах дела описывается ситуация, когда банк не обеспечил должный контроль доступа к помещению с сейфом, предоставленным клиенту для хранения ценностей. Факты ненадлежащего исполнения банком своих обязательств подтверждаются, в том числе, материалами уголовного дела. Расследование показало, что в период с 18 ноября 2019 года по 23 апреля 2020 года неизвестное лицо проникло в Амурский региональный филиал АО «Россельхозбанк» и похитило ценности нескольких клиентов из индивидуальных сейфовых ячеек.

Данный случай подчеркивает необходимость постоянного совершенствования систем безопасности и контроля в финансовых организациях, а также важность тщательного выбора места хранения для драгоценных металлов и камней их владельцами.

Зафиксированы случаи нарушения банками налогового законодательства при операциях с драгоценными металлами. Так, Арбитражный суд Москвы в решении от 5 марта 2020 г. отметил, что АО АКБ «ИНКАРОБАНК» осуществлял продажу золотых слитков ювелирным компаниям, не включая эти операции в налоговую базу по НДС, что привело к ее занижению [8].

Эти примеры указывают на проблемы соблюдения банками законодательства. Однако анализ судебной практики свидетельствует о своевременном выявлении нарушений, что говорит об эффективной работе контролирующих органов в сфере оборота драгоценных металлов и камней.

Международное регулирование искусственного интеллекта

Суриков Вадим Денисович, студент магистратуры
Научный руководитель: Мамонтова Эльвира Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

В статье рассматриваются вопросы международной концепции регулирования искусственного интеллекта, учитывая имеющийся зарубежный и отечественный опыт.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обеспечение безопасности.

Фрагментарное регулирование искусственного интеллекта (далее — ИИ) национальными законодательствами по всему миру приводит к разрозненности взглядов на снижение рисков использования технологии, разработке необходимых протоколов, принципов применения ИИ в конкретных сферах. Это разнообразие подходов отражает не только различные уровни развития технологии ИИ, но и национальные правовые и культурные особенности. Разрабатываются различные национальные подходы, но в то же время международная концепция отсутствует.

Основная проблема правового регулирования ИИ заключается в отсутствии унифицированных стандартов и законов, применимых на международном уровне, что создает пробелы в ответственности и защите прав при его использовании. Трудности вызывает определение степени автономности ИИ и связанных с этим юридических лиц. Динамичное развитие технологий опережает способность законодательных органов адаптироваться и внедрять соответствующие нормы, что осложняет обеспечение безопасности, этики и защиты данных.

В разных странах мира интенсивность регулирования сильно варьируется: от строгих рамочных законов до более либеральных подходов или полного отсутствия специализированных регуляций.

В современном мире наблюдается два уровня законодательного регулирования сферы искусственного интеллекта. Первый — касается понимания роли ИИ в общественно-экономических отношениях, выявления глобальных тенденций его развития и выработки национальных стратегий в этой сфере. Второй же представляет собой последовательную реализацию утвержденных национальных стратегий и разработку законодательной базы для сферы ИИ.

В более чем тридцати странах по всему миру существуют национальные стратегии, ориентированные на развитие ИИ. Среди этих стран Китай, США, Франция, Россия, Корея, Канада и Великобритания.

Например, Франция представила свою Национальную стратегию по искусственному интеллекту под названием France IA в 2018 году, в то же время Канада разработала Общеканадскую стратегию искусственного интеллекта, а Китай представил План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения.

При проведении исследований по регулированию искусственного интеллекта авторы все чаще приходят к вы-

воду о необходимости установления международных норм в области взаимодействия людей в контексте развития искусственного интеллекта, включая этические аспекты использования ИИ.

В современном мире все чаще обсуждается вопрос создания международных стандартов, регулирующих использование и развитие искусственного интеллекта. В этой связи предлагается универсальный подход, который способствует не только прогрессу в области ИИ, но и служит интересам человечества, способствуя достижению мира и устойчивого развития.

В 2019 году выпущен Доклад по этике ИИ (2019) Всемирной комиссии по этике научных знаний и технологий ЮНЕСКО о нравственных проблемах в области искусственного интеллекта. Одним из ключевых моментов, поднимаемых в документе, является необходимость ориентированного на человека управления искусственным интеллектом. Ученые и эксперты пришли к выводу, что этот аспект играет важную роль в обеспечении безопасности и этичности разработки и использования технологий ИИ.

Разработка и внедрение систем ИИ в наше время становится все более значимой и актуальной темой. При этом особое внимание следует уделять вопросам обеспечения безопасности во всех аспектах его использования. Для обеспечения кибербезопасности систем ИИ необходимо внедрять современные и надежные средства на всех этапах их жизненного цикла.

Помимо этого, важно разрабатывать и внедрять механизмы аутентификации и подтверждения происхождения контента, созданного при помощи генеративного ИИ. Необходимо также активно проводить научные исследования и инвестировать в мероприятия, направленные на управление социальными рисками и рисками безопасности систем ИИ.

Особое значение следует придавать разработке систем ИИ, которые способны решать глобальные проблемы, такие как изменение климата, улучшение здравоохранения и образования.

Первый в мире закон об искусственном интеллекте принял Европарламент в марте 2024 года [1]. Основной целью закона стала защита фундаментальных основ демократического общества и правового государства в условиях высокорискованного искусственного интеллекта (ИИ), а также стимулирование инноваций в данной области.

В США в октябре 2023 г. президент подписал Указ о безопасном, надежном и заслуживающем доверия ИИ, который требует от создателей систем ИИ обеспечить прозрачность процессов через передачу данных правительству о результатах тестирования безопасности и другой важной информацией до того, как разработка выйдет на рынок [2].

Летом 2023 года в Китае были утверждены Временные меры по контролю за генеративными системами искусственного интеллекта [3]. Разработчикам генеративного ИИ предписывается обязанность по обеспечению точности и надежности создаваемого контента, а также повышать прозрачность предоставляемых услуг.

Правительство Италии разрабатывает законопроект, который предусматривает ужесточение наказания за преступления, совершенные с использованием инструментов искусственного интеллекта (ИИ).

В апреле 2023 года заявлена разработка законопроекта о регулировании в сфере ИИ в России, который будет уделять внимание защите рынка труда от негативного влияния ИИ, ответственности за разработку систем ИИ, создаваемый с их помощью контент, а также ответственность за использование технологии мошенниками.

На международной арене на данный момент не имеется соглашения, посвященного ИИ. Различные страны активно применяют новые методы в законодательстве по его регулированию, в частности, путем организации специальных зон для тестирования законов. В частности, в ноябре 2019 года ЮНЕСКО было поручено разработать

рекомендации об этических аспектах ИИ, к настоящему моменту создан первый проект этого документа [4].

Таким образом, обзор отечественного и зарубежного законодательства, регулирующего вопросы ИИ, позволяет сделать следующие выводы:

1. Международное регулирование ИИ представляет собой сложный комплекс правовых и этических вопросов, требующих согласованных действий на глобальном уровне. Регулирование находится в процессе своего становления и осуществляется, как правило, на уровне стратегий, планов как основополагающих и направляющих дальнейшее правовое развитие документов.

2. В центре обсуждений стоят вопросы понятийного аппарата, конфиденциальности, безопасности, ответственности и защиты прав человека; сохранение баланса между стремлением к инновациям и интересами личности, общества и государства; определение норм этики, регулирующих функционирование и применение ИИ. Перспективным направлением является создание универсальной международной платформы для обсуждения стандартов использования ИИ. Необходимо выявить группу признаков, исходя из которой будет определяться, регулируется ли система как технология ИИ или нет. Предпочтительным вариантом будет постепенное внедрение механизма регулирования, основанного на оценке рисков: сначала введение определенных законодательных требований и процедур в зонах с высоким риском, а затем улучшение инструментов на основе комплексного анализа угроз, доказательств, результатов опросов и реальных случаев.

Литература:

1. Artificial Intelligence Act: MEPs adopt landmark law.— Текст: электронный // European Parliament: [сайт].— URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240308IPR19015/artificial-intelligence-act-meps-adopt-landmark-law> (дата обращения: 08.08.2024).
2. Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence.— Текст: электронный // THE WHITE HOUSE: [сайт].— URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 08.08.2024).
3. Регулирование искусственного интеллекта: первые шаги.— Текст: электронный // Институт статистических исследований и экономики знаний: [сайт].— URL: <https://issek.hse.ru/news/886273942.html> (дата обращения: 08.08.2024).
4. Первый проект рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта — Текст: электронный // ООН по вопросам образования, науки и культуры: [сайт].— URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373434_rus/PDF/373434rus.pdf.multi (дата обращения: 08.08.2024).

Уголовно-правовое регулирование искусственного интеллекта в России

Суриков Вадим Денисович, студент магистратуры

Научный руководитель: Мамонтова Эльвира Александровна, кандидат исторических наук, доцент

Тамбовский государственный технический университет

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с регулированием искусственного интеллекта в России. Сделаны выводы о текущем состоянии регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовно-правовое регулирование в России.

Регулирование искусственного интеллекта (далее — ИИ) в контексте уголовного права становится все более актуальным вопросом. При этом, важно определить, кто несет ответственность за поступки ИИ в различных сферах его применения: от разработки до модификации [1, С. 80].

Деятельность ИИ объективно может представлять опасность и причинять вред охраняемым государством общественным отношениям. Она подчинена алгоритмам, поэтому при правильной их настройке должна быть исключена возможность наступления вредных последствий.

Следует отметить, что лица, ответственные за создание и использование ИИ, не могут быть признаны субъектами преступления в случае ошибочных действий алгоритма. Поэтому возникает вопрос о необходимости законодательной базы, регулирующей ответственность за преступные действия ИИ.

Главной проблемой преступлений, связанных с использованием высоких технологий, является не невозможность квалифицировать действия злоумышленника, а его привлечение к ответственности. Технологии предлагают анонимность, и злоумышленники такой возможностью пользуются. Кроме того, искусственный интеллект может быть использован для поддельного создания информации или фальсификации видеоматериалов, что может привести к широкому распространению дезинформации и фейковых новостей.

Существуют проблемы в области защиты персональных данных, связанные с использованием искусственного интеллекта. Многие системы искусственного интеллекта собирают и анализируют большие объемы персональных данных, что создает риск их утечки или злоупотребления. Возникают вопросы о том, как адекватно защитить права граждан на конфиденциальность и приватность.

Вопросы уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта в России активно обсуждаются на научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах и других мероприятиях. Это способствует обмену опытом и экспертизе в данной области, а также помогает развитию современного законодательства. Минцифры совместно с МВД и Роскомнадзором в январе 2024 года заявили о разработке правового регулирования цифровой технологии подмены личности (дипфейк) в целях недопущения ее использования в противоправных целях [2]. Правительство РФ поддерживает инициативы по созданию специализированных организаций и институтов, занимающихся исследованиями и разработками в сфере уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта.

В целях формирования в Российской Федерации комплексного механизма по предотвращению правонарушений в сфере персональных данных внесены на рассмотрение два законопроекта в Государственную Думу.

Один законопроект дополняет УК РФ новой статьей 272.1. Для целей уголовного законодательства конкретизирован объект преступного посягательства (компьютерная информация), который содержит персональные данные, полученные незаконным путем. Это позволяет разграничивать новый состав УК РФ от правонарушений, ответственность за которые предусмотрена КоАП РФ в статье 13.11 «Нарушение законодательства РФ в области персональных данных», а также иных составов преступлений. С учетом характера и степени общественной опасности указанных деяний предлагается отнести все составы преступлений, предусмотренные новой статьей УК РФ, к категории не ниже средней тяжести. Помимо этого отдельное наказание в рамках предлагаемых норм УК РФ предусмотрено для лиц, которые незаконно собирают, хранят, используют и (или) передают персональные данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни, а также биометрические персональные данные.

Законопроект предусматривает санкции от штрафа в размере до трехсот тысяч рублей, либо принудительные работы на срок до четырех лет, либо лишение свободы на тот же срок (ч. 1), до лишения свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до трех миллионов рублей (ч. 5) [3].

Второй законопроект предусматривает ужесточение административного наказания за совершение деяний, предусмотренных ст. 13.11 КоАП РФ, а именно — действия, повлекшие утечку персональных данных. Обосновывается, что текущий размер штрафа (от 100 тыс. до 300 тыс.) не соразмерен возможным последствиям, поскольку эти данные могут стать инструментом спам-звонков, рассылок, шантажа, мошеннических схем. Инициатива обусловлена необходимостью стимулирования операторов персональных данных по развитию инфраструктуры информационной безопасности и защиты персональных данных. Законопроект предусматривает градацию ответственности от 150 тыс. до 300 тыс. (ч. 1) до от 800 тыс. до 5 млн руб. (ч. 17) [4].

Существует необходимость внедрения в уголовное законодательство норм, которые регулируют применение нейронных сетей и систем искусственного интеллекта в контексте общественной безопасности. Активность автоматически обучаемых программ может представлять угрозу для общества и нарушать установленные законом отношения. Исследователи предлагают дополнить ст. 63 УК РФ отдельным квалифицирующим признаком «с использованием беспилотных летательных аппаратов» [5], либо «с использованием высокотехнологичного способа совершения преступлений» [6]. Разделяя данные точки зрения, полагаем,

что в Уголовный кодекс нужно внести поправки и включить в переченьотягчающих обстоятельств (ст. 63 УК) использование продуктов искусственного интеллекта при совершении преступлений, так как, если в законе нет определения этого понятия, то это не значит, что за использование такого продукта ИИ в преступных целях никого не привлекут к ответственности.

Проведенное исследование уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта в России можно сделать следующие выводы:

— деятельность искусственного интеллекта может представлять опасность охраняемых законом общественным отношениям, реализовывать объективную сторону составов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством;

— использование искусственного интеллекта в уголовно-правовом регулировании и криминалистике в России предоставляет огромные возможности для повышения эффективности и прозрачности работы правоохранительных органов. Однако для обеспечения справедливости и защиты прав граждан необходимо разработать соответствующие нормативные акты и механизмы контроля за использованием ИИ;

— в России принимаются меры для уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта, что способствует обеспечению безопасности и защите прав и свобод граждан при использовании новых технологий. Однако, в связи с быстрым развитием искусственного интеллекта, дальнейшая работа в этой области остается актуальной и требует постоянного обновления законодательства.

Литература:

1. Бегишев, И. Р. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции / И. Р. Бегишев, Э. Ю. Латыпова, Д. В. Кирпичников. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. — 2020. — № 1. — С. 79–91.
2. Минцифры с МВД и Роскомнадзором определяют наказание за дипфейки. — Текст: электронный // Ведомости: [сайт]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/02/16/1020587-mintsifri-s-mvd-i-roskomnadzorom-opredelyat-nakazanie-za-dipfeiki> (дата обращения: 07.08.2024).
3. Законопроект № 502113–8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные)». — Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 07.08.2024).
4. Законопроект № 502104–8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части усиления ответственности за нарушение порядка обработки персональных данных)». — Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502104-8> (дата обращения: 17.05.2024).
5. Кочои, С. М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств / С. М. Кочои. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 7 (128). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-riski-ispolzovaniya-bespilotnyh-transportnyh-sredstv> (дата обращения: 17.05.2024).
6. Букалерева, Л. А., Уторова, Т. Н., Сизов, Д. О. К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве / Л. А. Букалерева, Т. Н. Уторова, Д. О. Сизов. — Текст: непосредственный // Пенитенциарная наука. — 2020. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znachenii-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 17.05.2024).

Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормы уголовно-процессуального законодательства, судебная и следственная практика

Филиппова Мария Павловна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В рамках современных реалий в российском уголовном процессе существенной выступает проблема преодоления обвинительного уклона.

Анализ научных работ таких авторов, как Бурмагин С. В., Воскобитова Л. А., Полуниин С. А. [9, с. 11] позволяет сделать вывод о том, что под обвинительным

уклоном можно понимать противоправную, виновную деятельность дознавателя, следователя, прокурора и суда, заключающаяся в одностороннем подходе к оценке доказательств с позиции стороны обвинения, в игнорировании доводов стороны защиты, выражающаяся в принятии процессуальных решений, не соответствующих назначению уголовного судопроизводства.

Общеизвестно, что, в соответствии со ст. 1 Конституции Российской Федерации, (далее — РФ), Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Особое внимание в масштабах выбранной темы привлекает такая основа конституционного строя РФ, как правовое государство [1].

Основная идея правового государства — приоритет права. В связи с этим особенно важна и актуальна проблема существования обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве, что не соответствует основам конституционного строя РФ.

Как известно, уголовный процесс — урегулированная уголовно-процессуальным законодательством деятельность уполномоченных лиц, состоящая из большого количества алгоритмов действий, каждое из которых может сопровождаться обвинительным уклоном со стороны сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование [7, с. 216].

Кратко перечислим каждую из стадий уголовного процесса:

1. досудебное производство, в состав которого входит возбуждение уголовного дела, предварительное расследование (следствие и дознание), направление уголовного дела с обвинительным заключением, актом прокурору,

2. судебное производство, состоящее из рассмотрения уголовного дела в судах первой, апелляционной и кассационной инстанциях, в Верховном Суде РФ (далее — ВС РФ), в том числе, исполнение приговора, а также возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Обвинительный уклон может начать проявляться еще на ранних этапах предварительного расследования и включать в себя такие действия, как: склонение обвиняемого к признанию вины и избранию особого порядка рассмотрения дела, нарушение норм Уголовного процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) при проведении следственных действий и так далее [6, с. 5].

В уголовно — процессуальной науке в последнее время активизировалась дискуссия о правовом статусе следователей как участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. На основании пункта 47 ст. 5 УПК РФ следователь наряду с прокурором, дознавателем, руководителем следственного органа и некоторыми другими участниками процесса отнесен к стороне обвинения [2].

С точки зрения В.В. Колодко, включение следователя в круг участников уголовного процесса уже психологически настраивает следователя на обвинительный уклон [8, с. 545].

Стоит отметить, что в состязательном российском уголовном судопроизводстве следователь или дознаватель выполняют не только основную обвинительную функцию, говоря иначе, функцию уголовного преследования, но и другие вспомогательные функции. К примеру, в ч. 1 ст. 86 УПК РФ следователь и прокурор перечислены в качестве субъектов, полномочных собирать доказательства по уголовному делу [2].

По этому полномочию прокурорско-следственная практика продолжает предъявлять на современном этапе требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию по каждому уголовному делу, к следователю (дознавателю), руководителю следственного органа, начальнику органа (подразделения) дознания, прокурору и суду. Это одно из наиболее важных условий установления материальной объективной истины в отечественном уголовном судопроизводстве.

Односторонне проводимое расследование обязательно станет не полным и односторонним. Во взаимосвязи же эти категории составляют один из признаков сущности обвинительного уклона.

Можно утверждать, что суд является главенствующим действующим лицом уголовного процесса, так как именно суд в силу ч. 2 ст. 8 УПК РФ уполномочен выносить решение о виновности/невиновности лица в совершении преступления и назначать ему наказание, избрав при этом оптимальный вид такого и меру [2]. Более того, ч. 1 ст. 118 Конституции РФ гласит, что правосудие в РФ осуществляется только судом, что ещё раз подчеркивает исключительную роль суда [1].

Стоит отметить, что, в соответствии с частью 3 статьи 15 УПК РФ, суд не должен выступать ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, обеспечивая лишь необходимые условия для реализации сторонами их процессуальных полномочий [2].

Конституционный Суд Российской Федерации в целом ряде своих решений, подтверждая эту позицию законодателя, отмечал: при рассмотрении дела суд не должен подменять органы, обосновывающие обвинение, и устранять имеющиеся сомнения в виновности подсудимого; суд должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром, не подменяя стороны и не вставая ни на позицию обвинения, ни на позицию защиты; суд не должен принимать на себя процессуальные полномочия сторон [3, 4].

В качестве примера, иллюстрирующего факт становления суда на сторону обвинения, можно привести судебную практику.

К примеру, кассационным определением ВС РФ от 2 мая 2024 г. N225-УД24-4 приговор 1-го Восточного окружного военного суда от 5 августа 2021 г. в отношении Саидамирова Саидислома Саидбурхоновича был изменён.

Саидамиров С.С. осуждён по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ к лишению свободы на срок 5 лет; по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ к лишению свободы на срок 5 лет; по ч. 1

ст. 222.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 24 ноября 2014 г. №370-ФЗ) к обязательным работам на срок 50 часов.

На основании ч. 3 ст. 69 и ч. 1 ст. 71 УК РФ по совокупности совершенных преступлений путем частичного сложения наказаний окончательное наказание назначено Саидамирову С. С. в виде лишения свободы на срок 6 лет в воспитательной колонии.

Как было установлено по делу и указано в приговоре, Саидамиров на момент совершения преступлений являлся несовершеннолетним.

Действия Саидамирова, выразившиеся в подготовке к совершению террористического акта, суд квалифицировал по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ (в редакции, действовавшей на момент совершения преступления), по которой назначил наказание в виде 5 лет лишения свободы.

Вместе с тем с учетом последовательного применения положений ч. 6 ст. 88, ч. 2 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ Саидамирову за совершение в несовершеннолетнем возрасте преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ, не могло быть назначено наказание свыше 3 лет 4 месяцев лишения свободы.

Судебная коллегия ВС РФ определила смягчить наказание, назначенное Саидамирову С. С. по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ, до 3 (трех) лет лишения свободы и по совокупности совершенных преступлений — до 5 (пяти) лет 6 (шести) месяцев лишения свободы [5].

Данный пример, по нашему мнению, ярко иллюстрирует факт становления суда на стороне обвинения.

Несмотря на то обстоятельство, что в рамках судебного разбирательства суд выступает в качестве ключевой фигуры, его роль на досудебных стадиях велика. Это связано с тем, что в силу ч. 2 ст. 29 УПК РФ суд уполномочен принимать решения, которые оказывают значительное влияние на дальнейший ход расследования, такие, как: избрание отдельных мер пресечения; помещение подозреваемого, обвиняемого в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно

судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы и так далее [2].

Актуальность разрешения ходатайств об избрании той или иной меры пресечения отмечается каждый год.

14 февраля 2023 года в формате веб-конференции состоялось совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов РФ.

Была приведена статистика, в которой отмечена тенденция сокращения численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, — с 465, 9 тыс. лиц по состоянию на 1 января 2022 г. до 433 тыс. лиц по состоянию на 1 января 2023 г.

Помимо этого, в докладе Председателя ВС РФ была озвучена информация о том, что мера пресечения в виде заключения под стражу в 2023 г. была избрана судами в отношении 87 тыс. лиц, что на 951 лицо меньше в сравнении с 2021 г. Также сократилось количество граждан (на 1013), которым продлен срок содержания под стражей [11].

На одной из сессий недавно пройденного в городе Санкт-Петербург Петербургского международного юридического форума (далее — ПМЮФ) также был поднят вопрос о мерах пресечения.

Согласно приведённым на ПМЮФ данным, в 2023 году:

1. было удовлетворено 8248 ходатайств об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу;
2. был применён залог в отношении 66 человек;
3. запрет определённых действий был избран 4000 раз в качестве меры пресечения;
4. 7500 ходатайств об избрании в виде меры пресечения домашнего ареста было удовлетворено [10].

Исходя из вышеприведённых статистических данных, можно сделать вывод о том, что единогласно утверждать о полном обвинительном уклоне в действиях судей нельзя.

Подытоживая вышесказанное, стоит сделать вывод о том, что в настоящее время существуют законодательные ошибки в вопросе регулирования равноправия сторон в уголовном процессе, что приводит к явлению обвинительного уклона и нарушает принципы правового государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — № 237.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 29.05.2024, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.07.2024) // Российская газета. — 2001. — № 249. — Ст. 249.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2024)
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей 2 и 4 статьи 20, части 6 статьи 144, пункта 3 части 1 статьи 145, части 3 статьи 318, частей 1, 2 статьи 318 УПК РФ в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Калерия и Октябрьского районного суда г. Мурманска» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 28. — Ст. 2904.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 02.05.2024 №225-УД24-4 // КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2024)

6. Алимova В. с. О некоторых причинах обвинительного уклона в российском уголовном судопроизводстве // Меридиан.— 2022.— № 8.— С. 1–6.
7. Барият А. Б. Понятие, субъекты и элементы доказывания в уголовном процессе // Закон и право.— 2024.— № 2.— С. 215–218.
8. Гаврюшина Ю. В. Роль и функции следователя в современном российском уголовном процессе // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ».— 2024.— № 6.— С. 541–547.
9. Филиппова М. П. Обвинительный уклон в российском уголовном процессе: доктринальные оценки и судебная практика // Уголовное право: актуальные вопросы теории и практики: сборник докладов Всероссийского студенческого научно-практического круглого стола с международным участием (Санкт-Петербург, 17 февраля 2023 г.) / Под ред. Е. Н. Рахмановой, Е. А. Писаревской, М. А. Дворжицкой — СПб: Астерион, 2023.— С. 11–16.
10. Крюков В. Минюст задумался о расширении практики применения залога [Электронный ресурс] // Ведомости: электронный журнал. 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/06/27/1046731-minyust-zadumal-sya-o-rasshirenii-praktiki-primeneniya-zaloga> (дата обращения: 29.06.2024)
11. Снижается количество заключенных и лиц, находящихся под стражей [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. 2023. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/snizhaetsya-kolichestvo-zaklyuchennykh-i-lits-nakhodyashchikhsya-pod-strazhey/> (дата обращения: 10.07.2024)

Проблемы осуществления органами прокуратуры криминологического прогнозирования

Шереметьева Татьяна Дмитриевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу проблем, возникающих при осуществлении органами прокуратуры криминологического прогнозирования. Автором рассмотрены отсутствие легального определения понятия «криминологическое прогнозирование», недостаточная разработанность его методического аппарата, низкий уровень информационно-аналитической работы и координации деятельности правоохранительных органов, а также недостаточное финансовое и материально-техническое обеспечение прогнозной деятельности. В статье подчеркивается важность криминологического прогнозирования как инструмента профилактики преступности и предлагаются пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование, органы прокуратуры, профилактика преступности, нормативно-правовая база, методика прогнозирования, информационно-аналитическая работа, координация деятельности правоохранительных органов, финансирование, материально-техническое обеспечение.

Современное состояние преступности в Российской Федерации, характеризующееся высокой латентностью, уровнем рецидива и появлением новых форм и способов совершения преступлений, обусловленных, в том числе, активным развитием информационных технологий, требует от правоохранительных органов постоянного поиска действенных механизмов противодействия. В числе приоритетных направлений этой борьбы выступает деятельность прокуратуры по профилактике преступлений, неотъемлемым элементом которой является криминологическое прогнозирование. Теоретические основы и практическое значение криминологического прогнозирования в деятельности правоохранительных органов получили достойное отражение в работах таких видных ученых, как Г. А. Аванесов, В. Н. Бурлаков, С. Е. Вицин, А. И. Долгова, В. В. Лунеев, Г. М. Миньковский, В. И. Омигов, А. Е. Шалагин и др. Вместе с тем, анализ практики показывает, что органы прокуратуры сталкиваются с рядом существенных проблем при осуществлении криминологиче-

ского прогнозирования, что напрямую сказывается на эффективности профилактики преступности в целом.

Одной из основных проблем является отсутствие в действующем законодательстве легального определения понятия «криминологическое прогнозирование», что создает сложности в правоприменительной практике. В научной литературе этот вид деятельности, как правило, определяется как научно обоснованное суждение о возможном состоянии преступности, ее уровне, структуре и динамике в будущем, а также о тенденциях развития всей системы криминологической детерминации [1. с. 216].

Безусловно, криминологическое прогнозирование является сложной комплексной деятельностью, требующей глубоких знаний не только в области уголовного права и криминологии, но и в сфере статистики, социологии, психологии, информационных технологий и др. Однако анализ учебных планов и программ подготовки прокурорских работников показывает, что вопросы криминологического прогнозирования не находят в них должного

отражения. Как следствие, прокурорские работники зачастую не обладают достаточным уровнем знаний и навыков для осуществления качественного криминологического прогнозирования, что негативно сказывается на результатах их работы.

Серьезной проблемой выступает и отсутствие единой методики криминологического прогнозирования, обязательной для использования органами прокуратуры. На сегодняшний день в прокуратурах используются различные методические рекомендации, разработанные как на федеральном, так и на региональном уровнях. Такая ситуация создает определенные сложности в организации и проведении прогнозной работы, а также затрудняет оценку ее результатов, не позволяя сформировать единый подход. Необходимость разработки и внедрения единой методики криминологического прогнозирования в деятельность органов прокуратуры неоднократно подчеркивалась как в научной литературе, так и в докладах и выступлениях руководителей Генеральной прокуратуры РФ, однако кардинальных сдвигов в этом направлении пока не наблюдается [2. с. 95].

Качественное криминологическое прогнозирование невозможно без глубокого и всестороннего анализа большого объема информации о состоянии преступности, ее причинах и условиях, личности преступника, мерах профилактики и др. Однако органы прокуратуры зачастую не располагают всей необходимой информацией, а имеющиеся данные не всегда полностью отражают реальную картину. Низкий уровень взаимодействия органов прокуратуры с другими правоохранительными органами, недостаточная использование возможностей государственных и муниципальных информационных систем — все это не позволяет получить объективную картину происходящих процессов.

Реализация мероприятий по криминологическому прогнозированию требует также определенных финансовых затрат, связанных, в том числе, с проведением научных исследований, разработкой программного обеспечения, обучением прокурорских работников и др. К сожалению, на практике финансирование прогнозной деятельности зачастую остается на низком уровне, что не позволяет в полной мере раскрыть потенциал криминологического прогнозирования. Еще одной проблемой является низкий уровень внедрения результатов криминологического прогнозирования в практическую деятельность. Прогнозы, разработанные органами прокуратуры, должны служить основой для принятия управленческих решений, направленных на профилактику преступности. Однако на практике результаты прогнозирования зачастую не находят должного применения в работе правоохранительных органов, что значительно снижает эффективность их деятельности [3. с. 128].

Таким образом несмотря на то, что криминологическое прогнозирование является важным направлением деятельности прокуратуры по профилактике преступности, его осуществление связано с рядом проблем. Для их решения необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу, разрабатывать и внедрять единую методику прогнозирования, повышать уровень информационно-аналитической работы и координации деятельности правоохранительных органов, а также уделять пристальное внимание вопросам финансирования и материально-технического обеспечения прогнозной деятельности. Только при комплексном подходе к решению этих проблем криминологическое прогнозирование сможет стать действенным инструментом профилактики преступности и обеспечения правопорядка.

Литература:

1. Луконкин Я.И. Криминологическое прогнозирование и планирование, осуществляемые органами прокуратуры / Я.И. Луконкин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 19 (361). — С. 216.
2. Лапко Г.К. Криминологические аспекты деятельности прокуратуры по профилактике преступности // НАУ. 2022. № 75–1. С. 95.
3. Шалагин А. Е., Шарапова А. Д. Криминологическое прогнозирование и планирование в деятельности органов внутренних дел // Вестник экономики, права и социологии, 2017, № 2. С. 128.

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Интеграция традиционных и инновационных методов рекламы в стратегию вывода на рынок коммуникационного агентства

Карлов Лев Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Алексеев-Апраксин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

В статье исследуется интеграция традиционных и цифровых методов маркетинга и PR, а также демонстрируется, как синергия таких методов может улучшить стратегию вывода коммуникационного агентства на рынок. Автором рассматриваются преимущества интеграции с примерами из практики и рекомендациями по внедрению.

Ключевые слова: маркетинг, реклама, СМИ, контент, коммуникации

Значимость интеграции методов

Развитие технологий и цифровая трансформация бизнеса определяют необходимость интеграции традиционных и цифровых методов маркетинга и PR в структуру коммуникационного агентства. Реклама в печатных СМИ, телевидение и радио (традиционные методы) помогают охватить широкую аудиторию и создать долгосрочный имидж бренда. Однако, функциональность и эффективность этих методов увеличиваются за счет цифровых технологий, например, более точного таргетинга, персонализации и интерактивного взаимодействия с аудиторией.

Использование цифровых маркетинговых методов позволяет адаптироваться к быстро меняющимся условиям рынка. В результате интеграции традиционных и цифровых подходов возникает многоканальная стратегия, которая охватывает не только широкую аудиторию, но и позволяет эффективно коммуницировать с клиентами, повышая конкурентоспособность агентства.

В научной литературе вопросам интеграции рассматриваемых методов уделяется особое внимание. Так, Образцова А. Ю. подчеркивает важность визуального контента в соцсетях для увеличения вовлеченности потребителей [5]. Ashley C. и Tuten T. анализируют креативные стратегии в соцсетях, уделяя внимание эмоционально насыщенному контенту, который привлекает и удерживает целевую аудиторию [6]. Демина Д. С. исследует роль инфлюенсеров в стратегиях люксовых брендов, показывая, как сотрудничество с медийными личностями повышает узнаваемость и доверие к бренду [3]. Статья Dwivedi Y. K. и соавторов посвящена перспективам и направлениям будущих исследований в области цифрового и социального

медиа-маркетинга [9]. Godes D. и Mayzlin D. анализируют влияние коммуникаций на потребительское поведение, подчеркивая важность комбинированного подхода в маркетинге [10].

Преимущества традиционных методов

Основные преимущества традиционных методов — проверенность временем. Они используются десятилетиями (а некоторые (наружная реклама, вербальная и проч. столетиями и даже тысячелетиями). Эти способы донесения информации до людей, доказали свою эффективность в различных сферах: общественных, коммерческих, религиозных.

Среди наиболее технологизированных методов, которые сегодня принято относить к традиционным — телевизионная реклама. Она позволяет информировать чрезвычайно широкие аудитории (превышая возможности радио и печатной рекламы), охватывая миллионы зрителей одновременно. Это делает её незаменимым инструментом для крупных брендов.

Современные кампании по продвижению фирм, персон, товаров и услуг, включают в себя и PR-мероприятия. Благодаря проведению пресс-конференций, выставок, благотворительных акций и прочих достаточно традиционных форматов живого общения с аудиториями, создается положительная репутация. Специальные события создают возможность прямого контакта с аудиторией, служа выстраиванию доверительных отношений между компанией и потребителями, а также нормативными, функциональными и диффузными группами целевых аудиторий. Интеграция технологий и методов связей с общественностью в кампанию по продвижению брендов, идей, то-

варов и услуг, позволяет уточнить позиционирование, отстроится от конкурентов и повысить эффективность рекламных мероприятий в целом.

Многочисленные компании успешно используют традиционные методы для повышения узнаваемости и наращивания репутации. Например, «Procter & Gamble» многие годы эффективно внедряет телевизионную рекламу для продвижения своих продуктов, привлекая внимание широкой аудитории, что способствует и росту продаж [11]. «Сбербанк» активно использует печатную рекламу и наружные билборды, создавая положительный эмоциональный отклик и ассоциацию с брендом [4].

Инновации и тренды цифровых технологий

Современные цифровые технологии играют ключевую роль в маркетинговых стратегиях и включают такие инструменты, как SEO, контент-маркетинг, социальные сети, интернет-реклама, аналитические инструменты и автоматизация маркетинга.

Так, SEO (Search Engine Optimization) направлено на улучшение видимости сайта в поисковых системах, что повышает органический трафик. Контент-маркетинг включает в себя создание и распространение релевантного и ценного контента для привлечения и удержания целевой аудитории. Социальные сети предоставляют платформы для двустороннего взаимодействия с клиентами, способствуя увеличению вовлеченности и лояльности. Интернет-реклама включает в себя различные форматы, такие как контекстная реклама, баннеры и видеореклама, используя которые бренды эффективно таргетируют конкретные сегменты аудитории за счет использования данных о поведении пользователей и их предпочтениях.

Аналитические средства маркетинга применяются для сбора и обработки данных, что способствует принятию обоснованных решений и оптимизации рекламных кампаний. В свою очередь, автоматизация повторяющихся задач способствует повышению эффективности работы и снижению затрат.

Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение значительно влияют на маркетинговые стратегии. ИИ позволяет анализировать большие объемы данных, предсказывать поведение клиентов и персонализировать маркетинговые сообщения. Машинное обучение используется для создания адаптивных алгоритмов, которые улучшают результаты рекламных кампаний. Big data и аналитика предоставляют возможность глубокой персонализации и таргетирования, анализируя поведение пользователей и их предпочтения. Такой инструмент позволяет создавать более точные и эффективные маркетинговые кампании, ориентированные на конкретные сегменты аудитории [7].

Социальные медиа играют ключевую роль в формировании бренда и взаимодействии с аудиторией. Так, например, платформы VK, LinkedIn и YouTube, позволяют компаниям поддерживать прямую связь с клиентами, де-

литься контентом и реагировать на отзывы в режиме реального времени.

Видеоконтент и инфлюенс-маркетинг становятся все более популярными инструментами для привлечения и удержания внимания аудитории [8]. Мультимедийный формат способствует высокой степени вовлеченности аудитории, а сотрудничество с инфлюенсерами позволяет брендам привлечь внимание потенциального заказчика.

Индустрия мобильного маркетинга также стремительно развивается, так как все больше пользователей используют мобильные устройства для выхода в интернет. В свою очередь внедрение технологий дополненной и виртуальной реальности (AR/VR) открывает новые возможности для креативных и интерактивных маркетинговых кампаний, позволяя брендам создавать уникальные и запоминающиеся образы для своих клиентов.

Практические примеры и кейсы сочетания методов

В целях успешного сочетания традиционных и инновационных методов маркетинга необходимо прежде всего определить целевые аудитории, ориентируясь на их особенности и приоритеты. Дальнейшая разработка комплексной маркетинговой стратегии, сочетающей преимущества традиционных и инновационных методов. Традиционные методы используются для создания широкого охвата, повышения узнаваемости и увеличение доверия к бренду. Инновационные методы позволяют более точно таргетировать аудиторию и обеспечивать интерактивное взаимодействие.

Многочисленные агентства успешно используют интеграцию традиционных и цифровых методов. Коммуникационное агентство PR Partner является ярким примером такого подхода, эффективно сочетая методы традиционного PR с современными цифровыми инструментами для продвижения себя на рынке. PR Partner активно использует традиционные методы, такие как участие в выставках, конференциях и других офлайн-мероприятиях. Эти мероприятия позволяют установить личные контакты и создать доверительные отношения с потенциальными клиентами. Также агентство организует пресс-конференции и выпускает пресс-релизы, что помогает привлечь внимание СМИ и общественности к их деятельности [1].

В цифровой сфере PR Partner применяет передовые технологии и стратегии. Агентство активно работает в социальных сетях, создавая контент, который резонирует с целевой аудиторией и вызывает высокий уровень вовлеченности. Например, они используют инструменты аналитики для мониторинга и анализа эффективности своих кампаний в реальном времени, что позволяет быстро адаптировать стратегии и повышать их результативность.

PR Partner также активно занимается Digital PR, размещая публикации на популярных интернет-платформах и блогах, что позволяет расширить охват и привлечь внимание к своим услугам. Они используют контент-мар-

кетинг для создания полезных и информативных материалов, которые помогают установить авторитет и доверие к агентству.

Коммуникационное агентство SETTERS, одно из ведущих в России, успешно сочетает традиционные и цифровые методы для достижения максимальной эффективности своих кампаний. В основе их стратегии лежит глубокий анализ целевой аудитории и её потребностей, что позволяет агентству разрабатывать уникальные и действенные решения. SETTERS активно использует традиционные PR-методы, такие как публикации в печатных изданиях и участие в крупных отраслевых мероприятиях. Эти методы помогают укрепить репутацию агентства и повысить его узнаваемость среди широкой аудитории.

С другой стороны, агентство интегрирует современные цифровые инструменты, такие как таргетированная реклама в социальных сетях, контент-маркетинг и SEO. Они активно ведут свои страницы в социальных сетях, таких как ВКонтакте и YouTube, что позволяет им поддерживать постоянный контакт с клиентами и оперативно реагировать на их запросы и обратную связь. Таким образом, благодаря интеграции традиционных и цифровых методов, агентство SETTERS не только успешно выводит на рынок новые продукты и бренды, но и постоянно укрепляет свои позиции как одного из лидеров на рынке коммуникационных услуг в России [2].

Для разработки и реализации интегрированной стратегии важно следовать нескольким ключевым шагам. Во-первых, необходимо провести детальный анализ целевых аудиторий и рынка. Это позволяет определить содержание и наиболее эффективные методы и каналы коммуникации. Во-вторых, следует разработать комплексный план, который объединяет традиционные и цифровые методы, обеспечивая их взаимодополняемость и синергию.

В-третьих, составление интегрированной стратегии позволяет правильно распределять средства между различными каналами и методами, что позволит достичь наилучших результатов при минимальных затратах. Это важно, поскольку оптимизация бюджета и ресурсов является не-

обходимым аспектом для достижения максимальной эффективности. Завершающим четвертым этапом, следует признать регулярный мониторинг и анализ эффективности, поскольку это позволяет своевременно корректировать стратегию и улучшать результаты.

Заключение

Интеграция традиционных и инновационных методов маркетинга и менеджмента является ключевым фактором для успешного вывода нового коммуникационного агентства на рынок. Сочетание проверенных временем традиционных методов с инновационными цифровыми технологиями позволяет достичь максимальной эффективности в продвижении бренда и обеспечивать широкое и глубокое взаимодействие с аудиторией.

Для эффективной разработки и реализации стратегии интеграции рекомендуется следовать ряду практических советов. Прежде всего, необходимо провести детальный анализ целевой аудитории и определить, какие каналы коммуникации наиболее эффективны при работе с ней. Следует разрабатывать комплексные планы, объединяющие традиционные и цифровые методы, а также уделять внимание оптимизации бюджета и ресурсов, обеспечивая максимальную отдачу от инвестиций.

Мониторинг и корректировка кампаний играют ключевую роль в достижении наилучших результатов. Регулярный анализ эффективности позволяет своевременно вносить изменения в стратегии, улучшая их эффективность и адаптируясь к изменениям на рынке. Агентствам рекомендуется использовать современные аналитические инструменты для отслеживания ключевых показателей и принимать обоснованные решения на основе данных.

Перспективным направлением дальнейшего развития и совершенствования интеграции традиционных и цифровых методов представляется изучение влияния новых технологий на маркетинг, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, а также разработка методов более точного таргетинга и персонализации.

Литература:

1. Анисимова, И. Как коммуникационное агентство добывает себе клиентов с помощью пиара / И. Анисимова. — Текст: электронный // vc.ru: [сайт]. — URL: <https://vc.ru/marketing/74564-kak-kommunikacionnoe-agentstvo-dobывает-sebe-klientov-s-pomoshyu-piara> (дата обращения: 15.04.2024).
2. Гришанин, Н. М. Позиционирование коммуникационных агентств / Н. М. Гришанин, Т. А. Автономова, Д. А. Новикова. — Текст: непосредственный // Коммуникология. — 2019. — № 3. — С. 148–164.
3. Демина, Д. С. Влияние инфлюенсеров на повышение лояльности к бренду / Д. С. Демина. — Текст: непосредственный // Вестник магистратуры. — 2020. — № 2–6 (101). — С. 35–36.
4. Михалев, А. М. Анализ коммуникационной политики ПАО «СБЕРБАНК» / А. М. Михалев. — Текст: непосредственный // Телескоп. — 2023. — № 4. — С. 131–137.
5. Образцова, А. Ю. Механизмы продвижения и монетизации аккаунтов коммерческих организаций в социальной сети INSTAGRAM / А. Ю. Образцова, Ф. А. Сердотецкий. — Текст: непосредственный // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — № 4. — С. 698–710.
6. Ashley, C. Creative strategies in social media marketing: An exploratory study of branded social content and consumer engagement / C. Ashley, T. Tuten. — Текст: непосредственный // Psychology & Marketing. — № 2, 2020. — С. 300–311.

7. Chaffey, D. Digital Marketing: Strategy, Implementation and Practice / D. Chaffey.— Pearson, 2020.— 712 с.— Текст: непосредственный.
8. Digital Marketing Tools.— Текст: электронный // Google Marketing Platform: [сайт].— URL: <https://marketingplatform.google.com> (дата обращения: 15.04.2024).
9. Dwivedi, Y. K. Setting the future of digital and social media marketing research: Perspectives and research propositions / Y. K. Dwivedi, E. Ismagilova, D. L. Hughes.— Текст: непосредственный // International Journal of Information Management.— Т. 51:, 2020.— С. 134–136.
10. Godes, D. Firm-created word-of-mouth communication: Evidence from a field test / D. Godes, D. Mayzlin.— Текст: непосредственный // Marketing Science.— № 4:, 2022.— С. 767–784.
11. Procter & Gamble's advertising strategy.— Текст: электронный // Procter & Gamble: [сайт].— URL: <https://us.pg.com> (дата обращения: 15.04.2024).

Сущность и содержание понятия «персональный бренд»

Постовая Екатерина Сергеевна, студент

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В настоящей статье анализируются сущность и основные подходы к понятию «личного бренда», сложившиеся в современной науке. Формулируется собственное понимание «личного бренда».

Ключевые слова: бренд, имидж корпоративный бренд, персональный бренд, социальные сети.

Широкое распространение социальных сетей превратило Интернет в социальное пространство и подарило уникальные способы поддержки социальных процессов наряду с управлением данными, информацией и знаниями. При этом в последние десятилетия наблюдается резкий рост использования и популярности платформ социальных сетей, которые все больше внедряются в структуры, формы и процессы повседневного общения. Помимо того, социальные медиа представлены достаточно обширным спектром онлайн-форумов. Также сюда можно отнести различного рода блоги, доски обсуждений и чаты в разнообразных мессенджерах.

Необходимо также упомянуть и тот факт, что в XXI веке наблюдается рост популярности сообщений, передаваемых через интернет-СМИ, через различные мессенджеры и социальные сети. Цифровая эра требует от отраслей трансформировать свои бизнес-модели, особенно в странах с формирующейся рыночной экономикой, а роль социальных сетей, в свою очередь, является ключевым фактором выбора той или иной маркетинговой коммуникации, которая обеспечивает конкурентоспособность предприятия.

Ключевым фактором, определяющим эффективность коммерческих и личных коммуникаций, в этих условиях, становится бренд. Бренды стали основным фактором, влияющим на различные аспекты потребительского поведения, включая осведомленность, получение информации, мнения, установки, поведение при покупке. Развитие информационно-коммуникационных технологий упростило брендинг, что привело к расширению отношений с потребителями.

Обратимся к определению понятия бренд. Во все времена бренд представлял собой некий отпечаток места своего непосредственного появления. Именно в них находит свое отражение такие компоненты, как национальный менталитет, а также самые различные культурные ценности. Так, представленное понятие произошло от скандинавского слова «brandr». При дословном переводе оно значит «огонь», «жечь» [5, с. 103].

В настоящее время среди специалистов в данной области не существует общепринятого определения рассматриваемого понятия. Далее рассмотрим существующие понятия более подробно.

Л. Чернатони рассматривает бренд как деятельность, имеющую маркетинговый характер [6, с. 23]. В ее рамках происходит процесс формирования достаточно долгосрочного предпочтения. В данном случае имеется ввиду предпочтение конкретного товара (услуги). Также это может быть и услуга. Базисом данного процесса выступает формирование некоторого образа в сознании своих потенциальных потребителей. Такого рода образ выстраивается на том, что оказывается совместное влияние на следующие категории потребителей:

- товарного знака;
- рекламного сообщения;
- упаковки;
- прочие компоненты.

При этом постараться добиться достаточно высокого уровня доверия к бренду очень сложно. Вследствие этого, для того, чтобы обладать своим собственным брендом, необходима достаточно продолжительная работа.

Е. А. Малышкина утверждает, что бренд — особая технология, которая полностью нацелена на осуществление более выгодного позиционирования фирменного наименования товара или услуги. Бренддинг делает намного легче процесс по нахождению нужного товара (услуги). Это происходит в случае, при котором все потребительские свойства будут соответствовать требованиям, традиционно предъявляемым со стороны рынка [3, с. 72].

«Сформировать бренд» является основной целью каждой организации. Вследствие этого важно обладать умением поддерживать необходимый уровень бренда. Причина состоит в том, что именно бренд оказывает положительное влияние на то, что происходит привлечение, а также дальнейшее удержание потребителей.

Бренддинг является весьма продолжительным процессом, в рамках которого происходит создание имиджа бренда. Это происходит на основании добавочной ценности, а также наличия эмоционального компонента. Это делает любой товар более оригинальным и привлекательным для своего будущего потребителя. Основными принципами, на которых базируется рассматриваемое понятие, являются следующие:

- полное соответствие потребностям, поступающим со стороны рынка;
- поддержка необходимого уровня качества.

В конце 1990-х годов был разработан термин «персональный бренддинг», который, как правило, оцифровывается благодаря удобной для пользователя социальной сети. Это означает, что социальные сети сделали общение на разных уровнях удобным и доступным, а также предоставляют хорошую платформу для бренднга с наиболее низкими затратами.

У каждого есть личный бренд, независимо от того, знает человек об этом или нет. Человек формирует отношение и представление о себе у других людей.

Персональный бренддинг — это личное восприятие или эмоция человека, которая рассматривается как уникальная личная черта. Также же, как бренддинг продукта, персональный бренддинг требует выявления и продвижения уникальности и сильных сторон человека на целевом рынке. В рамках продвижения персонального бренда люди и их карьера позиционируются как бренды с обещаниями производительности, специализированным дизайном и слоганами успеха. Традиционно литература по бренднгу описывает фирменный стиль как уникальность и основную идею бренда. При этом, подобно коммерческому бренду, персональный бренд — это коллективное представление о том, как человек воспринимается публикой. Однако общепринятого определения понятия «персональный бренд» не существует. Приведем несколько примеров:

Д. Макнелли и К. Д. Спик приравнивают персональный бренд с определенной эмоцией и сложившимся у людей образом. Это сделано при их совместном взаимодействии с конкретным человеком [2, с. 170].

З. Зиглар утверждает: «Если вы нравитесь людям, они будут вас слушать, но, если они вам доверяют, они будут иметь с вами дело» [7].

По определению Л. Лабрека, И. Маркоса и Дж. Милна, «персональный бренддинг подразумевает выявление и продвижение сильных сторон и уникальности человека для целевой аудитории» [8].

Персональный бренддинг стал эффективным способом коммуникации между человеком и соответствующей аудиторией, отличающим его от конкурентов на основе его уникальности и ценностей, которые он транслирует, позволяет человеку заявить о себе не только с помощью резюме, но и в дальнейшем определить, кто он как личность и как он может быть полезен различным компаниям.

«Самобренддинг — это представление о себе как о бренде — продукте, который можно рассматривать стратегически и творчески на конкурентном рынке, чтобы принести максимальную пользу человеку и его компании» [4 с. 145].

Персональный бренддинг выходит за рамки киберпространства и включает в себя личное представление о себе. «Наличие персонального бренда — это проецирование сильного последовательного «личного имидж-бренда для себя через манеру общения, поведения, телодвижения, навыки, а затем берут под контроль, чтобы управлять ими для продвижения персонального бренда» [1, с. 44].

Основные компоненты персонального бренда, это:

1. Отличительность.
2. Значимость.
3. Последовательность.

Вместе с этим, ценности, которыми традиционно обладает персональный бренд, полностью определяются его параметрами, которые находятся между собой во взаимодействии. Сюда можно отнести:

1. Компетентность. В данном случае она демонстрирует квалификацию, которая есть у конкретного человека.
2. Стандарты личности. Сюда относятся качества и нормы, которые применяются в процессе деятельности.
3. Стиль индивида. Он может быть продемонстрирован в поведении человека с прочими людьми.

В целом, основная предпосылка формирования персонального бренднга заключается в том, что в современном информационном обществе у каждого есть возможность быть своим собственным брендом, и главная задача человека — быть своим собственным маркетологом. Очень часто персональный бренд находится во взаимодействии с брендом корпоративным — так, основными преимуществами формирования персонального бренда руководителя компании является рост доверия и количества лояльных потребителей, формирование ассоциативного отношения к деятельности руководителя и самой компании.

Таким образом, в качестве определения понятия «персональный бренд» можно понимать образ, созданный из ряда взаимозависимых элементов, а именно: имидж, репутация, внешний вид, образ человека.

Литература:

1. Довжик, Г. В. Теоретико-методологические аспекты формирования персонального бренда в цифровой среде / Г. В. Довжик, В. Н. Довжик, С. А. Мусатова. — Текст: непосредственный // Цифровая социология. — 2021. — Вып. 4. — № 2. — С. 44–45.
2. Макнелли, Д. Как выделиться из толпы, или Формула персонального брендинга / Д. Макнелли, К. Д. Спик. — Москва: Фаир-пресс; Гранд, 2004. — 189 с. — Текст: непосредственный.
3. Малышкина, Е. А. История бренда или история о бренде / Е. А. Малышкина. — Текст: непосредственный // Социально-экономические явления и процессы. — 2014. — № 3 (61). — С. 72–75.
4. Семёнова, Л. М. Самомаркетинг и самобрендинг специалиста в сфере коммуникаций как условие повышения конкурентоспособности на рынке труда / Л. М. Семёнова. — Текст: непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2014. — № 4. — С. 145–151.
5. Тарануха, С. А. Бренд и его основные понятия / С. А. Тарануха, Е. Г. Кащенко. — Текст: непосредственный // Проблемы экономики и менеджмента. — 2015. — № 6 (46). — С. 103–105.
6. Чернатони, Л. От видения бренда к оценке бренда. Стратегический процесс роста и усиления брендов: пер. с англ. / Л. Чернатони. — Москва: Группа ИДТ, 2007. — 309 с. — Текст: непосредственный.
7. Best Branding Quotes to Inspire You — 99designs. — Текст: электронный //: [сайт]. — URL: <https://99designs.com/blog/business/branding-quotes/> (дата обращения: 02.09.2024).
8. Online personal branding: Processes, challenges, and implications. Journal of Interactive Marketing. — Текст: электронный //: [сайт]. — URL: https://www.academia.edu/8635099/Online_Personal_Branding_Processes_Challenges_and_Implications (дата обращения: 02.09.2024).

Разработка компетентностного профиля маркетолога, востребованного работодателем

Сучкова Алина Юрьевна, студент магистратуры

Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (г. Зеленоград)

В статье разработан компетентностный профиль маркетолога, востребованный работодателем на рынке труда. Анализ требований работодателей осуществлялся на основе изучения вакансий маркетологов, размещенных на сайте по поиску работы и сотрудников HeadHunter. Было рассмотрено 250 вакансий работодателей для должностей «Ассистент маркетолога», «Маркетолог» и «Директор по маркетингу». Результаты исследования показывают, какие требования работодатели предъявляют к образованию, квалификации и опыту работы соискателей.

Ключевые слова: ассистент маркетолога, маркетолог, директор по маркетингу, компетенции, профессиональные компетенции, надпрофессиональные компетенции, высшее образование, смысловое облако, вакансии, требования, ключевые навыки, стрессоустойчивость.

В настоящее время направление маркетинг очень динамично трансформируется. Профессия обогащается новыми технологиями, которые используются для изучения целевой аудитории, анализа её взаимодействия с брендами, коммуникации с ней и анализа результативности. Более того, поведенческие образы потребителей подвергаются пересмотру и изменению гораздо чаще, чем когда-либо. Всё это обязывает современного специалиста по маркетингу развиваться вместе с внешним окружением, в котором он осуществляет свою профессиональную деятельность.

По данным экспертом Работа.ру и СберМаркетинг в начале 2022 годы в сфере маркетинга было зафиксировано большое количество резюме, превосходящее число вакансий. К концу 2022 года число резюме снизилось и составляло 3 резюме на вакансию. Уровень желаемой зара-

ботной платы при этом у соискателей возрос до 63,3 тысяч рублей. Основными тенденциями в требованиях работодателей можно выделить следующие: «поиск и создание позитивного потребительского опыта», «следование текущим трендам» и «формирование новых». От маркетологов работодатели ожидают обеспечения «стабильного развития бизнеса компании в условиях высокой неопределенности рынка».

Целью данной работы является исследование компетентностного профиля маркетологов, в оценке и развитии которого заинтересованы выпускники высших учебных заведений, сами образовательные организации и работодатели. Исследование направлено на установление компетенций, которые являются предпосылкой личностного роста и профессионального успеха выпускников.

Объектом исследования является рынок труда в сфере маркетинга, а предметом — компетентностный профиль маркетологов.

На первом этапе были проведены опросы, обработка результатов которых осуществлялась с использованием смысловых облаков. Это позволяет структурировать ответы респондентов на открытые вопросы и выделить из них наиболее повторяющиеся слова (рис. 1–3). Каждое слово — это отдельное облако. Выделение слов помогает увидеть ценные, уникальные характеристики изучаемого объекта и это может стать основой формулировки оригинального ценностного предложения. Из смыслового облака можно выделить, например, топ-3 словосочетаний — ключевых фраз. [1, с. 33]

Первый — среди абитуриентов (выпускников 10, 11 классов МОУ Гимназия № 15 г. Клин) с целью определения их ожиданий от будущего после окончания школы.

Ожидания старшеклассников, как видно из рисунка 1, в основном связаны с высоким и стабильным доходом, домом и успешным бизнесом. Объем выборки составил 22 человека.

Второй опрос — абитуриентов (выпускников 10, 11 классов) с целью определения их ожиданий от обучения в МИЭТе (выборка — 28 человек).

Здесь можно заметить (рис. 2), что основные ожидания связаны с получением качественного высшего образования, освоением профессии, высокой заработной платой.

Также был проведен опрос для студентов второго курса направления подготовки 38.03.02 «Менеджмент» НИУ МИЭТ с целью определения образа, которому они хотели бы соответствовать через 4 и более лет. Размер выборки — 21 человек. Студентам предлагалось ответить на 3 вопроса (рис. 3–5): [2, с. 76]

Чем занимается маркетолог (в чем заключаются его каждодневные обязанности)?

Кем вы видите себя после окончания Университета?

Какие навыки, по вашему мнению, вам необходимо приобрести (развить) для того, чтобы приблизиться к этому образу?

На основании анализа смыслового облака результатов ответа на вопрос: «Чем занимается маркетолог?» можно сделать вывод, что у респондентов работа маркетолога ассоциируется в основном с продвижением продукта или услуги, с исследованием и аналитикой рынка.

На данном смысловом облаке можно увидеть, что ребята видят себя после окончания университета хорошими, востребованными специалистами, с хорошей заработной платой.

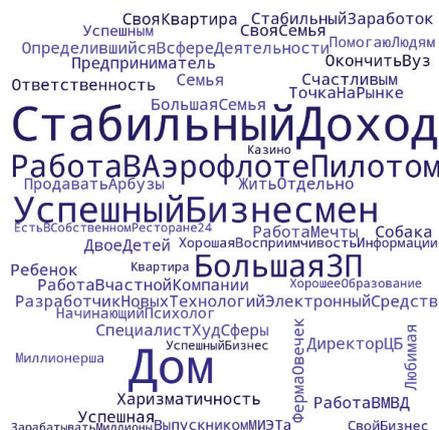

Рис. 1. Смысловое облако ожиданий абитуриентов от будущего после окончания школы (старшеклассники МОУ Гимназия № 15 г. Клин)

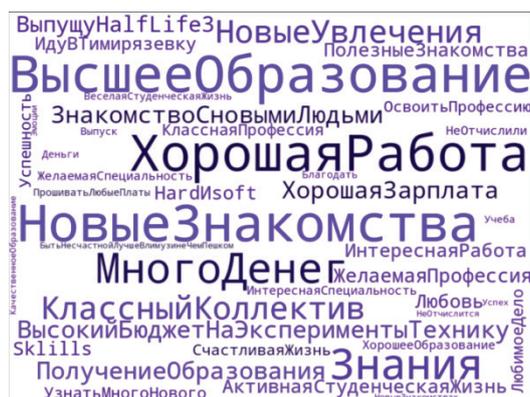

Рис. 2. Смысловое облако ожиданий абитуриентов от поступления и обучения в МИЭТе

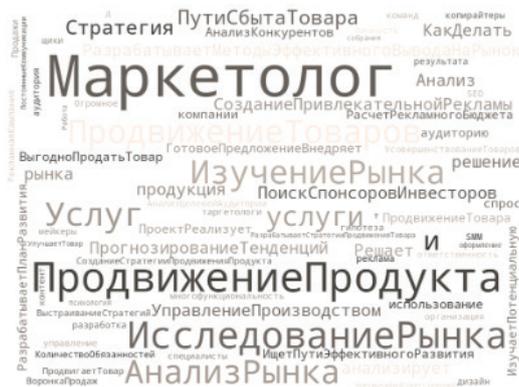

Рис. 3. Смысловое облако результатов ответа на вопрос: «Чем занимается маркетолог?»

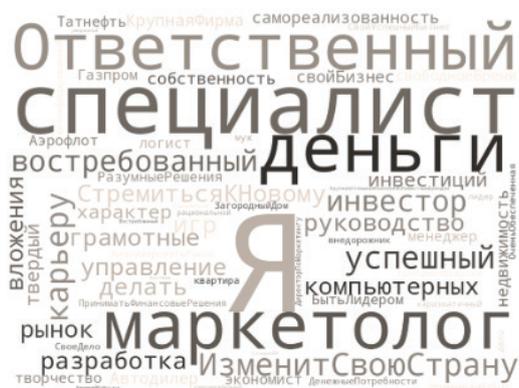

Рис. 4. Смысловое облако результатов ответа на вопрос: «Кем себя видите после окончания университета?»

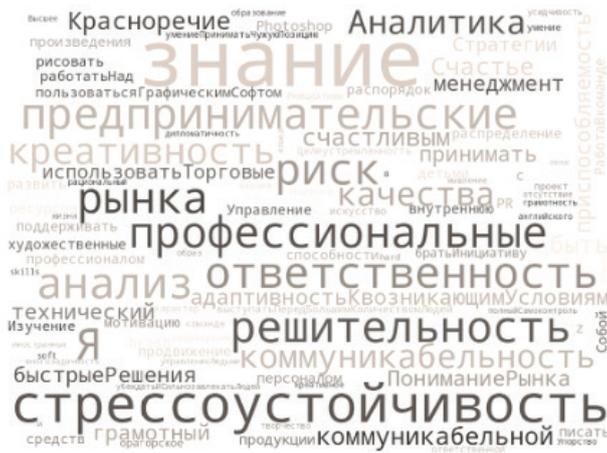

Рис. 5. Смысловое облако результатов ответа на вопрос: «Какие навыки, по вашему мнению, вам необходимо приобрести (развить) для того, чтобы приблизиться к этому образу?»

Основные навыки, выделенные студентами: знание, профессиональные навыки, стрессоустойчивость, решительность, ответственность, креативность и другие.

Для того чтобы сопоставить ожидания абитуриентов и образ маркетолога, который видят студенты, с тем, что требуют работодатели было проведено исследование вакансий маркетологов, размещенных на одном из самых крупных сайтов по поиску работы и сотрудников в мире

HeadHunter (по данным рейтинга Similarweb). Был проведен анализ таких должностей как «ассистент маркетолога», «маркетолог» и «директор по маркетингу», в ходе которого было рассмотрено по 100 вакансий для ассистента и маркетолога и 50 вакансий для директора. [3, с. 158]

Отрасли, в которых наблюдается спрос для ассистента маркетолога: медицина, информационные технологии

и маркетинг. Для маркетолога и директора по маркетингу картина немного иная. Но наибольшее количество вакансий представлено в сфере IT.

Распределение различных уровней заработной платы по вакансиям «ассистент маркетолога», «маркетолог» и «директор по маркетингу» отражено на рисунках 6–8.

По данным ГородРабот.ру средняя зарплата помощника маркетолога по Москве за 2023 год составляет 52928 рублей. В анализируемых вакансиях в основном

представлена зарплата ниже средней. Но это связано с тем, что для ассистента маркетолога 25% проанализированных вакансий подразумевают работу удаленно, соответственно, в таких вакансиях зарплата указана ниже, чем в аналогичных.

Зарплата маркетолога в среднем начинается от 60–70 тысяч рублей. Средняя зарплата — 79533 рубля, соответственно, в анализируемых вакансиях в основном представлено значение зарплаты равное средней и выше.

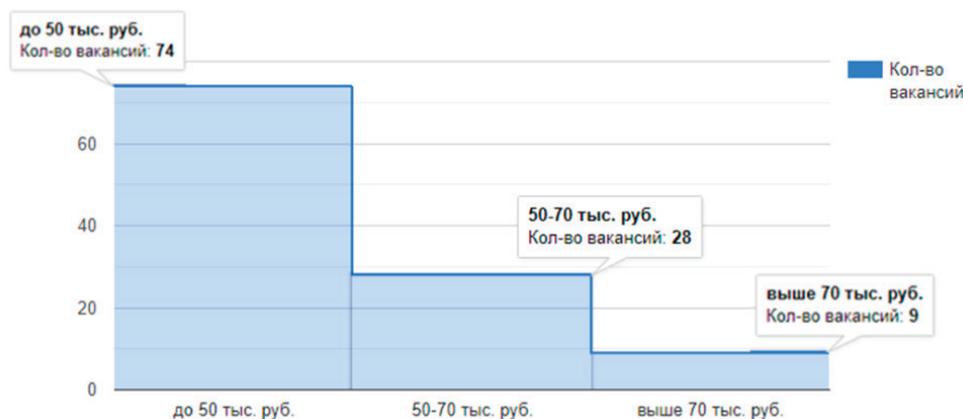

Рис. 6. Зарплата в вакансиях для ассистента маркетолога

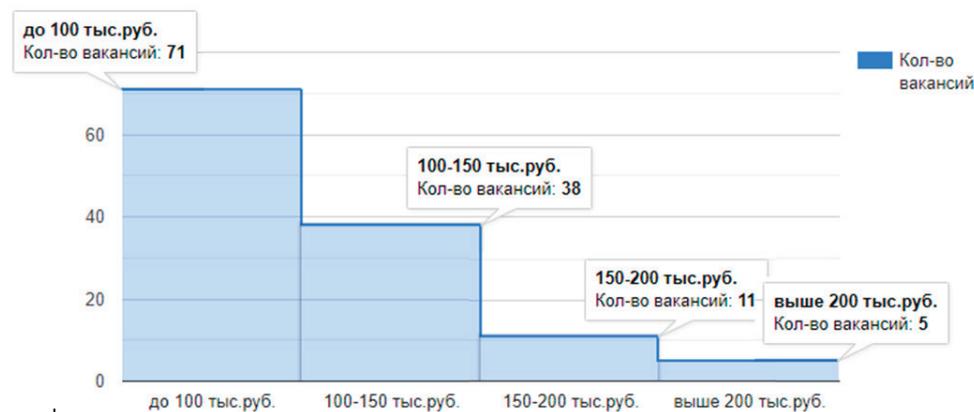

Рис. 7. Зарплата в вакансиях для маркетолога

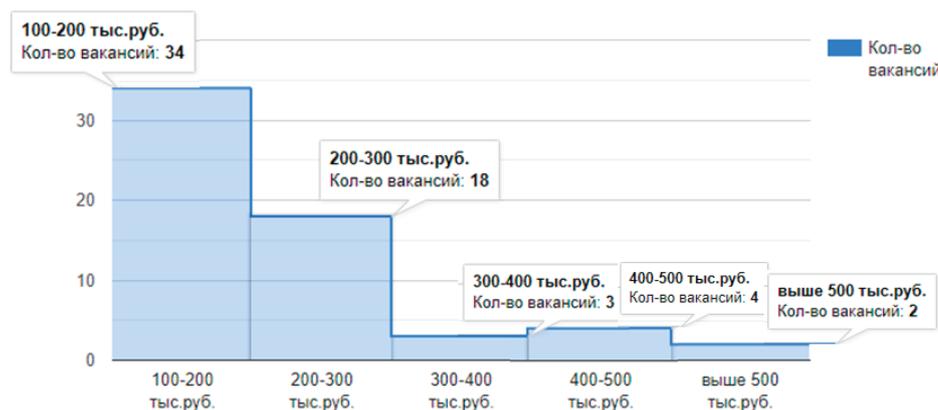

Рис. 8. Зарплата в вакансиях для директора по маркетингу

19% вакансий предлагают возможность удаленной работы, но при этом на заработной плате это никак не сказывается.

Для директора по маркетингу основное значение зарплаты находится в диапазоне от 100 до 200 тысяч рублей, а средняя по данным ГородРабот.ру 135 470 рублей. 18%

вакансий предлагают возможность удаленной работы аналогично, как и для маркетолога.

Для ассистента маркетолога в большинстве вакансий указано, что требуется опыт работ от 1 года до 3 лет, но также встречаются и вакансии, в которых этот опыт не требуется. Для маркетолога — в основном 1–3 года, для

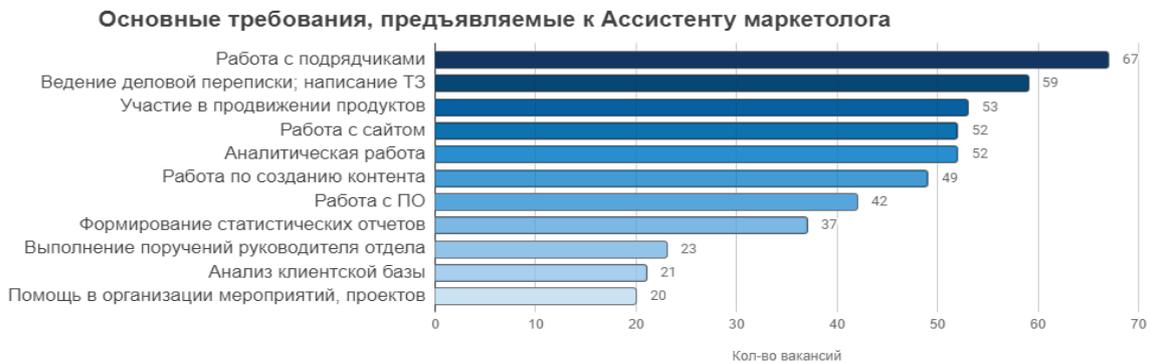

Рис. 9. Основные требования, предъявляемые к ассистенту маркетолога

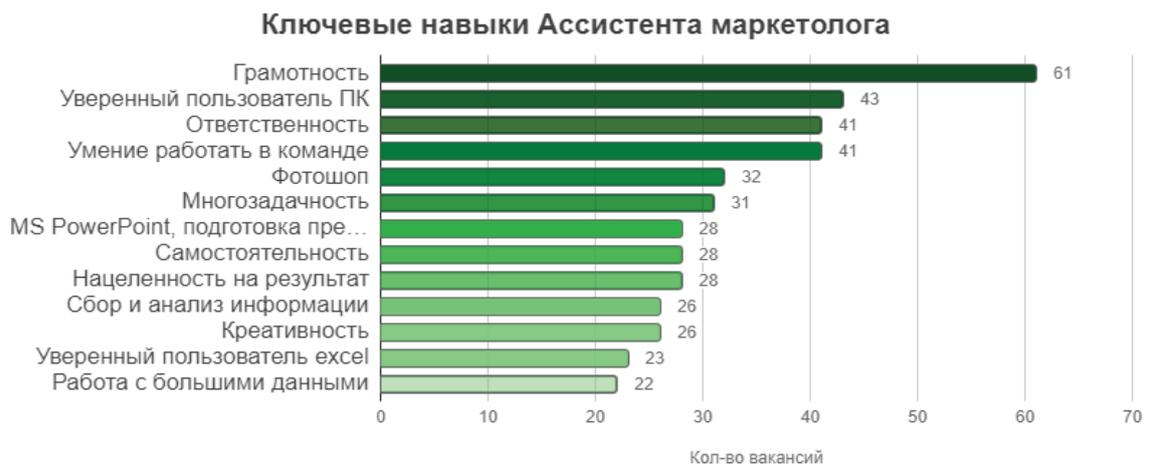

Рис. 10. Ключевые навыки ассистента маркетолога

Рис. 11. Основные требования, предъявляемые к маркетологу

директора по маркетингу — 3–6 лет. В 90% вакансиях условием является полная занятость.

Далее был осуществлен анализ основных требований и ключевых навыков, предъявляемых к исследуемым вакансиям (рис. 9–14).

Требования, предъявляемые к ассистенту маркетолога, в основном основываются на поддержке менеджера по

маркетингу в планировании, подготовке и реализации товаров или услуг, а также включают в себя различную административную работу. Здесь важны базовые навыки по работе с компьютером, а также универсальные надпрофессиональные компетенции, такие как: ответственность, командная работа, креативность и т.д. Основные требования, предъявляемые к маркетологу, в основном связаны

Рис. 12. Ключевые навыки маркетолога

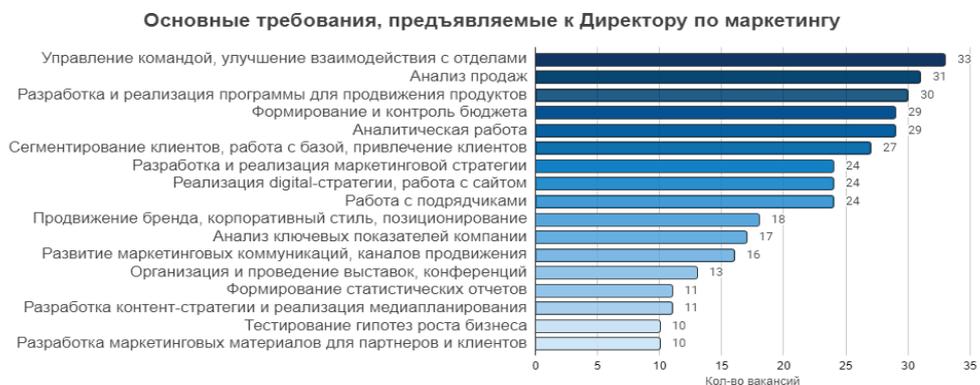

Рис. 13. Основные требования, предъявляемые к директору по маркетингу

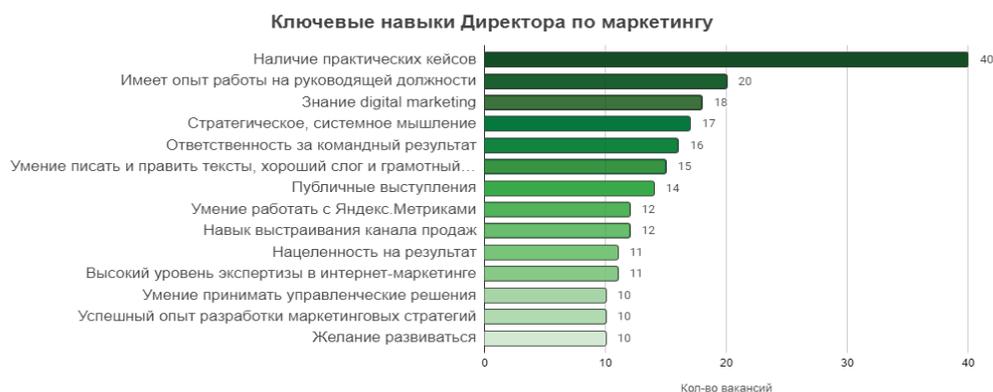

Рис. 14. Ключевые навыки директора по маркетингу

с продвижением товара или услуги. Также сами требования формулируются достаточно обобщенно, шаблонно. Навыки близки к тем, наличие которых требуется у ассистента маркетолога. Самым главным отличием является то, что для маркетолога важно наличие практического опыта. Для директора по маркетингу требования формулируются достаточно узко и конкретно, в зависимости от специфики отрасли и деятельности компании, для анализа вакансий они были обобщены. Также в большинстве случаев сами должности формулируются более конкретно: руководитель отдела маркетинга B2B, руководитель отдела digital маркетинга, руководитель отдела рекламы, директор по маркетингу и PR и т.д. Что касается ключевых навыков, то для директора по маркетингу важен уже не только практический опыт в сфере маркетинга, но еще и управленческие навыки, наличие опыта на руководящей должности. Для директора большое значение имеет персональная эффективность, которая включает в себя стратегическое, системное мышление, решение проблем и принятие решений.

Таким образом, каждая из профессий включает в себя определенный набор профессиональных и надпрофессиональных компетенций, который постоянно увеличивается в процессе перехода на следующую ступень карьерной лестницы.

В сравнении с компетенциями, отмеченными студентами второго курса, и требованиями, которые предъяв-

ляют работодатели, есть некоторые различия. Например, студенты особо подчеркнули навык «стрессоустойчивость», в то время как работодатели не отметили ее критическую значимость. Возможно, для студентов большое количество ситуаций является стрессом. Это обусловлено тем, что со многими ситуациями в своей жизни в силу возраста студенты сталкиваются впервые, в то время как работодатели — более опытные люди. Многие ситуации уже не вызывают у них подобный стресс и тревогу, а значит, значимость компетенции «стрессоустойчивость» снижается. Исходя из этого, работодателям и университетам стоит уделить особое внимание эмоциональному состоянию молодых сотрудников, которым может быть трудно адаптироваться в новой для себя реальности и в ситуациях повышенной нагрузки. Студентам же следует осознать, что многие ситуации необходимо прожить для извлечения опыта, который позволит снизить стресс от подобных ситуаций в дальнейшем.

Таким образом, практическая значимость состоит в том, что важно сформировать понимание в процессе осуществления и развития профессиональных и надпрофессиональных компетенций обучающихся, что в дальнейшем сможет предотвратить опасные для рынка труда и начинающих специалистов проблемы, вызванные недостаточным пониманием требований работодателей к профилю выпускника и начинающего специалиста.

Литература:

1. Игрунова О. М. Практикум по дисциплине «Маркетинговые исследования». Учебное пособие. — М.: ООО «Русайнс», 2023. — 144 с.
2. Игрунова О. М. Маркетинг своими руками: учебное пособие / О. М. Игрунова. — Москва: РУСАЙН, 2021. — 192 с.
3. Игрунова О., Манакова Е., Прима Я. Маркетинговые исследования: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. — СПб.: Питер, 2017. — 224 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 36 (535) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.09.2024. Дата выхода в свет: 25.09.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.